

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

№2 (2) 2023

Язык Коммуникация Общество

Язык. Коммуникация. Общество

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный экономический университет» (СПбГЭУ).
Журнал издается с 2023 г., выходит четыре раза в год.

Языки: русский, английский.

Редакция журнала: 191023, г. Санкт-Петербург, Москательный пер., д. 4. E-mail: ics_journal@unecon.ru.
Сайт: <https://unecon.ru/nauka/izdaniya/>.

Редакционная коллегия

Главный редактор:

А.Д. Кривоносов, д-р филол. наук, проф.,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет, СПб., Россия

Заместители главного редактора:

И.В. Кононова, д-р филол. наук, доц., **А.А. Пруцких**, канд. филол. наук, доц.,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет, СПб., Россия

Ч. Байчун, д-р филос. наук, проф. (Китай), **Р.А. Бурханов**, д-р филос. наук, проф., **И.И. Волкова**, д-р филол. наук, доц.,
Е.А. Гончарова, д-р филол. наук, проф., **Е.Н. Ежова**, д-р филол. наук, проф., **В.И. Ивченков**, д-р филол. наук, проф. (Белоруссия),
Л.А. Капитанова, д-р филол. наук, проф., **В.И. Карасик**, д-р филол. наук, проф., **Е.Ю. Кармалова**, д-р филол. наук, доц.,
Х.Н. Кафтанджиев, д-р филол. наук, проф. (Болгария), **К.В. Киуру**, д-р филол. наук, проф., **Т.А. Клепикова**, д-р филол. наук, доц.,
Л.А. Кочетова, д-р филол. наук, проф., **Т.Ю. Лебедева**, д-р филол. наук, проф. (Франция), **О.В. Магировская**, д-р филол. наук, доц.,
О.Д. Маслбоева, канд. филос. наук, доц., **Г.С. Мельник**, д-р полит. наук, проф., **Е.А. Нильсен**, д-р филол. наук, проф.,
В.Н. Степанов, д-р филол. наук, проф., **Ю.Г. Тимралиева**, д-р филол. наук, доц., **С.Л. Фокин**, д-р филол. наук, доц., **Г.В. Хомелев**, д-р филос. наук, проф., **М.Г. Шилина**, д-р филол. наук, доц., **Л.В. Шиповалова**, д-р филос. наук, проф.

Ответственный секретарь:

Е.Г. Суслова, канд. филол. наук, доц.,
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет, СПб., Россия

Технический секретарь:

А.Ю. Бомбин, ассистент,
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет, СПб., Россия

Язык. Коммуникация. Общество: Электронный научный журнал. 2023. №2 (2). 116 с.

О журнале:

Электронный научный журнал «Язык. Коммуникация. Общество» (Санкт-Петербургский государственный экономический университет) основан в 2022 году с целью расширения единого научного и образовательного пространства. Журнал представляет результаты научных исследований российских и зарубежных ученых по социогуманитарным проблемам развития общества и публикует научно-исследовательские статьи и критические научные рецензии на русском и английском языках в области трех научных дисциплин: философия (научные специальности 5.7.1 «Онтология и теория познания»; 5.7.2 «История философии»); лингвистика (научные специальности 5.9.6 «Языки народов зарубежных стран (германские языки)»; 5.9.8. «Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика»); коммуникативистика (научная специальность 5.9.9. «Медиакоммуникации и журналистика»).

Цель журнала:

создать информационную площадку, которая может обеспечить научное сообщество результатами анализа теоретических и эмпирических проблем в области философии, лингвистики, рекламы, связей с общественностью и медиакоммуникаций.

Задачи журнала:

— публикация оригинальных результатов научных исследований по вопросам философии, лингвистики, коммуникативистики, полученных широким кругом авторов из российских и зарубежных научных организаций;
— осуществление научной коммуникации между российскими и зарубежными специалистами по лингвистике, коммуникациям, философии, работающим в различных научных организациях;
— интеграция возможностей мультидисциплинарного подхода к социогуманитарным исследованиям.

© СПбГЭУ, 2023

Language. Communication. Society

Founder and publisher: Saint Petersburg State University of Economics (SPbSUE).

The magazine has been published since 2023 and is published four times a year.

Languages: Russian, English.

Editorial address: 191023, St. Petersburg, Moskatelny lane, 4.
E-mail: lcs_journal@unecon.ru.
Сайт: <https://unecon.ru/nauka/izdaniya/>.

The editorial board

Editor-in-Chief:

Alexey D. Krivonosov, Doctor of Philology, Professor,
St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia.

Deputy Editors-in-Chief:

Inna V. Kononova, Doctor of Philology, Associate Professor, **Andrei A. Prutskikh**, Candidate of Philology, Associate Professor,
St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

Zhang Baichun, Dr. philos. science, Prof. (China), **Raphael A. Burkhanov**, Dr. philos. science, Prof., **Irina I. Volkova**, Dr. philol. science, Assoc. Prof., **Evgenia A. Goncharova**, Dr. philol. science, Prof., **Elena N. Yezhova**, Dr. philol. science, Prof., **Viktor I. Ivchenkov**, Dr. philol. science, Prof. (Belarus), **Ludmila A. Capitanova**, Dr. philol. science, Prof., **Vladimir I. Karasik**, Dr. philol. science, Prof., **Elena Yu. Karmalova**, Dr. philol. science, Assoc. Prof., **Hristo N. Kaffandzhiev**, Dr. philol. science, Prof. (Bulgaria), **Konstantin V. Kiuru**, Dr. philol. science, Prof., **Tatyana A. Klepikova**, Dr. philol. science, Assoc. Prof., **Larisa A. Kochetova**, Dr. philol. science, prof., **Tatyana Yu. Lebedeva**, Dr. philol. science, Prof. (France), **Oksana V. Magirovskaya**, Dr. philol. science, Assoc. Prof., **Olga D. Masloboeva**, Cand. philos. science, Assoc. Prof., **Galina S. Melnik**, Dr. polit. science, Prof., **Evgenia A. Nilsen**, Dr. philol. science, Prof., **Valentin N. Stepanov**, Dr. philol. science, Prof., **Julia G. Timralieva**, Dr. philol. science, Assoc. Prof., **Sergey L. Fokin**, Dr. philol. science, Assoc. Prof., **Gennady V. Khomelev**, Dr. philos. science, Assoc. Prof., **Marina G. Shilina**, Dr. philol. science, Assoc. Prof., **Lada V. Shipovalova**, Dr. philos. science, Prof.

Executive Secretary:

Ekaterina G. Suslova, Can. philol. science,
Assoc. Prof., St. Petersburg State University of
Economics, St. Petersburg, Russia

Technical Secretary:

Andrei Yu. Bombin, assistant,
St. Petersburg State University of Economics,
St. Petersburg, Russia

Language. Communication. Society: Digital scientific journal. 2023. 2 (2): 116 p.

About the journal:

Digital scientific journal "Language. Communication. The Society" (St. Petersburg State University of Economics) was founded in 2022 with the aim of expanding the unified scientific and educational space. The journal presents the results of scientific research by Russian and foreign scientists on socio-humanitarian problems of society development and publishes research articles and critical scientific reviews in Russian and English in the field of three scientific disciplines: philosophy (scientific specialties 5.7.1 "Ontology and theory of knowledge"; 5.7.2 "History of Philosophy"); linguistics (scientific specialties 5.9.6 "Languages of peoples of foreign countries (Germanic languages); 5.9.8. "Theoretical, applied and comparative linguistics"); communication studies (scientific specialty 5.9.9. "Media communications and journalism").

Purpose of the journal:

to create an information platform that can provide the scientific community with the results of the analysis of theoretical and empirical problems in the field of philosophy, linguistics, advertising, public relations and media communications.

Mission of the journal:

- publication of original research results on philosophy, linguistics, and communication studies obtained by a wide range of authors from Russian and foreign scientific organizations;
- implementation of scientific communication between Russian and foreign specialists in linguistics, communications, philosophy working in various scientific organizations;
- integration of the possibilities of a multidisciplinary approach to socio-humanitarian research.

© SPbSUE, 2023

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

Раздел 1. ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ 5

Гунькова Д.Е. Аксиологические ориентиры дискурсивной личности американского политического комментатора-радиоведущего..... 5

Давыдова В.А. Фонотипы как значимые конструктивные элементы звукоизобразительных слов в вымышленных языках 23

Палехова О.В. Языковые средства и речевые приемы навязывания ложной информации (на примере немецкоязычных медиатекстов)..... 34

Раздел 2. МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И ЖУРНАЛИСТИКА 44

Кафтанджиев Х.Н. Роль контекста в современных медийных коммуникациях 44

Семенова Л.М. ESG-коммуникации компании: преимущества, проблемы, драйверы развития 54

Шилина М.Г. Модели стратегической коммуникации в контексте технологий искусственного интеллекта: акторы и нарративы 63

Раздел 3. ФИЛОСОФИЯ 75

Куракина О.Д. Русский космизм – построение единой картины мира как универсального синтеза науки, философии и религии..... 75

Хомелев Г.В. Аммоний Саккас: неразгаданная тайна учителя неоплатоников и христианского богослова 89

Черных А.А. Философия Н.Г. Чернышевского в перипетиях историографии 101

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ 115

Раздел 1. ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 81-1

*Гунькова Дарья Евгеньевна*Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия
gunk92@gmail.com, Author ID: 1038298, ORCID: 0000-0001-9588-6833

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ ДИСКУРСИВНОЙ ЛИЧНОСТИ АМЕРИКАНСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО КОММЕНТАТОРА- РАДИОВЕДУЩЕГО

В статье представлены результаты комплексного исследования аксиологических ориентиров дискурсивной личности американского политического радиокomentатора. Актуальность работы определяется перспективами изучения способов конструирования ценностей в разных типах дискурса. На материале корпуса текстов авторских радиопередач известных политических журналистов Гленна Бека, Майкла Алана Вайнера и Марка Левина, посвященных предвыборной тематике, выявлены доминантные ценности дискурса политического комментария на американском радио. Для получения достоверных результатов использовались методы корпусной лингвистики, а именно анализ с применением корпусного менеджера AntConc и системы семантической разметки исследовательского центра Ланкастерского университета (USAS). Установлено, что доминантными аксиологическими ориентирами дискурсивной личности американского политического комментатора – радиоведущего являются ценности «patriotism», «welfare», «security», «freedom», «social justice», «family», «religion», относящиеся к числу национально-специфичных лингвокультурных аксиологических смыслов. Дискурсивно-специфичными являются концепты «power», «fight» и «fear», поддерживающие агональный характер коммуникации, а также ценность «truth», способствующая реализации тактик манипулирования, основанных на искажении истинностного аспекта высказывания. В статье показано, что апелляция к данным ценностям представляет собой важный инструмент воздействия в арсенале дискурсивной личности американского политического комментатора – радиоведущего. Апробированная в работе методика выявления ценностных ориентиров медийной дискурсивной личности может быть применима в последующих аксиологических исследованиях других типов коммуникации.

Ключевые слова: дискурс, предвыборный дискурс, аксиологические характеристики, корпусная лингвистика, ценности, медиаполитический дискурс.

Гунькова Д. Е. Аксиологические ориентиры дискурсивной личности американского политического комментатора-радиоведущего // Язык. Коммуникация. Общество: Электронный научный журнал. 2023. № 2 (2). С. 5-22.

*Gunkova Daria Evgenievna*St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia
gunk92@gmail.com, Author ID: 1038298, ORCID: 0000-0001-9588-6833

AXIOLOGICAL LANDMARKS OF THE DISCURSIVE PERSONALITY OF AN AMERICAN POLITICAL COMMENTATOR – RADIO HOST

The article presents the results of a complex study aimed at revealing the axiological landmarks of the discursive personality of the American political radio commentator. The relevance of the work is determined by

the prospects for studying the ways of construing values in different types of discourse. The dominant values of the political commentary discourse on American radio are revealed on the basis of the corpus of texts of the author's radio broadcasts of famous political journalists Glenn Beck, Michael Alan Weiner and Mark Levin. The analyzed texts are devoted to pre-election topics. In order to obtain reliable results the methods of corpus linguistics were applied based on the AntConc corpus manager analysis and the semantic markup system of the Lancaster University Research Center (USAS). It was found that the dominant axiological landmarks of the discursive personality of the American political commentator - radio host are the values of "patriotism", "welfare", "security", "freedom", "social justice", "family", "religion", which are found among the nationally specific linguistic and cultural axiological features. The discursive-specific ones are the concepts of "power", "fight" and "fear", which support the agonal nature of communication. The value "truth" contributes to the implementation of manipulation tactics based on the distortion of the truth aspect of a proposition. The article shows that the appeal to these values is an important tool of influence of the discursive personality of an American political commentator. The method of identifying the value orientations of a media discursive personality tested in the work can be applied in further axiological studies of other types of communication.

Keywords: discourse, pre-election discourse, axiological characteristics, corpus linguistics, values, media political discourse.

Gunkova D. E. Axiological landmarks of the discursive personality of an American political commentator – radio host. Language. Communication. Society: Digital scientific journal. 2023. 2 (2): 5-22.

Постановка проблемы. Исследование дискурсивной личности и ее аксиологических ориентиров относится к наиболее актуальным и активно развивающимся направлениям современной лингвистики. Интенциональная общность участников, обладание едиными признаками и выбор одинаковых стратагемно-тактических схем обуславливают границы исследуемого дискурса, в рамках которого становится возможным составить коллективный образ типового участника отдельного вида дискурса. В дискурсе как языковом проявлении социальных практик ценностные характеристики представляют собой рефлексия, с одной стороны, общей аксиологической системы современной картины мира конкретного общества, объединяющую доминантные исторически сложившиеся установки, а с другой стороны, более личной и индивидуальной формы презентации дискурсивной личности. Эксплицитные и имплицитные аксиологические смыслы в медиаполитическом дискурсе выражаются посредством ценностно-маркированного игрового сценария, реализуемого автором и адресатом. Мотивацией автора в данном игровом сценарии является целенаправленное моделирование восприятия реальности адресатом посредством дискурсивного конструирования определенного набора ценностей. В фокусе нашего исследования находятся ценностные ориентиры дискурсивной личности американского политического комментатора, выбор которых детерминирован стремлением оказать наибольшее манипулятивное воздействие посредством солидаризации с обществом.

История вопроса. Наиболее существенный вклад в развитие аксиологической лингвистики внесли такие отечественные ученые, как В. И. Карасик, В. Л. Абушенко,

И. А. Стернин, Е. Ф. Серебрянникова, С. Г. Воркачев, Г. Г. Слышкин, а также зарубежные исследователи А. Партингтон, М. Рокич, Ш. Шварц и др., которые дифференцировали ценности, подразделяя их в том числе на общечеловеческие, культурные и индивидуальные; определили мотивационную природу ценности, ее ориентационный вектор; отметили когнитивный, аффективный и директивный аспекты ценности; сформулировали ключевые вопросы для дальнейших аксиологических исследований дискурса.

В. Л. Абушенко определяет ценности как «смыслообразующие основания человеческого бытия, задающие направленность и мотивированность человеческой жизни» [Абушенко, 2002: 21]. В. И. Карасик выделяет следующие категории ценностей, которые находят разные способы языковой реализации в различных дискурсивных практиках: базовые ценности (терминальные и инструментальные); коллективные и индивидуальные ценности; моральные и утилитарные ценности; телесные и духовные ценности; дискурсивно-специфические и дискурсивно-универсальные ценности; собственно ценности (представленные в виде концептов и скриптов) и уточняющие их нормы (запреты и предписания), а также различные частные рекомендации (обыкновения и традиции) [Карасик, 2019]. Американский психолог Милтон Рокич полагает, что существует незначительное количество ценностей, определяющих мировоззрение и сценарий поведения большинства людей. Апелляция к этим (базовым) ценностям в дискурсе власти способна оказать влияние на ход социальных и политических событий [Рокич, 2009].

Следовательно, ценности представляют собой триаду смысла, мотивации и ориентационного вектора. В нашем понимании предельные смысловые ценности *выполняют регулятивную функцию в обществе, объединяя в себе нормы поведения, жизненные ориентиры и принципы*, которые служат сплочению социума, ограничению и типизации действий людей в обществе. Ценностные ориентиры формируются избирательным отношением к духовному и материальному благу.

Некоторые исследователи культуры и истории США составили списки базовых ценностей, которые считают свойственными исключительно американскому обществу [Гуляева, 2007; Светоносова, 2006; Парастаев, 2012]. Данная процедура была осуществлена в том числе благодаря ответам информантов – носителей американской лингвокультуры.

Ряд исследователей провели сопоставительный анализ ценностей разных языков с целью выявить национальные особенности аксиосферы и ценностные приоритеты [Бабаева, 2002; Бабенко, 2010; Тер-Минасова, 2010 и др.]. Благодаря данным исследованиям было сформировано представление об этнокультурологических особенностях отдельных языков. Иерархия в системе ценностных приоритетов имеет большое значение, так как, по мнению М. Рокича, национальные ценностные системы различаются не

столько наличием или отсутствием определенных ценностей, сколько в их аранжировке [Rokeach, 1973].

Некоторые лингвисты рассматривают категорию оценки в тесной связи с понятием «ценность», где оценка определена как результат особой, ценностной субъектно-объектной связи [Апресян, 1995; Васильев, 2006; Ивин, 1970; Сергеева, 2003 и др.]. Проследив данную связь, исследователь может определить категориальный статус языкового феномена и составить рабочий список тех концептов, которые представляют собой кванты переживаемого знания о том, что понимается как ценность. Отечественные лингвисты определяют ценность как значение объекта для субъекта, вербализованное в процессе соотнесения объекта с идеализированной картиной мира.

Способы конструирования ценностей в разных типах дискурса активно изучается в отечественной лингвистике. Существуют исследования, посвященные ценностным характеристикам медиадискурса [Буряковская, 2014; Васильева, 2010, Королькова 2022 и др.], новостного дискурса [Плавина, 2019; Строкова, 2015 и др.], политического дискурса [Грушевская, 2019; Светоносина, 2006 и др.], в том числе диахронической направленности [Кононова, Мельничук, 2021], религиозного [Бобырева, 2007] и спортивного [Овсянникова, 2012; Трубченинова, 2006] дискурсов, дискурса рекламы [Кочетова, 2013; Кочетова, Кононова, 2019 и др.] и PR-текстов [Кочетова, 2013; Кочетова, Попов, 2019].

Поиск доминантных аксиологических смыслов в больших языковых/текстовых массивах требует от ученых применения корпусных методов исследования. С использованием статистических корпусных методов были проведены исследования ценностных доминант новостного дискурса [Partington, 2010], рекламы [Кочетова, Кононова, 2019], PR-текстов [Кочетова, Попов, 2019] и др.

Цель статьи: с применением корпусных методов исследования описать доминантные ценностные характеристики дискурсивной личности американского политического комментатора – ведущего авторской программы.

Материал и методика исследования. Материалом исследования послужил корпус текстов, включающий скрипты 13 полных радиопередач («The Glenn Beck Program», «The Savage Nation», «The Mark Levin Show») известных американских политических комментаторов (Гленна Бека, Майкла Алана Вайнера и Марка Левина) общим объемом 115792 слова. Радиопередачи были посвящены предвыборной агитации (в период президентской кампании Дональда Трампа в октябре – ноябре 2016 г.) и послевыборной полемике (январь – март 2017 г.). Для выявления аксиологических ориентиров дискурсивной личности американского политического радиокомментатора было проведено комплексное исследование, включающее несколько этапов:

1) Семантическое тегирование отобранных текстов радиопередач с использованием системы семантической разметки исследовательского центра Ланкастерского

университета, специализирующегося на автоматизированном анализе больших массивов естественного языка (UCREL Semantic analysis system) [<https://ucrel.lancs.ac.uk/usas/>].

2) Составление списка абсолютной частотности единиц корпуса с применением корпус-менеджера AntConc [Anthony, 2019] с их последующей семантической категоризацией с целью выделения ведущих дискурсивных ценностей.

3) Сопоставительный анализ результатов, полученных на первом и втором этапах исследования с целью верификации выводов.

4) Интерпретативный анализ контекстов, реализующих ценностные смыслы, с целью уточнения способов их репрезентации.

Исследование ценностных концептов, свойственных тому или иному типу дискурса, предполагает выявление их прямых, косвенных и тропеических репрезентантов [Кононова, 2010: 94]. При прямой апелляции ценность реализуется в дискурсе при помощи конкретной языковой единицы, имеющей с ним внеконтекстную номинативную связь. При косвенной апелляции он формируется в сознании адресата совокупностью значений языковых единиц, которые не являются средствами его номинации [Кононова, 2010: 94]. Тропеическая апелляция предполагает реализацию концепта при помощи образных средств языка и стилистических приемов речи.

Таблица 1. Тематические классы слов, представленные в системе семантического анализа UCREL

A general and abstract terms	B the body and the individual	C arts and crafts	E emotion
F food and farming	G government and public	H architecture, housing and the home	I money and commerce in industry
K entertainment, sports and games	L life and living things	M movement, location, travel and transport	N numbers and measurement
O substances, materials, objects and equipment	P education	Q language and communication	S social actions, states and processes
T Time	W world and environment	X psychological actions, states and processes	Y science and technology
Z names and grammar			

Результаты и обсуждение.

Этап 1. Система семантического тегирования UCREL представляет собой основу для проведения автоматического семантического анализа текста. Семантический набор тегов является многоуровневой структурой, которая позволяет распределять лексические единицы дискурса на 21 тематический класс (см. табл. 1). Набор тегов данной системы автоматического анализа включает метки для 232 семантических

подкатегорий. Каждый тег представлен десятичным числом, каждый тематический класс – заглавной буквой.

Анализ объединенного корпуса текстов радиопередач, проведенный с использованием системы семантической разметки UCREL, показал, что из 21 класса, представленного в системе, в исследуемом корпусе текстов статистически значимые показатели выявляются только у 13 классов слов (см. рисунок 1). Доминантными семантическими категориями, репрезентированными в корпусе, являются: «Safety/Danger», «Law and Order», «Work and Employment», «Money», «Health and Medical Treatment», «Warfare/Defence».

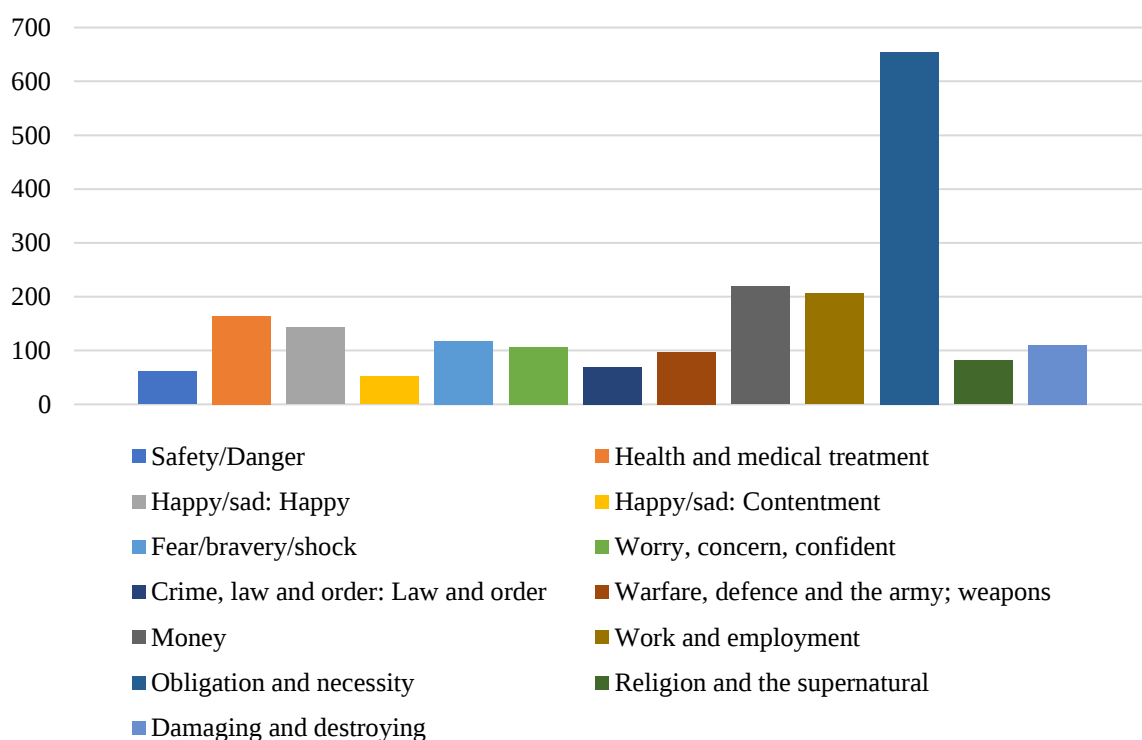

Рисунок 1. Распределение частотных лексических единиц корпуса по тематическим классам

Этап 2. На втором этапе с целью верификации и уточнения полученных результатов нами была проведена семантическая категоризация частотных слов корпуса, выявленных при помощи корпус-менеджера AntConc [Anthony, 2019]. Из полученного списка частотных слов (*Word list*) были исключены служебные слова (артикли, союзы, вспомогательные глаголы), вопросительные наречия и местоимения, а также языковые единицы, реализующие концепт «политические выборы»: названия партий (Democratic party, Republican party), имена политических деятелей, в том числе кандидатов на пост президента, их сторонников и представителей оппозиции, глаголы *vote*, *elect* и пр. Ниже представлен сокращенный список частотных слов корпуса, включающий полноточные слова с наибольшей абсолютной частотностью (см. табл. 2).

Таблица 2. Список частотных слов корпуса (Word-list), реализующих доминантные семантические категории корпуса

слово	абсолютная частотность	слово	абсолютная частотность	слово	абсолютная частотность
American	206	Russians	32	crazy	18
government	129	old	31	defense	18
country	117	gold	30	fear	18
money	104	constitution	29	hell	18
war	85	death	29	military	18
Russian	83	national	29	Ukraine	18
own	76	infrastructure	28	young	18
work	75	justice	28	damn	17
Russia	73	sorry	28	defend	17
jobs	70	amazing	27	dollar	17
bad	67	destroy	27	food	17
sure	67	family	27	forget	17
world	63	sense	27	game	17
tax	59	afraid	26	happy	17
white	59	hope	26	honest	17
together	55	attack	25	imagine	17
dollars	54	hate	25	fair	16
united	54	legs	25	fight	16
friends	52	trust	24	force	16
FBI	51	anti-	23	freedom	16
chance	50	black	23	gun	16
change	47	private	23	hitler	16
history	47	wife	23	human	16
life	47	choice	22	muslims	16
nation	47	paid	22	sick	16
power	46	trade	22	affect	16
immigration	44	truly	22	corruption	15
true	43	truth	22	fire	15
business	42	Americans	21	folks	15
free	41	control	21	ill	15
love	40	muslim	21	independence	15
illegal	39	school	21	intelligence	15
god	37	home	20	respect	15
law	37	honesty	20	taxes	15
spending	37	corrupt	19	church	15
college	34	criminal	19		
principles	33	children	18		
fake	32	certainly	18		

Семантическая категоризация выявленных частотных слов корпуса позволила заключить, что данные лексемы прямо или косвенно репрезентируют следующие ценности:

- «**security**» (*war (85), corrupt/ion (34), Muslim/s (37), destroy (27), death (29), defense (18), defend (17), Nazi (10), fascist (7) immigration (44), illegal/s (46)*);
- «**social justice**» (*law (37), jobs (70), principles (33) constitution (29), justice (28), unconstitutional (12), racist (13)*);
- «**family**» (*family (27), children (18), friends (52), wife (23), middle-class (6)*);
- «**religion**» (*God (37), hell (18), church (15), bible (6) vicious (6)*);

- **«freedom»** (*free* (41), *choice* (22), *freedom* (16), *independence* (15));
- **«welfare»** (*money* (104), *dollar/s* (114), *tax/es* (74), *jobs* (70), *welfare* (24), *illegal/s* (46), *spending* (37)).

Этап 3. Далее нами был проведен сравнительный анализ списка ценностей, полученный с использованием инструмента USAS (UCREL semantic analysis system), и набора ценностей, выделенных на основе абсолютной частотности единиц корпуса с применением корпус-менеджера AntConc.

Очевидно, что данные в значительной степени совпадают. Классы «Safety/Danger», «Warfare/Defence», «Law and Order» и «Health and Medical Treatment» соответствуют категории «Security», тематические классы «Law and Order», «Health and Medical Treatment», «Work and Employment» коррелируют с категорией «Social justice» (очевидно, что понятия «закона и порядка» и «обеспечения охраны здоровья» ассоциируются в американской культуре как с внутренней безопасностью граждан, так и с понятием социальной справедливости). Тематические классы «Work and Employment» и «Money» коррелируют с ценностью «Welfare» в приведенном выше списке. Ценность «Family» ассоциативно связана в культуре с концептами «Welfare» и «Social justice»; с концептом «Social justice» также тесно ассоциируется ценность «Freedom».

Полученные данные показывают, что к числу доминантных ценностей дискурсивной личности американского политического радиокomentатора относятся: «patriotism», «welfare», «family», «religion», «social security», «freedom», «social justice», что подтверждает выводы и результаты имеющихся в лингвистике исследований базовых ценностей американской культуры.

При этом было установлено, что доминантный характер в дискурсе американской политической радиопередачи имеют также ценности, которые не входят в данный набор, а именно: «power» (*force* (16), *power* (46), *control* (21)), «fight» (*attack* (25), *defense* (18), *defend* (17), *anti-* (23), *fight* (16)) и «truth» (*true* (43), *truly* (22), *truth* (22), *honesty* (20), *honest* (17), *fair* (16), *fairness* (6), *fake*, *trust* (24), *frankly* (8)), «fear» (*fear* (18), *scared* (6)), что также отвечает данным, полученным в результате семантической разметки корпуса с использованием инструмента USAS. В частности, высокую значимость показал тематический класс «Fear/bravery/shock», что совпадает с данными списка частотных слов корпуса.

Важно учитывать при этом, что реализация ценностных смыслов осуществляется в дискурсе на базе концептуальных диад ценностей (*security / insecurity*; *social justice / injustice*; *welfare / poverty*), слова-репрезентанты которых обозначают полярные понятия. Данное явление может быть обусловлено агональностью и агрессивной тональностью медиаполитического дискурса. Несомненно, ценность представляет собой «социально одобряемое и разделяемое большинством людей представление о том, что такое добро, справедливость, патриотизм и т.п.» [Добренков; Кравченко, 2007: 360], однако

актуализация ценностей часто происходит за счет апелляции к отрицательному полюсу ценностной диады – антиценности.

Этап 4. Следующий этап предложенной методики представляет собой интерпретационный анализ контекстуальных значений выявленных частотных слов корпуса, в основе которого лежит рассмотрение их сочетаемостных характеристик, а также специфики их смысловой аттракции, то есть регулярного текстового сближения с теми или иными языковыми единицами. Необходимость проведения интерпретативного анализа обусловлена тем, что автоматическое распределение частотных слов в соответствии с их лексико-семантическим признаками не учитывает аспектов омонимии и полисемии единиц дискурса, что препятствует верифицированному отнесению всех многозначных слов и слов-омонимов к конкретному тематическому классу и, тем более, установлению их внеконтекстной связи с ценностями, организующими дискурс политического радиокomentarия. Полученные посредством инструментов анализа текстовых корпусов данные требуют уточнения и интерпретации.

«**Patriotism**» (патриотизм). Патриотизм в американском обществе является уникальным по своей природе в силу того, что данная ценность формируется общественными институтами разного уровня. Патриотические настроения возникают из уверенности в правильности демократических идей общества и ощущения этнической исключительности, свойственного американскому народу. В отличие от привычного восприятия патриотизма как сохранения и преследования идеалов прошлого, в американском политическом дискурсе патриотизм вербализуется за счет направленности на будущее. Популяризация патриотических идей осуществляется благодаря формированию глубокого уважения к стране, многочисленной акцентуации на наименовании страны и граждан этой страны (*American/s* (227), а также идеи единения *nation* (47), *national* (29), *together* (55)). Ср.: *Please **unite** around principles and values, because those are the things, we may end up sharing and those things can be moved forward and we can unite with people. I and millions of **Americans** will stand with you to the end the Muslims being ejected from **America**.* Реализация данной ценности в дискурсе политического радиоведущего побуждает аудиторию к активным действиям в избирательном процессе. Ср.: *While the part-time reality TV star big Donald Trump things have **real country feeling**, we talked about this. But, unfortunately, Hilary doesn't really care about this issue. The whole thing she cares about you still trust Hilary.* Средством косвенной апелляции к ценности «Patriotism» являются лексемы, репрезентирующие идею угрозы культуре и безопасности государства (*destruction, killing of cultural history, mobs*).

«**Security**» (безопасность). Ценность «**security**» (безопасность) часто реализуется в исследуемом дискурсе через концепт-оппозитив «**threat**» (угроза): *war* (85), *corruption* (34), *Muslim/s* (37), *destroy* (27), *death* (29), *defense* (18), *defend* (17), *Nazi* (10), *fascist* (7), *immigration* (44), *illegal/s* (46). Ключевой репрезентант ценности – существительное

security употребляется в составе словосочетаний *defend security, restore security, destroy security, defense of security*. Таким образом, безопасность концептуализируется как нечто, требующее постоянной защиты. Ср.: *Only it's... only... the one area where it's coherent to me or two areas, actually, is when it comes to **defense of national security** and that's good; I will take the following five actions **to restore security** and the constitutional rule of law: first, I cancel every unconstitutional executive action memorandum and order issued by president Obama.*

Косвенным средством репрезентации концепта «*security*» являются языковые единицы, реализующие в дискурсе радиопередачи концепт концепт-оппозитив «*threat*», в первую очередь существительное *war* (85): *But because of Schumer and Pelosi, who are apparently somehow tied to this **Islamic threat**, we're not possibly... and we're heading back to a new Cold War; Why are they so Russophobic? Why have they dropped the ball in the **war against the Islamofascism**?*

«**Social justice**» (социальная справедливость). Ценность «*social justice*» репрезентируется в дискурсе политического комментатора–радиоведущего как нечто уязвимое, требующее неукоснительной защиты и поддержки. Существительное **justice** употребляется в составе словосочетаний *to stand up for/ to protect/ to promote (social) justice*. Ср.: *It's about what can be achieved when workers organize and **stand up for justice**; History will recognise your effort **to stand up for justice** and peace for all.*

Данная ценность косвенно реализуется в корпусе лексемой *Constitution* (29), что подтверждает значимость конституционального права в американском обществе. Угроза конституции (*destroy/ defend/ threat constitution*) концептуализируется как угроза социальной справедливости. Ср.: *They will use our freedom to destroy our freedom; they will use **our Constitution** to destroy **our Constitution**. I am well aware of this.*

Одним из наиболее частотных косвенных репрезентантов ценности «*Social justice*» становится лексема **jobs**. Радиоведущие указывают на негативное влияние на социальное благополучие граждан повсеместной автоматизации рабочего процесса, которая влечет за собой существенное сокращение рабочих мест, при этом призывают граждан осознать необходимость принести временную жертву (сокращение рабочих мест американцев, привлеченных к низкоквалифицированному труду) ради будущего прогресса и процветания (оптимизация производства, повышение эффективности). Ср.: *The threat that automation poses to **jobs** is a big concern to Chuck Jones, the President of the United Steelworkers union. So, I guess, we should just stop automating, right, folks? Stop being **more efficient**, bring back to 1957.*

«**Family**» (семья). Ценность «*family*» (семья) концептуализируется в корпусе текстов радиопередач следующим образом:

1) семья как транслятор аксиологических ориентиров, приоритетов, принципов и убеждений, являющийся гарантом преемственности поколений на пути к прогрессу.

Ср.: *If it's **owned by your family**, you know what I mean, and your **family pass it** to your son, that's fine. But telling your son and his son and his son what he can and cannot do with that land we have no idea what might be on that land ... is wrong.*

2) семья как основа общественного прогресса. В целом ряде примеров репрезентантом ценности «family» является слово **children**. Обсуждается проблема будущего грядущих поколений, таким образом семья связывается с идеей надежного, стабильного будущего, обсуждается угроза этому будущему: (1) *We're running out of time in this country. **Our children's futures are at stake**.* (2) *Not a few fishermen that will enter claiming ten or twelve thousand dollars, but all manner of persons, people of every trade and occupation may enter in at the breach until **they have eaten up the bread of our children**.*

3) семья как духовная ценность, как инструмент становления личности, залог формирования у личности верной идеологии: Ср.: (1) *We all grew up in **a conservative family**. I align with the conservative ideals.* (2) *And I think that it's really important that **my children are getting a conservative standpoint**. And actually, understanding the truth.*

Очевидно, что основные ценности дискурса в большинстве контекстов объективируются одновременно, так ценность «family» регулярно вербализуется одновременно с ценностью «social security», таким образом постулируется важность безопасности института семьи (как физической, так и экономической): *This is **your home and family deserve to be protected and simply safe**.* В исследуемом корпусе наблюдается регулярная аттракция лексем *family* и *children* и предикатов **to be protected, to be safe, to be defended**.

«**Religion**» (религия). К числу лексем, вербализующих ценность «religion» в дискурсе американского политического радиокомментария, относятся: *God (37), hell (18), church (15), bible (6) vicious (6)* и пр. Необходимо отметить, что тематический класс «**Religion**» входит в число 13-ти доминантных кластеров, выявленных с использованием инструмента USAS. Религия в политическом пространстве является регулятором общественных действий, вектором поведения и системой оценки действительности. Как определенный набор сакральных идей, символов и ритуалов, разделяемый подавляющим большинством американцев, религия является основой национальной самоидентичности и способом национальной консолидации.

В исследуемом нами дискурсе «Бог» и «церковь» концептуализируются как:

1. Сила, обеспечивающая поддержку и дающая надежду на лучшее будущее: (1) *And I **pray to God** that with your help in this war that is being fought, that we will prevail;*(2) *If you're a Trump supporter that's a gift from **God**.*

2. Высший моральный закон, судья: (1) *That is their (politicians) main duty to protect those rights, that are the laws all based on natural law and laws of nature and nature's **God**, so the laws out of the **Bible**;* (2) ***God** demands that we say to the other group of people.*

«**Freedom**» (свобода). Ценность «freedom» объективируется в исследуемом корпусе целым рядом лексем: *choice (22), freedom (16), independence (15), free (34).*

Прилагательное *free* употребляется в корпусе 41 раз, однако в ряде контекстов реализует значение «бесплатный» (*for free, free trip, free trial, free housing* и пр.) и, соответственно, не является репрезентантом ценности «freedom». В 9 контекстах прилагательное *free* встретилось в сочетании с лексемой *market* (*free market, free-market reforms, free-market principles*).

Проведенный анализ контекстов показал, что в дискурсе политического радиокomentarия на американском радио ценность «свобода» представлена как:

1. свобода слова, вероисповедания, прессы, свобода академической (университетской) среды: (1) *There's none of the sort of thing that goes on other campuses with respect to violence and safe spaces, and attacks on **academic freedom**, and **freedom of speech** and so forth*; (2) *You know, ladies and gentlemen, it is America: you do have a **free speech**. You are **allowed to speak out** and criticize in a positive way.*

2. свобода экономических процессов («свободный рынок»): (3) *I'm talking about just the words of **free-market capitalism**... Aren't you getting a little concerned that Republicans are attacking free market capitalism? Absolutely. Would have...*; (4) *I thought we had a **free and private economy**. And that was the point of this, where we live and why we establish the country!*

3. свобода политического выбора: (5) *And Trump has to win **independent voters** by more than 20 points.*

Ценность «**freedom**» является одной из ключевых аксиологических доминант американского общества, в связи с этим полученные результаты достаточно предсказуемы. Однако в результате проведенного анализа контекстов употребления лексем *free* и *freedom* удалось сделать выводы о дискурсивной специфичности смысловой структуры концепта. В дискурсе политической радиопрограммы ценность «свобода» реализуется главным образом как *свобода слова, свобода академической (университетской) среды и свобода политического выбора*. Данный феномен обусловлен такой характерной особенностью ценности как ее вариативность (шифтинг) [см.: Севастьянова, 2018: 41].

«**Welfare**» (благосостояние). Апелляция к ценности «welfare» активизирует концептуальную диаду «справедливое/несправедливое распределение материальных благ», таким образом, данная ценность имеет значительную зону пересечения с ценностью «social justice». Как и ценность «свобода», ценность «welfare» вербализуется в корпусе посредством косвенных репрезентантов через коммуникативно-ценностные фрагменты, включающие негативную оценку действий правительства, подрывающих благосостояние общества: (1) *So, I looked up: "The use of welfare **by ethnic and by country of origin**". And based in 2015, what I found was not unexpected. More than ninety percent of middle-eastern refugees are on food stamps.* В силу того, что пособия тратятся на иммигрантов, граждане страны, на которых они рассчитаны, не могут воспользоваться финансовой поддержкой в полном объеме. (2) *36-percent receive temporary assistance for*

needy families, did you know that existed? Did you get any of that money? Are you an American, who is needing? You can't get that money.

Помимо выделенных выше ценностей проведенное исследование позволило выявить следующие концепты, которые можно отнести к числу дискурсивно-специфичных и свойственных исследуемому жанру в силу его агональной природы. К таким концептам можно отнести «*power*», «*fight*», «*fear*» и «*truth*».

Ценность «*power*» вербализуется в дискурсе радиопрограмм лексическими единицами *force* (16), *power* (46), *control* (21). С одной стороны, власть концептуализируется как сила и мощь общественного мнения: (1) *You have more power than you may imagine*; (2) *You can put people like that in office and give them power*. С другой стороны, как антиценность – давление на общество, излишний идеологический контроль в отношении простых американцев, желание навязать им свою волю: (3) *Government is force. That's all it is. It's the pools capacity for violence, of every member of society*.

«*Fight*» (борьба). Ценность «*fight*» концептуализируется как стремление к переменам к лучшему и противостояние политическим противникам. К числу лексем, вербализующий данную ценность, относятся: *attack* (25), *defense* (18), *defend* (17), *anti-* (23), *fight* (16) и другие. В большей части контекстов репрезентанты концепта «*fight*» употребляются в призывах к политической борьбе. Ср.: *They caught that one. It is time to stop being defensive. It is time to stop being reactive. It is time to trying to attack, attack, attack. We must get on offense against these treasonous rats. Not only these who are attacking Sessions, but these treasonous rats who Obama planted in the deep state*.

Стержневой ценностью политического медиадискурса является борьба за власть. В отличие от других видов дискурса в политическом медиадискурсе концепт борьбы, реализуемый словесными конфликтами, как с реальными людьми, так и с воображаемыми оппонентами, оценивается положительно, не выступает как антиценность. Радиоведущий призывает потенциальных избирателей не бояться выразить свое мнение, быть активнее: *Stop being defensive!; Stop being reactive!; Stop being afraid to fight for...!*

«*Fear*» (страх). Концепт «*fear*» реализуется главным образом в контекстах, связанных с переживанием страха противником, представления противника слабым, готовым к необоснованной панике. Ср.: *The republicans are running scared. Lindsey Graham's running scared, Chaffetz is running scared, who else is there running scared... Susan Collins is running scared*.

Одним из основных лейтмотивов дискурса про-республиканских радиоведущих является их несогласие с позицией партии демократов в отношении России. В частности, Майкл Сэвидж в одном из выступлений утверждает, что русофобия в наши дни превосходит антироссийские настроения времен Холодной войны: *Russo-phobia that we are seeing in the United States of America today exceeds that of supposed McCarthyism in the*

1950s. The **madness** is so extreme that you would think that Russia has replaced the Islamofascism as our greatest **threat**. And that is my tie-in today. Where has Islam fascism gone?

Корень *Russo-*, во-первых, входит в состав сложного слова *Russo-phobia*, а во-вторых, встречается в условиях узкого контекста со словами *madness* (в данном контексте – ужас, истерия) и *threat* (угроза). Майкл Сэвидж в одной из радиопрограмм 2017 года призывает своих сограждан мыслить самостоятельно и учить мировую историю: *One little footnote for all of you Russo haters. Have you ever heard of the war between the Germans, the Nazis, and Russia?* Опосредованно обращаясь к политическим оппонентам (не проводя параллели между политическим врагом и слушателем), он призывает американцев трезво оценить текущую ситуацию противостояния России, навязанную правительством, учитывать факты прошлого и опираться на уроки истории в вынесении собственных суждений.

«**Truth**» (истина, правда). Доминантный характер ценности «truth» можно объяснить манипулятивной направленностью дискурса. Аппелируя к ценности «truth», радиоведущий убеждает аудиторию в истинности излагаемых фактов и искренности своих намерений. Ср.: (1) *I will stand with anyone who is **honestly** trying to do the same. I'm not going to make it about him or her the president. I'm not going to make it about us versus them.* (2) *We have to be **honest** about our side and stick to principles and we can change hearts that way now.* В то же время конкурентные СМИ характеризуются как источники ложной информации (*fake / liberal / left-wing / fraudulent bloggers, media, people, news*).

Заключение. Установлено, что доминантными аксиологическими ориентирами дискурсивной личности американского политического комментатора – радиоведущего являются ценности «patriotism», «welfare», «security», «freedom», «social justice», «family», «religion», относящиеся к числу национально-специфичных лингвокультурных аксиологических смыслов. Дискурсивно-специфичными являются концепты «power», «fight» и «fear», поддерживающие агональный характер коммуникации, а также ценность «truth», способствующая реализации тактик манипулирования, основанных на искажении истинностного аспекта высказывания.

В заключение важно отметить, что текстовая семантика в анализируемых корпусах аккумулируется вокруг двух полюсов ценностной оппозиции «Мы – ОНИ (чужие)». Ценностные ориентиры выражаются через оценки дискурсивной личности. К ценностям, ассоциирующимся с полюсом «мы», можно отнести: «patriotism», «family», «religion», «social justice» и «freedom». Языковые репрезентанты данных ценностей сочетаются в отобранных нами контекстах с положительно-оценочной лексикой, в то время как «ОНИ (чужие)» связываются с отрицательным полюсом ценностных оппозиций: «insecurity», «injustice», «poverty», «lack of freedom» и пр. Важным аспектом аксиологического исследования дискурса является определение способов выражения оценочной позиции автора по отношению к ценностному содержанию текста. Для проекции в

текстовые структуры позиции автора и стоящей за ним группы «своих» используются языковые средства оценки. Результаты корпусного анализа свидетельствуют о роли, которую оценочная лексика играет в моделировании ценностей в текстах.

Список источников

Абушенко В. Л. Аксиология: Всемирная энциклопедия: Философия XX век / Главн. науч. ред. и сост. А. А. Грицаков. Москва : АСТ, Современный литератор, Харвест, 2002. С. 21-23.

Апресян Ю. Д. Интегральное описание языка и системная лексикография. Избр. труды в 2-х тт. Т. 2. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 767 с.

Бабаева Е. В. Отражение ценностей культуры в языке // Язык, коммуникация и социальная среда. 2002. № 2. С. 25-34.

Бабенко Л. Г. Концепт и концептосфера в аспекте моделирования // Модели в современной науке: единство и многообразие : сборник научных трудов , Калининград, 17–19 сентября 2009 года / Под редакцией С. С. Ваулиной, В. И. Грешных; Российский государственный университет им. Иммануила Канта. Калининград: Российский университет им. Иммануила Канта, 2010. С. 180-188.

Бобырева Е. В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии: на материале православного вероучения: дис. ...д-ра. филол. наук : 10.02.19 / Волгоградский государственный педагогический университет. Волгоград, 2007. 465 с.

Буряковская В. А. Коммуникативные характеристики массовой культуры в медийном дискурсе: на материале русского и английского языков: дис. ...канд. фил. наук : 10.02.19 / Волгоградский государственный социально-педагогический университет. Волгоград, 2014. 326 с.

Васильев Л. М. Исследование модусных категорий в эволюции медиадискурса: на материале американской прессы XX века. Уфа: БашГУ, 2006. 524 с.

Васильева Л. В. Коммуникативные характеристики массовой культуры в медийном дискурсе: на материале русского и английского языков: дис. ...канд. фил. наук : 10.02.04 / Дальневосточный государственный гуманитарный университет. Владивосток, 2010. 224 с.

Грушевская Е. С. Адресатность в политическом дискурсе: ценности, стратегии, способы выражения: дис. ...д-ра. филол. наук : 10.02.19 / Адыгейский государственный университет. Майкоп, 2019. 342 с.

Гуляева Т. В. Вокативность американского официально-политического дискурса: коммуникативный и когнитивный аспекты: дис. ...канд. филол. наук : 10.02.04 / Пермский государственный университет. Пермь, 2007. 178 с.

Добренков В. И., Кравченко А. И. Социология. Общий курс : Учебное пособие для вузов . Москва : Инфра-М, 2007. 624 с.

Ивин А. А. Основания логики оценок. М.: МГУ, 1970. 230 с.

Карасик В. И. Ценности как культурно значимые ориентиры поведения // Гуманитарные технологии в современном мире. Лингвокультурные ценности в языковом сознании и коммуникативной практике: материалы Международной научной конференции (Тяньцзинь,

Тяньцзиньский университет иностранных языков, 16 ноября 2018 г.). Тяньцзинь, 2019. С. 22-25.

Кононова И. В. Структура и языковая репрезентация британской национальной морально-этической концептосферы : в синхронии и диахронии : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / С.-Петерб. гос. ун-т экономики и финансов. Санкт-Петербург, 2010. 361 с.

Кононова И. В., Мельничук Т. А. Аксиологическая составляющая американского предвыборного дискурса в динамическом аспекте // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2021. Т. 20, № 4. С. 113-125. DOI 10.15688/jvolsu2.2021.4.9.

Королькова А. С. Прагматико-семантический потенциал единиц концептосферы «Здоровый образ жизни» (на материале современного медиадискурса): дис. ...канд. филол. наук : 10.02.01 / Астраханский государственный университет. Астрахань, 2022. 174 с.

Кочетова Л. А. Динамика аксиологических характеристик рекламного дискурса // Гуманитарные и социально-экономические науки, 2013. № 2 (69). С. 61–64.

Кочетова Л. А., Кононова И. В. Когнитивно-корпусный подход к анализу конструирования ценностных смыслов в рекламном дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. № 2. С. 65–74.

Кочетова Л. А., Попов В. В. Исследование аксиологических доминант в жанре пресс-релиза на основе методов автоматического извлечения ключевых слов корпуса текстов // Научный диалог. 2019. № 6. С. 32-49.

Овсянникова М. А. Языковая репрезентация оценки в Интернет-форуме как жанре спортивного дискурса: на материале современного английского языка: дис. ...канд. филол. наук : 10.02.04 / Московский педагогический государственный университет. Москва, 2012. 143 с.

Парастаев Г. Н. Лексико-семантические особенности американского политического дискурса: на примере исторических и общественно-политических реалий: дис. ...канд. филол. наук : 10.02.04 / Московский государственный областной социально-гуманитарный институт. Москва, 2012. 209 с.

Плавина А. А. Жанрово-стилистические характеристики англоязычного травелога в динамическом аспекте: дис. ...канд. филол. наук : 10.02.04 / Волгоградский государственный университет. Волгоград, 2019. 184 с.

Рокич М. Методика "Ценностные ориентации". // Большая энциклопедия психологических тестов / авт.-сост. А.А. Карелин. Москва : Эксмо, 2009. С. 26-28.

Светоносова Т. А. Сопоставительное исследование ценностей в российском и американском политическом дискурсе: дис. ...канд. филол. наук : 10.02.20 / Уральский государственный педагогический университет. Екатеринбург, 2006. 174 с.

Севастьянова А. Л. Прагмалингвистический анализ ценностно-событийного дискурса: на материале

выступлений политических лидеров США: дис. ...канд. филол. наук : 10.02.04 / Санкт-Петербургский государственный университет. Москва, 2018. 202 с.

Сергеева Л. А. Проблемы оценочной семантики. М.: МГОУ, 2003. 140 с.

Серебrenикова Е. Ф. Этносемиотика как способ лингвистического аксиологического анализа // Лингвистика и аксиология: этносемиотика ценностных смыслов: коллективная монография. М.: ТЕЗАУРУС, 2011. С. 49-76.

Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и мета-концепты. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Волгоград, 2004. 323 с.

Строкова Ю. А. Жанрово-стилистические характеристики англоязычного травелога в динамическом аспекте: дис. ...канд. филол. наук : 10.01.10 / ФГБОУ ДПО Академия медиаиндустрии. Москва, 2015. 180 с.

Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. 624 с.

Трубченинова А. А. Эмотивность и оценочность в немецком газетном спортивном дискурсе: дис. ...канд. филол. наук : 10.02.04 / Московский государственный лингвистический. Москва, 2006. 208 с.

Anthony, L., AntConc (Version 3.5.8) [Computer Software]. Tokyo, Waseda University. 2019. URL: <http://www.laurenceanthony.net/> (date of access: 04.12.2021)

Partington, A. Modern diachronic corpus-assisted discourse studies on UK newspapers: an overview of the project. *Corpora*. 2010. Vol. 5, iss. 2. P. 83-108.

Rayson, P., Piao, S., Moore, A. UCREL Semantic analysis system [Computer Software]. Lancaster, Lancaster University. URL: <https://ucrel.lancs.ac.uk/usas/> (date of access: 18.06.2021).

Rokeach, M. The nature of human values. Free press, 1973. 476 p.

Schwartz, S. H. Universals in the Content and Structure of Values: Theoretical Advances and Empirical Tests in 20 Countries. *Advances in Experimental Social Psychology*, 1992. Vol. 25. P. 1-65.

References

Abushenko, V. L. (2002) *Aksiologiya: Vsemirnaya entsiklopediya: Filosofiya XX vek: [World Encyclopedia: Philosophy of the XX century]*. Main scientific ed. and comp. A. A. Gritsanov. Moscow: AST, *Sovremennyy literator* [Modern Writer], Harvest: 21-23. (In Russ.)

Anthony, L., AntConc (Version 3.5.8) [Computer Software]. Tokyo, Waseda University. 2019. URL: <http://www.laurenceanthony.net/> (date of access: 04.12.2021)

Apresyan, Yu. D. (1995) *Integral'noye opisanie yazy'ka I sistemnaya leksikografiya* [Integral description of the language and systemic lexicography]. Izbr. trudy' v dvux t.t. Vol. 2. Moscow: Shkola «Yazy'ki russkoj kul'tury»: 767. (In Russ.)

Babaeva, E. V. (2002) *Otazhenie cennostej kul'tury v yazyke* [Reflection of the values of culture in the language]. *Language, communication and social environment*, (2): 25-34. (In Russ.)

Babenko, L. G. (2010) *Koncept i konceptosfera v aspekte modelirovaniya* [Concept and concept sphere in terms of modeling]. *Modeli v sovremennoj nauke: edinstvo i mnogoobrazie* : sbornik nauchnyh trudov [Models in modern science: unity and diversity: a collection of scientific papers], Kaliningrad, September 17-19, 2009 / Edited by S. S. Vaulina, V. I. Greshnykh; Russian State University Immanuel Kant. Kaliningrad: Publishing house of the Russian University. Immanuel Kant: 180-188. (In Russ.)

Boobyeva, E. V. (2007) *Religioznyj diskurs: cennosti, zhanry, strategii: na materiale pravoslavnogo veroucheniya* [Religious Discourse: Values, Genres, Strategies: On the Material of the Orthodox Faith]: Dis. ...doc. Phil. Sciences: 10.02.19 / Volgograd State Pedagogical University. Volgograd: 465. (In Russ.)

Buryakovskaya, V. A. (2014) *Kommunikativnye harakteristiki massovoj kul'tury v medijnom diskurse: na materiale russkogo i anglijskogo yazykov* [Communicative characteristics of mass culture in media discourse: on the material of Russian and English languages]: dis. ...cand. Phil. Sciences:

10.02.19 / Volgograd State Social and Pedagogical University. Volgograd: 326. (In Russ.)

Dobrenkov, V. I., Kravchenko A. I. (2007) *Sotsiologiya. Obshchii kurs* [Sociology. General course]: Textbook for universities Moscow: Infra-M: 624. (In Russ.)

Grushevskaya, E. S. (2019) *Adresatnost' v politicheskom diskurse: cennosti, strategii, sposoby vyrazheniya* [Targeting in political discourse: values, strategies, ways of expression]: dis. ...doc. Phil. Sciences: 10.02.19 / Adyge State University. Maikop: 342. (In Russ.)

Gulyaeva, T. V. (2007) *Vokativnost' amerikanskogo ofitsial'no-politicheskogo diskursa: kommunikativnyi i kognitivnyi aspekty* [Vocativity of the American Official Political Discourse: Communicative and Cognitive Aspects]: Dis. ...cand. Phil. Sciences: 10.02.04 / Perm State University Perm: 178. (In Russ.)

Ivin, A. A. (1970) *Osnovaniya logiki ocenok* [Base of logic of estimations]. M: 230. (In Russ.)

Karasik, V. I. (2019) *Tsennosti, kak, kul'turno, znachimye, orientiry, povedeniya* [Values as culturally significant guidelines of behavior]. *Gumanitarnye tekhnologii v sovremennoe mire. Lingvokul'turnye tsennosti v yazykovom soznanii i kommunikativnoi praktike: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Humanitarian technologies in the modern world. Linguistic and cultural values in linguistic consciousness and communicative practice]: Materials of the International Scientific Conference (Tianjin, Tianjin University of Foreign Studies, November 16, 2018). Tianjin, 2019: 22-25. (In Russ.)

Kononova, I. V. (2010) *Struktura, i yazykovaya, reprezentatsiya, britanskoi, natsional'noi, moral'no-eticheskoi, kontseptosfery: v sinkhronii, i diakhronii* [Structure and language representation of the British national moral and ethical concept sphere: in synchrony and

diachrony]: dis. ... Doctor of Philology: 10.02.04 / St. Petersburg state University of Economics and Finance. St. Petersburg: 361. (In Russ.)

Kononova, I. V., Melnichuk, T. A. (2021) Aksiologicheskaya, sostavlyayushchaya, amerikanskogo, predvybornogo, diskursa, v, dinamicheskom, aspekte [Axiological component of the American pre-election discourse in a dynamic aspect]. *Bulletin of the Volgograd State University. Series 2: Linguistics*, 20, (4): 113-125. DOI 10.15688/jvolsu2.2021.4.9. (In Russ.)

Korol'kova, A. S. (2022) Pragmatiko-semanticeskij potencial edinic konceptosfery «Zdorovyj obraz zhizni» (na materiale sovremennogo mediadiskursa) [Pragmatic-semantic potential of units of the concept sphere "Healthy lifestyle" (on the material of modern media discourse)]: dis. ...cand. Phil. Sciences: 10.02.01 / Astrakhan State University. Astrakhan: 174. (In Russ.)

Kochetova, L. A. (2013) Dinamika, aksiologicheskikh, kharakteristik, reklamnogo, diskursa [Dynamics of axiological characteristics of advertising discourse]. *Humanitarian and socio-economic sciences*, 2013, 2 (69): 61–64. (In Russ.)

Kochetova, L. A., Kononova, I. V. (2019) Kognitivno-korpusnyi, podkhod, k, analizu, konstruirovaniya, tsennostnykh, smyslov, v, reklamnom, diskurse [Cognitive corpus approach to the analysis of the construction of value meanings in advertising discourse]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki* [Issues of cognitive linguistics], (2): 65–74. (In Russ.)

Kochetova, L. A., Popov, V. V. (2019) Issledovanie aksiologicheskikh dominant v zhanre press-reliza na osnove metodov avtomaticheskogo izvlecheniya klyuchevykh slov korpusa tekstov [The study of axiological dominants in the press release genre based on methods for automatically extracting keywords from a text corpus]. *Nauchnyi dialog* [Scientific Dialogue], 2019, (6): 32-49. (In Russ.)

Ovsyannikova, M. A. (2012) Yazykovaya reprezentatsiya ocenki v Internet-forume kak zhanre sportivnogo diskursa: na materiale sovremennogo anglijskogo yazyka [Language representation of evaluation in the Internet forum as a genre of sports discourse: on the material of modern English]: dis. ...cand. Phil. Sciences: 10.02.04 / Moscow Pedagogical State University. Moscow: 143. (In Russ.)

Parastayev, G. N. (2012) Leksiko-semanticeskie osobennosti amerikanskogo politicheskogo diskursa: na primere istoricheskikh i obshchestvenno-politicheskikh realii [Lexico-semantic features of American political discourse: on the example of historical and socio-political realities]: dis. ...cand. Phil. Sciences: 10.02.04 / Moscow State Regional Social and Humanitarian Institute. Moscow: 209. (In Russ.)

Partington, A. (2010) Modern diachronic corpusassisted discourse studies on UK newspapers: an overview of the project. *Corpora*, 5 (2): 83–108.

Plavina, A. A. (2019) Zhanrovo-stilisticheskie kharakteristiki angloyazychnogo traveloga v dinamicheskom aspekte [Genre and stylistic characteristics of an English-language travelogue in a dynamic aspect]: dis. ...cand. Phil. Sciences: 10.02.04 / Volgograd State University. Volgograd: 184. (In Russ.)

Rokeach, M. (2009) Metodika "Cennostnye orientatsii". [Method Value Orientations]. Moscow, Bol'shaya

entsiklopediya psikhologicheskikh testov [Big encyclopedia of psychological tests] / ed. A.A. Karelin. Moscow, Eksmo: 26-28. (In Russ.)

Rayson, P., Piao, S., Moore, A. UCREL Semantic analysis system [Computer Software]. Lancaster, Lancaster University. URL: <https://ucrel.lancs.ac.uk/usas/> (date of access: 18.06.2021).

Rokeach, M. (1973) The nature of human values. Free press: 476.

Schwartz, S. H. (1992) Universals in the Content and Structure of Values: Theoretical Advances and Empirical Tests in 20 Countries. *Advances in Experimental Social Psychology*, 25: 1- 65.

Sevastyanova, A. L. (2018) Pragmalingvisticheskii, analiz, tsennostno-sobyitiinogo, diskursa: na materiale vystuplenii politicheskikh liderov, SShA [Pragmalinguistic analysis of value-event discourse: based on the speeches of US political leaders]: dis. ...cand. Phil. Sciences: 10.02.04 / St. Petersburg State University. Moscow: 202. (In Russ.)

Sergeeva, L. A. (2003) Problems of estimated semantics. Moscow, Publishing house MGOU: 140. (In Russ.)

Serebrennikova, E. F. (2011) Etnosemiometriya kak sposob, lingvisticheskogo aksiologicheskogo analiza [Ethnosemiometry as a way of linguistic axiological analysis]. *Lingvistika i aksiologiya: etnosemiometriya tsennostnykh smyslov* [Linguistics and axiology: ethnosemiometry of value meanings]: a collective monograph. Moscow: THEZAURUS: 49-76. (In Russ.)

Slyshkin, G. G. (2004) Lingvokul'turnye, kontsepty, i, metakontsepty [Linguistic and cultural concepts and metaconcepts]. dis. ... Doctor of Philology: 10.02.19 / Volgograd: 323. (In Russ.)

Strokovaya, Yu. A. (2015) Zhanrovo-stilisticheskie kharakteristiki angloyazychnogo traveloga v dinamicheskom aspekte [Genre and stylistic characteristics of an English-language travelogue in a dynamic aspect]: dis. ...cand. Phil. Sciences: 10.01.10 / Academy of media industry. Moscow: 180. (In Russ.)

Svetonosova, T. A. (2006) Sopostavitel'noe issledovanie tsennostei v rossiiskom i amerikanskom politicheskom diskurse [Comparative study of values in Russian and American political discourse]: dis. ...cand. Phil. Sciences: 10.02.20 / Ural State Pedagogical University. Yekaterinburg: 174. (In Russ.)

Ter Minasova, S. G. (2000) Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya [Language and intercultural communications]. M: 624. (In Russ.)

Trubcheninova, A. A. (2006) Emotivnost' i ocenochnost' v nemeckom gazetnom sportivnom diskurse [Emotivity and Appraisal in German Newspaper Sports Discourse]: Cand. ...cand. Phil. Sciences: 10.02.04 / Moscow State Linguistic. Moscow: 208. (In Russ.)

Vasiljev L. M. (2006) Issledovanie modusnykh kategoriy v evolyucii mediadiskursa: na materiale amerikanskoy pressy XX veka [The study of modus categories in the evolution of media discourse: based on the material of the American press of the XX century.]. Ufa: 524. (In Russ.)

Vasil'eva, L. V. (2010) Kommunikativnye kharakteristiki massovoy kul'tury v medijnom diskurse: na materiale russkogo i anglijskogo yazykov [Communicative characteristics of mass culture in media discourse: on the material of

Russian and English languages]: dis. ...cand. Phil. Sciences:
10.02.04 / Far Eastern State University for the Humanities.
Vladivostok: 224. (In Russ.)

© Гунькова Д.Е., 2023

Гунькова Дарья Евгеньевна – кандидат филологических наук, ассистент кафедры английской филологии и перевода Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 191023, Россия, Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 30-32 (Russia, St. Petersburg, nab. Griboyedov Canal, 30-32). E-mail: gunk92@gmail.com.

Статья поступила в редакцию: 28.03.2023.

УДК 81'347; 811.9

Давыдова Варвара АлексеевнаСанкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»,
Санкт-Петербург, Россия

va.davydova@gmail.com, AuthorID: 1011183, ORCID: 0000-0002-4475-5267

**ФОНОТИПЫ КАК ЗНАЧИМЫЕ КОНСТРУКТИВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ
ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ СЛОВ В ВЫМЫШЛЕННЫХ ЯЗЫКАХ**

Фонотипы – это типические акустические и артикуляторные признаки фонем, выделяемые как особая категория в звукоизобразительной системе языка. Связь между звуком и значением, определяющая выделение звукоизобразительной лексики в особую подсистему языка, осуществляется на основании изоморфизма физических параметров указанных признаков и объектов внеязыковой реальности (денотата). Данное свойство позволяет выделить фонотипы как минимальные значимые единицы и, следовательно, конструктивные единицы звукоизобразительных слов. В настоящей статье фонотипы рассматриваются как конструктивные элементы построения искусственной лексики; показано, как звукоизобразительные функции фонотипов естественных языков реализуются в искусственно сконструированных словах вымышленных языков. Источником материала послужила лексика на'ви (автор П. Фроммер) и клингона (автор М. Окранд) – априорных искусственных языков, созданных для персонажей вымышленных миров, представленных в циклах кинофильмов «Аватар» и «Звездные войны». В качестве методов исследования были привлечены метод фоносемантических групп (Климова) и метод фоносемантического анализа (Воронин). В ходе проведенного исследования было установлено, что, несмотря на полное отсутствие конвенциональных норм для исследуемого материала, выявленная звукоизобразительная лексика вымышленных языков повторяет звукоизобразительные модели, ранее установленные для естественных языков. Разложимость искусственно сконструированных слов на фонотипы и соответствие их ЗИ-функций таковым для естественных языков доказывает, что современный человек чувствителен к звукоизобразительным аспектам речевых звуков, может мыслить параметрами фонотипов и использовать их для распознавания значения звукоизобразительного слова и создания новых звукоизобразительных слов. Результаты, полученные на ранее неисследованном материале, подтверждают справедливость выделения фонотипа в качестве основной звукоизобразительной единицы языка.

Ключевые слова: фонотип, фонема, вымышленные языки, звукоизобразительность, фоносемантика, априорный язык.

Давыдова В. А. Фонотипы как значимые конструктивные элементы звукоизобразительных слов в вымышленных языках // Язык. Коммуникация. Общество: Электронный научный журнал. 2023. № 2 (2). С. 23-33.

Davydova Varvara AlekseevnaSaint Petersburg Electrotechnical University "LETI", St. Petersburg, Russia
va.davydova@gmail.com, AuthorID: 1011183, ORCID: 0000-0002-4475-5267**PHONOTYPES AS MEANINGFUL CONSTRUCTION UNITS
OF SOUND-IMITATIVE WORDS IN INVENTED LANGUAGES**

Phonotypes are the typical acoustic and articulatory features of phonemes. In the sound-imitative system of language they are distinguished as a special category. The relationship between sound and meaning, which

determines the separation of the sound-imitative lexis into a special subsystem of language, is based on the isomorphic mapping of the physical parameters of these features and objects of extra-linguistic reality (denotatum). This property allows to distinguish phonotypes as minimal meaningful units and, consequently, as constructive units of sound-imitative words. In this paper, phonotypes are regarded as constructive elements in the formation of the artificially constructed lexis; it is shown that the sound-imitative functions of the phonotypes of natural languages are realized in artificially constructed words of fictional languages. The material analyzed includes the lexicons of a priori artificial languages Na'vi (author P. Frommer) and Klingon (author M. Okrand) created for the characters of fictional worlds presented in the Avatar and Star Wars film series. The method of phonosemantic groups (Klimova) and the method of phonosemantic analysis (Voronin) were employed as research methods. In the course of this study, it was found that despite the complete absence of conventional norms in the material under study, the lexis which was identified as sound-imitative repeats the sound-imitative patterns known for natural languages. The study has demonstrated the possibility of finding phonotypes in the structure of artificially constructed words, and the similarity of their iconic functions to those of natural languages. This proves that on the current stage of language development people are sensitive to the sound-imitative aspects of speech sounds: they can operate with phonotype parameters, use them to recognize the meaning of existing sound-imitative words and to create new ones. The results, obtained from the previously unexplored material, confirm the validity of defining the phonotype as the basic sound-imitative unit of language.

Keywords: phonotype, phoneme, invented languages, sound imitativeness, Phonosemantics, a priory language.

Davydova V. A. Phonotypes as meaningful construction units of sound-imitative words in invented languages. Language. Communication. Society: Digital scientific journal. 2023. 2 (2): 23-33.

Постановка проблемы. В число важнейших проблем исследования звукоизобразительности (ЗИ) входит исследование примарной номинации и, в частности, минимальных значимых элементов, участвующих в порождении звукоизобразительных слов.

В ходе исследований основателя фоносемантики С. В. Воронина [Воронин, 2004; 2006] было установлено, что в звукоизобразительной системе языка минимально значимой единицей и соответственно конструктивным элементом с потенциалом образования новых слов является *фонотип* – акустический или артикуляторный признак звука речи. Данная фоносемантическая категория до сих пор остается малоизвестной за пределами отдельных фоносемантических школ и требует дальнейшего изучения.

Определение фонотипа как минимальной двусторонней единицы языка означает, что он обладает эвристическим потенциалом: если слово звукоизобразительно по своему происхождению, то на основе составляющих данное слово фонотипов, или иначе его артикуляторных и акустических признаков слова, возможно распознавание и конструирование его значения.

В связи с этим особый интерес представляет наблюдение за ролью фонотипов как конструктивных элементов на этапе создания новых звукоизобразительных единиц. В

настоящей статье данный процесс рассмотрен на примере конструирования искусственных слов вымышленных языков.

Статья ставит целью показать, каким образом звукоизобразительные функции фонотипов, известные для естественных языков, реализуются в искусственно сконструированных словах вымышленных языков и конституируют их значение.

История вопроса. Проблемы минимальной значимой единицы языка и минимальной конструктивной единицы входят в круг наиболее актуальных проблем исследования звукоизобразительности. Согласно возобладавшему в лингвистике фундаментальному унитарному принципу в рамках структуралистского подхода, основателем которого стал Ф. де Соссюр, знак принципиально произволен, то есть звуковой состав слова никак не указывает на его денотат (объект реальности) [Соссюр, 2006]. Соответственно, минимальный конструктивный элемент формы слова – фонема, является односторонней единицей и не является носителем значения.

В противоположность этому создатель Санкт-Петербургской школы фоносемантики С. В. Воронин выдвинул новые положения [Воронин, 2006]: ЗИ-лексика – не паноптикум языковых аномалий; совокупность ЗИ-слов и других ЗИ-элементов языка следует рассматривать как особую его часть – звукоизобразительную систему (ЗИС), обладающую своими собственными системными элементами и законами их взаимодействия. В рамках ЗИС языковой знак приобретает новое качество – одновременность произвольности и непроизвольности; в качестве базового элемента непроизвольности было выдвинуто понятие фонотипа.

Справедливость выделения фонотипа как базовой звукоизобразительной единицы подтвердили эмпирические системные исследования на материале языка-эталона (английского) и других неродственных языков.

Развивая учение С. В. Воронина, М. А. Флакسمан установила, что в рамках ЗИС фонемы приобретают дополнительную функцию - *функцию референции* или указания на определенные признаки денотата [Флакسمан, Ткачева, Седёлкина и др., 2022: 33]. Таким образом, в ходе современных исследований, казалось бы, непримиримое противоречие между фонемой и фонотипом снимается, а их роли разграничиваются в рамках разных подсистем языка. Именно наличием ЗИ-функции у фонем (принадлежащих к определённым фонотипам) отличаются звукоизобразительные слова от незвукоизобразительных: при реализации в речи у них появляется функция референции к определённым (звуковым и незвуковым) характеристикам денотата [Там же].

Материал и методы исследования. Материалом настоящего исследования стала искусственно сконструированная звукоизобразительная лексика. Источником лексического материала послужили словари авторских языков на'ви (автор П. Фроммер) и клингона (автор М. Окранд) – априорных искусственных языков, созданных для персонажей вымышленных миров, представленных в циклах кинофильмов

«Аватар» и «Звездные войны» [Frommer, 2022; Okrand, 1992]. Выбор именно этих источников определяли следующие факторы: 1) наличие достаточно объемного словаря с авторским переводом, авторских пояснений к произношению, корпуса текстов; 2) популярность языков, что косвенно говорит об убедительности языкового эксперимента и его осмысленности для аудитории 3) полное отсутствием ограничивающей нормы, и следовательно, максимальная свобода авторского творчества.

Оба языка являются априорными, то есть созданными на фонетическом уровне «с нуля» без использования заимствований из каких-либо других языков. Для проверки априорности исследуемого материала предварительно было проведено дополнительное исследование.

Так как оба языка разрабатывались авторами в рамках более широкого художественного замысла по созданию вымышленных миров для художественных фильмов, изобретаемые формы слов должны были соответствовать невербальным образам вымышленной реальности. Данная ситуация максимально приближена к ситуации естественного словосоздания, где звукоизобразительное слово отражает объект внеязыковой реальности (а не кодирует готовое вербально выраженное лексическое значение), и, следовательно, процесс конструирования данных языков можно рассматривать как модель естественной примарной номинации.

Исследование лексики из опубликованных словарей вымышленных языков состояло из двух этапов. На первом этапе был использован метод фоносемантических групп [Klimova, 2016], позволяющий выявить системные звуко-смысловые регулярности в исследуемом материале. Основным методом исследования стал метод фоносемантического анализа [Воронин, 2006: 87], используемый для установления звукоизобразительного статуса лексических единиц.

Фонотип как основная единица звукоизобразительной системы языка. Звукоизобразительные слова отличаются от не звукоизобразительных характером связи между означаемым (тем, что называют) и означающим (то, при помощи чего называют) [Флакسمан, Ткачева, Седёлкина и др., 2022: 33]. С. В. Ворониным было показано, что такого рода связь устанавливается на уровне акустических и артикуляторных признаков – типов звуков речи или *фонотипов* [Воронин, 2004: 10; Voronin, 2005: 102-103]. Слово признается звукоизобразительным, если *хотя бы один* фонотип отражает природу денотата [Воронин, 2006]. Примером фонотипа является, например, фонотип «шипящие» (в английском языке представлен фонемами /s/ и /ʃ/). У фонотипа «шипящие» имеется ЗИ-функция – передача шумового компонента акустического денотата.

В ходе исследований С. В. Воронина и его последователей на материале естественных языков был составлен перечень основных ЗИ-функций для звукоизобразительно валентных признаков фонем [Воронин, 2004: 140; 2006: 68, 108-109].

ЗИ-лексика неоднородна: ЗИС имеет деление на звукоподражательную и

звукосимволическую подсистемы, в которых способы имитации денотата различны. Для *звукоподражательных* слов (имитаций различных звучаний) звукоизобразительно валентными являются *акустические* признаки фонотипа. В свою очередь, для *звукосимволических* слов (имитаций незвуковых явлений реальности) звукоизобразительно валентными являются *артикуляторные* признаки фонотипов. Поскольку любой звук речи совмещает «пучок» акустических и артикуляторных признаков, он разными своими сторонами входит сразу в несколько подмножеств признаков, валентных для ЗИ-слов, и способен передавать совершенно разные типы значения в зависимости от того, какая из его сторон будет «работать» [Brodovich, 2016].

В качестве примера можно привести множественность ЗИ-функций звука /b/. По признаку огубленности данный звук представляет фонотип лабиальных звуков, присутствующих в звукоизображениях округлого: ср. англ. bubble [Шамина, 1989; Слоницкая, 1987]. С другой стороны, по признаку взрывности /b/ представляет фонотип взрывных звуков, представленный в звукоизображениях ударов: англ. bang., рус. *бах*.

Подобные примеры можно найти и в исследуемом материале. В сфере звукоподражаний это звуки удара от выстрела *bach* [baʃ] v. 'shoot', n. 'shot' (клингонский); *baH* [baχ] v. 'fire (torpedo, rocket, missile)' (клингонский). В области звукового символизма это обозначения округлого *bav* [bav] v. 'orbit' (клингонский).

Ниже на конкретном ранее не исследованном материале показано, каким образом фонотипы становятся конструктивными элементами при создании новых слов.

Полученные результаты исследования. Априорные вымышленные языки можно рассматривать как художественные творения, материалом для создания которых послужили звуки человеческой речи. Еще до конструирования отдельных слов авторы имеют представление о том, какое впечатление должно производить *звучание* задуманного языка. Творческий процесс создания вымышленного языка для обоих авторов начался с создания общего звукового образа языка, где целенаправленный подбор звуковой палитры осуществлялся в соответствии с поставленными звукоизобразительными целями.

Основным языком художественных фильмов, где фигурируют вымышленные языки, является английский, поэтому контраст, необычность языка должна ощущаться именно на фоне английского. Так, М. Окранд включил в состав фонемного инвентаря клингона отсутствующие в английском ретрофлексные согласные (D) /dʒ/, и (S) /ʒ/, веларный и увулярный фрикативные (gh) /ɣ/ и (Q) /qɣ/, увулярный взрывной (q) /q/, альвеолярную латеральную аффрикату (tlh) /tʃ/ и гортанный взрывной (гортанную смычку) (') /ʔ/ [Sounds of Klingon, 2022]. Обилие резко звучащих свистящих звуков и звуков, образующихся в глубине ротовой полости, позволили автору создать грубый язык для инопланетной расы клингонов - грубых, воинственных персонажей, образу которых соответствуют, по выражению М.Окранда, гуттуральные звуки [Blits, 2022]. В свою

очередь, язык на'ви был создан Полом Фроммером для создания положительного образа инопланетных жителей. На звуковом уровне это отражено большим количеством сонантов, воспринимаемых как мелиоративные звуки. Инопланетность и необычность по сравнению с английским языком достигается включением в фонемный инвентарь абруптивных согласных (рх) [pʰ], (tx) [tʰ], (kx) [kʰ] и, как и в клингоне, гортанного взрывного [см. словарь Frommer, 2022]. Оба автора отказались от утратившего выразительность в звукоизобразительном плане английского /г/ (подробно об этом можно прочитать у [Воронин, 2004: 75–79]) в пользу звукоизобразительно активного вибрантного варианта.

Использование авторами звуков, не существующих в родном языке, наиболее интересно для анализа, так как отсутствие конвенциональной нормы не позволяет использовать привычные стереотипные модели родного языка или прибегать к аналогиям. Логично было бы предположить, что, внедряя в инвентари вымышленных языков нетипичные, низкочастотные, экзотические для английского языка фонемы, авторы будут стремиться использовать их для передачи необычных реалий. Однако этого не происходит. Так, например, внеземная экзотическая реалья – название инопланетного хищника – имеет легко читаемую форму *ralulucan*, а для обыденного значения «шептать» было изобретено трудночитаемое и труднопроизносимое слово *tlhup* [tʰlupʰ]. Категоризация лексики с помощью метода фоносемантических групп не выявила предпочтений авторов в области использования *фонем*.

Тем не менее, тот же метод фоносемантических групп показал, что связь между звуком и смыслом прослеживается на уровне акустических и артикуляторных признаков фонем – *фонотипов*. Как показало исследование, даже самые необычные для английской аудитории фонемы «работают» своими отдельными сторонами в полном соответствии с закономерностями, ранее выявленными для естественных языков. В тех случаях, когда вымышленные слова проявляют признаки звукоизобразительности, можно проследить, как «высвечиваются» отдельные признаки фонем для создания необходимого образа. Это подтверждают следующие примеры.

Согласные, имеющие признак взрывности, реализуют ЗИ-функцию обозначения звуков, воспринимаемых как сверхкраткие шумы и обозначающих денотат всевозможных ударов. Типичную структуру таких звуков можно обозначить как PLOS+VOC+PLOS [Воронин, 2006: 47], например, как в англ. *kick* ‘пинок’, *pat* ‘хлопать’, *tap* ‘стучать, ударять’.

Данную модель демонстрируют клингонские слова *qIp* [qʰɪpʰ] v. ‘hit’ (with hand, fist, implement); *tIq* [tʰɪ qʰ] n. ‘heart’; *pu'* [pʰuʔ] n. ‘phaser’ (клингонский). Как видно из последнего примера, для звукоизображения удара может быть использован даже такой неожиданный здесь звук как гортанный взрывной.

В языке на'ви удар обозначен абруптивным согласным: *kxang-ang-ang*

[^hkʰaŋ.aŋ.aŋ] int. ‘boom (onomatopoeic)’. Данный онматоп демонстрирует другой тип звучания – звонкий удар с длительным отзвуком. Типичная структура таких звучаний выглядит как PLOS + VOC + SON [Воронин, 2006: 60], например как в англ. *tum* ‘подражание резонаторно звонкому звуку натянутой струны или удара в барабан’, *clam* ‘звонить в колокола’, *bing* ‘подражание звенящему звуку удара’ [Флакман, 2016]; рус. *бим-бом*.

Глухие фрикативные согласные имеют ЗИ-функцию обозначения шумов, воспринимаемых как длящиеся звуки. Типичная структура таких онматопов – FRIC + VOC + FRIC [Воронин, 2005: 51] как, например, в английском англ. *whoosh* ‘производить тихий шелестящий звук’, *flash* ‘шуметь (о воде)’ [Флакман, 2016].

В клингонском языке фонотип фрикативных систематически используется для различных обозначений непрерывных шумов и объектов, издающих такие шумы:

chuS [tʃuʃ] v. ‘be noisy’; *SIS* [ʃiʃ] v. ‘rain’; *SeS* [ʃeʃ] n. ‘steam’ (клингонский); *Sip* [ʃip^h] n. ‘gas’.

Горловые звуки имеют ЗИ-функцию участия горла в обозначаемом процессе. Было выявлено несколько групп значений:

А) **Глотание**. Данная группа слов включает непосредственный процесс глотания, а также смежные по смыслу понятия – «горло», «полоскать горло», «есть», «жажда». Денотатом является мышечное ощущение, возникающее при движении сглатывания, поэтому значение передается посредством артикуляций, задействующих мышцы гортани: велярных согласных /kʰ/, /ŋ/, и /x/, глоттальной смычки, а также гласных заднего ряда и нижнего подъема, включающих в артикуляцию заднюю часть гортани – /u/ и /a/:
CONS^{VEL/UV/GLOT} PLOS/FRIC (+VOC^{LOW BACK}):

kxukx [kʰukʰ] v. ‘swallow’ (на’ви); *ghup* [ɣup^h] v. ‘swallow’ (клингонский); *hugh* [xuɣ] n. ‘throat’ (клингонский); *ghagh* [ɣaɣ] v. ‘gargle’ (клингонский); *’oj* [ʔoj] v. ‘be thirsty’ (клингонский).

Примеры сочетания велярных с задними гласными для передачи значения «глотать» в естественных языках: англ. *glug* «звук глотка», *gobble* «жадно глотать», *gullet* «пищевод», *gulp* «глотать», *guzzle* «жадно есть», *chugalug* «выпить залпом», казах. *қылғу* «глотать», индонез. *meneduk* «глотать», исп. *glugli* «жадно глотать» [Флакман, 2016; Воронин, 2006].

Б) **Зевание**. В клингонском слове *Ноб* [xob] v. ‘yawn’ мотивом номинации является напряжение мышц языка и зева. В естественных языках денотат зевания отражается различными согласными, образованными с участием глоточных мышц – от велярных до глоттальных: англ. *gar*, *gape* (< и.-е. *g^hai- «зевать»), корейск. *haphum*, японск. *ākubi*, тамильск. *aŋkā*, коттский *hoŋaŋ*, классич. эфиопск. *anbaḥqawa*) [Флакман, 2016; Leslau, 2006; Старостин, 2022].

В) **Удушье, ощущение препятствия в горле**. Для звукоизображения удушья два

автора независимо друг от друга нашли одно и то же решение: прерывание потока воздуха глубоко в глотке, что напоминает кашлевое движение и соответствующее ему ощущение: *voq* [voqχ] v. ‘choke’ (клингонский); и *'ali 'ä* [ʔa. 'li.ʔæ] n. ‘collar / choker’ (на’ви). В варианте на’ви использована редуцированная гортанная смычка. В варианте клингона – глухая увулярная аффриката /qχ/. В качестве примеров из естественных языков можно привести англ. *kink* ‘задышаться’, *choke* ‘давиться, душить, задышаться’, селькуп. *quq*, цимши *klak*, геэз *hanaqa* ‘душить, задышаться, схватить за горло’ [Воронин, 2006; Leslau, 2006; Старостин, 2022].

Препятствие в горле может уподобляться препятствию вообще, что порождает группу слов с близкими значениями, также выраженными горловыми звуками: *ekxan* [ε. 'k'an] n. ‘barricade, obstruction’ (на’ви); *Qey* [q̣χej] v. ‘tight’ (клингонский); *waQ* [waqχ] v. ‘obstruct’ (клингонский).

Язычные элементы звукоизобразительно указывают на участие передней части языка. В исследуемом материале это звукообозначения говорения:

ftxi [ft'ɪ] n. ‘tongue’ (на’ви); *li'u* [li.ʔu] n. ‘word’ (на’ви); *li'fya* [liʔ.fja] n. ‘language’ (на’ви); *plltxe* [pɫ. 't'ε] v. ‘speak’ (на’ви); *san* [san] adv. ‘saying, quote’ (на’ви); *sla'tsu* [slaʔ.tsu] v. ‘describe’ (на’ви); *lut* [lut^h] n. ‘story’ (клингонский); *jat* [dʒat^h] n. ‘tongue’ (клингонский); *jatlh* [dʒat^h] v. ‘say’ (клингонский); *ja'* [dʒaʔ] v. ‘tell, report’ (клингонский); *jos* [dʒoʃ] v. ‘gossip, n. rumor, gossip’ (клингонский); *jaw* [dʒau] v. ‘chat’ (клингонский); *ja'chuq* [dʒaʔ.ʃuq^h] v. ‘discuss, confer’ (клингонский).

Для естественных языков ср. русск. *болтать*, *балаболить*, англ. *chatter*, нем. *schwatzen*.

На примере вышеприведенных фоносемантических групп хорошо видно, что один фонотип может объединять разные фонемы. В то же время одна и та же фонема, обладая рядом акустических и артикуляторных признаков, может иметь разные ЗИ-функции.

Многогранность одной и той же фонемы можно проследить на следующем примере. Переднеязычная альвеолярная латеральная аффриката /tʃ/ используется в клингоне для передачи трех не связанных между собой значений:

1. Акустический признак фриктивности становится значимым в обозначении шепота: *tlhup* [tʃup^h] v. ‘whisper’.

Главным элементом фонетической структуры звукоизображений шепота в естественных языках является переднеязычный шипящий или свистящий, часто в сочетании с губным согласным [Воронин, 2004: 62]. В звуке шёпота преобладают шумовые черты. Примерами обозначения шёпота из естественных языков являются: англ. *whisper*, тадж. *шим-шим*, осет. *susu-busu*, тур. *fis*, хинди *phusphusana*, [Флакман, 2016; Краснова, 2018; Старостин, 2022].

2. Как артикуляторный переднеязычный элемент фонема представлена в звукоизображении говорения *jatlh* [dʒatʰ] v. 'say' (примеры из естественных языков см. выше).

3. Так же как язычный элемент она используется для обозначения всасывания жидкости: *tlhutlh* [tʰutʰ] v. 'drink' (клингон). Мотивом номинации здесь является всасывание жидкости губами, сложенными в трубочку, а денотатом – внутреннее ощущение при движении ротовых органов во время всасывания жидкости. Данный тип ЗИ-слов подробно описан в работах С. В. Воронина и А. М. Газова-Гинзберга [Воронин, 2006: 90; Газов-Гинзберг, 1965: 85]. С. В. Воронин отмечает универсальность глухого свистящего в анлауте, а А. М. Газов-Гинзберг дополнительно подчеркивает важность наличия губного элемента. Язычный элемент в сочетании с губным присутствует и в естественных звукоизобразительных словах с тем же значением: англ. *suck* 'сосать', *slurp* 'заглатывать', 'пить, втягивая жидкость', рус. (диал.) *сёрбать*.

Очевидно, фонема /tʰ/ была включена в звуковой состав клингонского языка в соответствии со стремлением автора М. Окранда сделать клингон как можно более отличным от земных языков. Тем не менее, в звукоизобразительных словах ее функции полностью соответствуют законам естественной звукоизобразительности.

Аналогичным образом, гортанная смычка /ʔ/ по способу образования имеет признак взрывности и присутствует в ономатопах-инстантах, обозначающих семантику ударов: *pu* ' [pʰuʔ] n. 'phaser' (клингон); *sru* ' [sruʔ] v. 'crush, trample' (на'ви) (то есть имеет звукоподражательную функцию имитации сверхкраткого звука, удара). По месту же образования гортанная смычка является глоттальным согласным, и её звукоименическая функция в словах – указание на участие мышц горла в обозначаемом процессе: *'ali 'ä* [ʔa. 'li.ʔæ] n. 'choker' (на'ви); *'em* [ʔem] v. 'vomit' (клингон).

Выводы

Вымышленная лексика полностью априорного искусственного языка, где выбор авторов на всех уровнях ничем не ограничен, очевидно, должна являть крайнюю степень произвольности. Тем не менее, вымышленные звукоизобразительные квази-слова поддаются изучению с помощью фоносемантического анализа, который позволяет обнаружить в таком материале звуко-смысловые регулярности и вычленить значимые элементы формы.

Несмотря на полную, как кажется, произвольность и «внеземной характер» рассмотренных вымышленных языков, их звукоизобразительная лексика повторяет фоносемантические звукоизобразительные модели и закономерности, ранее установленные для естественных языков. Необычные и трудно произносимые звуки, внедренные авторами для создания необычного звукового и графического образа языка, проявляют в вымышленном звукоизобразительном слове ЗИ-функции, определяемые их артикуляторными и акустическими признаками. Таким образом, связь звука и смысла в

искусственно сконструированном вымышленном слове реализуется на уровне фонотипа и полностью соответствует законам естественной звукоизобразительности.

Следует подчеркнуть, что авторы обоих языков, хоть и являются профессиональными лингвистами, не знакомы с отечественной теорией фоносемантики. При этом отсутствие знаний о фонотипах не помешало авторам использовать их как конструктивные значимые элементы для создания новых слов.

Разложимость искусственно сконструированных слов на фонотипы и соответствие их ЗИ-функций таковым для естественных звукоизобразительных слов доказывает, что современный человек чувствителен к звукоизобразительным аспектам речевых звуков, может мыслить параметрами фонотипов и использовать их для создания новых звукоизобразительных слов.

Результаты, полученные на ранее не исследованном материале, подтверждают справедливость выделения фонотипа в качестве основной ЗИ-единицы языка. В целях дальнейшего уточнения различных аспектов теории фонотипа, связанных с их функционированием в психической реальности человека, представляется перспективным изучение с позиций фоносемантики других типов искусственных языков.

Список источников

Воронин С. В. Английские ономотопы: фоносемантическая классификация. СПб.: Изд-во Ин-та иностр. языков, 2004. 192 с.

Воронин С. В. Основы фоносемантики. М.: ЛЕНАНД, 2006. 248 с.

Газов-Гинзберг А. М. Был ли язык изобразителен в своих истоках? (Свидетельство прасемитского запаса корней). М.: Наука, 1965. 182 с.

Краснова А. В. Универсальные характеристики звукоизобразительной лексики и их специфические проявления в турецком языке: дис. ...канд. филол. наук: 10.02.19. СПб., 2018.

Слоницкая Е. И. Звукосимволизм обозначений округлого: опыт типологического исследования: дис. ...канд. филол. наук: 10.02.19. Л., 1987.

Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М.: URSS, 2006. 256 с.

Старостин С. А. Вавилонская башня: проект этимологической базы данных // Международный интернет-проект. Дата обращения 09.04.2023. URL: <https://starlingdb.org/intrab.php?lan=ru>.

Флакман М. А. Словарь английской звукоизобразительной лексики в диахроническом освещении. СПб.: Институт иностранных языков, РХГА. 2016. 201 с.

Фоносемантика: Опыт междисциплинарного исследования. Монография / Флакман М. А., Ткачева Л. О., Седелкина Ю. Г., Лавицкая Ю. В. и др. / отв. ред. Н. К. Алимова. М.: Мир науки, 2022 // Сетевое издание. Дата обращения 08.02.2023. URL: <https://izdmn.com/PDF/69MNNPM22.pdf>.

Шамина Е. А. Дистрибуция лабиальных в фонетическом и фоносемантическом отношении: статистико-экспериментальное исследование на материале английского и русского языков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Л., 1988.

Blitz M. (2016) Speaking "Star Trek": Meet the Man Who Made Up the Klingon Language. *Popular Mechanics*. Sep. 26, 2016. Дата обращения 26.03.2022. URL: <https://www.popularmechanics.com/culture/movies/a22990/klingon-language-star-trek>.

Brodovich O. I. (2016) The Phoneme and the Phonotype. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences* 3 (9): 620–624.

Frommer P. (2022) Na'vi / English Dictionary. Last update by Titstewan. Online Avatar Fan Community. Дата обращения 26.03.2022. URL: <https://learnnavi.org/navi-vocabulary>.

Klimova S. V. (2016) Etymological analysis of iconic word groups: different approaches. Flaksman M. A. and Brodovich O. I. (eds.) *Anglistics of the XXI century, vol.2 Phonosemantics: in commemoration of Professor Dr.Stanislav Voronin's 80th anniversary*. St. Petersburg: St. Petersburg State University publ., pp. 61–65.

Leslau W. (2006) *Comparative Dictionary of Ge'ez (Classical Ethiopian)*. Wiesbaden: Harrasowitz Verlag.

Okrand M. (1992) *The Klingon Dictionary*, 2nd ed. New York: Simon & Schuster.

Okrand M. (2022) *Sounds of Klingon*. Klingon Language Institute. Дата обращения 26.03.2022. URL: www.kli.org.

References

Blitz, M. (2016) Speaking "Star Trek": Meet the Man Who Made Up the Klingon Language. *Popular Mechanics*. Sep. 26, 2016. Accessed 26.03.2022. URL: <https://www.popularmechanics.com/culture/movies/a22990/klingon-language-star-trek>.

Brodovich, O. I. (2016) The Phoneme and the Phonotype. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences* 3 (9): 620–624.

Flaksman, M. A. (2015) Diachronicheskoye razvitie zvukozobrazitelnoi leksiki angliiskogo yazyka [Diachronic development of English iconic vocabulary]. PhD diss., State University of St. Petersburg. (In Russ.)

Flaksman, M. A., Tkacheva, L. O., Sedelkina, Yu. G., Lavitskaya, Yu. V., et al. (2022) Fonosemantika: opyt mezhdistsiplinarnogo issledovaniia [Phonosemantics: An attempt at interdisciplinary research]. M.: Mir nauki. Electronic Publication. Accessed 08.02.2023. URL: <https://izdmn.com/PDF/69MNNPM22.pdf>. (In Russ.)

Frommer, P. (2022) Na'vi / English Dictionary. Last update by Titstewan. Online Avatar Fan Community. Accessed 26.03.2022. URL: <https://learnnavi.org/navi-vocabulary>.

Gazov-Ginzberg, A. M. (1965) Byl li yazyk izobrazitelen v svoih istokah? (Svidetel'stvo prasemitskogo zapasa kornei) [Was language iconic in its origin? (Evidence from ancient semitic root-forms)]. Moscow: Nauka, 1965: 182. (In Russ.)

Klimova, S. V. (2016) Etymological analysis of iconic word groups: different approaches. Flaksman M. A. and Brodovich O. I. (eds.) *Anglistics of the XXI century, vol.2 Phonosemantics: in commemoration of Professor Dr. Stanislav Voronin's 80th anniversary*. St.Petersburg: St.Petersburg state univ. publ.: 61–65. (In Russ.)

Krasnova, A. V. (2018) Universalnye kharakteristiki zvukoizobrazitelnoy leksiki i ikh spetsificheskiye proyavleniya v turetskom yazyke: dis...kand. filologicheskikh

nauk [The Universal Properties of Sound-Imitative Lexis and their Specific Manifestation in the Turkish Language] PhD. Diss., State University of St. Petersburg. (In Russ.)

Leslau, W. (2006) Comparative Dictionary of Ge'ez (Classical Ethiopian). Wiesbaden: Harrasowitz Verlag.

Okrand, M. (1992) The Klingon Dictionary, 2nd ed. New York: Simon & Schuster.

Okrand, M. (2022) *Sounds of Klingon*. Klingon Language Institute. Accessed 26.03.2022. URL: www.kli.org.

Saussure, F. de. (2006) Kurs obschey lingvistiki [Course in general linguistics]. Moscow, URSS: 256. (In Russ.)

Shamina, E. A. (1989). Distributsiya labialnykh v foneticheskom i fonosemanticheskom otnoshenii: avtoref.dis...kand. filologicheskikh nauk [Distribution of the Labials from the Point of View of Phonetics and Phonosemantics] PhD Diss. Abstract. Leningrad, LGU. (In Russ.)

Slonitskaya, E. I. (1987). Zvukosimvolizm oboznacheniy okruglogo (Opyt tipologicheskogo issledovaniia): avtoref. Dis...kand. filologicheskikh nauk [Sound Symbolism in Designations of Rounded Objects. A Case in Typological Research]. PhD Diss. Phil. Abstract. Leningrad, LGU.

Starostin, S. A. (2022) Vavilonskaya bashnya: proyekt etymologicheskoy bazy dannykh [The Tower of Babel: An Etymological Database Project]. *International Internet Project*. Accessed 09.04.2023. URL: <https://starlingdb.org/in-trab.php?lan=ru>.

Voronin, S. V. (2004) Anglijskie onomatopy: fonosemanticheskaja klassifikacija [English Onomatopoes: a Phonosemantic Classification]. St. Petersburg: IFL: 192.

Voronin, S. V. (2006) Osnovy fonosemantiki [Fundamentals of phonosemantics]. Leningrad University Press; 2nd edition. Moscow: LENAND: 248.

© Давыдова В.А., 2023

Давыдова Варвара Алексеевна – кандидат филологических наук, ассистент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина). Контакты: ул. Профессора Попова, д. 5, литера Ф, Санкт-Петербург, Россия, 197376 (5 Professora Popova str., Saint Petersburg, Russia, 197376.). E-mail: va.davydova@gmail.com.

Статья поступила в редакцию: 14.03.2023.

УДК 811.11.112

Палехова Ольга ВладимировнаСанкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия
palekhova@mail.ru, AuthorID: 816874, ORCID: 0009-0007-1165-9862**ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА И РЕЧЕВЫЕ ПРИЕМЫ НАВЯЗЫВАНИЯ
ЛОЖНОЙ ИНФОРМАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ
МЕДИАТЕКСТОВ)**

В центре внимания данной статьи находятся речевые приемы и языковые средства оказания на адресата манипулятивного воздействия, используемые в немецкоязычном медиадискурсе. Актуальность настоящего исследования обусловлена возрастающей ролью средств массовой информации и их потенциалом оказывать воздействие на адресата. Корпус исследования способов навязывания ложной информации основан на 28 журнальных статьях и интервью-беседах, опубликованных в немецких и австрийских СМИ за 2020-2023 гг. Методологию исследования составили методы контекстного, ситуативно-интерпретационного и коммуникативно-прагматического анализа наиболее эффективных лингвистических средств, используемых в средствах массовой информации для изменения смысла доносимой информации. Использование рассматриваемых в статье речевых тактик обусловлено стремлением адресанта (автора журнальной статьи или участников журнальной интервью-беседы) преподнести информацию под нужным ему углом зрения и сформировать актуальное общественное мнение. В качестве типичных приемов навязывания адресату (потенциальному читателю или слушающему) ложной информации выделяются и анализируются, во-первых, коммуникативная стратегия «свой» и «чужой», во-вторых, тактики навешивания фальшивых ярлыков, реализуемые посредством использования яркой эмоционально-окрашенной лексики с отрицательной и положительной коннотацией, эвфемизмов и дисфемизмов. В результате использования таких речевых тактик средства массовой информации реализуют свои коммуникативно-прагматические установки, а именно: изменение у массового адресата мнения о тех, кто обозначается как «чужие», «враги», не разделяющие ценности «своих». Опосредование адресату нужных ментальных установок осуществляется, как правило, имплицитно, что позволяет говорить о манипулятивном воздействии, о навязывании адресату ложной информации о фактах действительности с целью программирования негативного отношения к идеологическому оппоненту.

Ключевые слова: медиатекст, ложная информация, «свой-чужой», навешивание ярлыков, эвфемизм, дисфемизм, оценочная лексика.

Палехова О. В. Языковые средства и речевые приемы навязывания ложной информации (на примере немецкоязычных медиатекстов) // Язык. Коммуникация. Общество: Электронный научный журнал. 2023. № 2 (2). С. 34-43.

Palekhova Olga VladimirovnaSaint-Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia
palekhova@mail.ru, AuthorID: 816874, ORCID: 0009-0007-1165-9862**LANGUAGE TOOLS AND SPEECH TECHNIQUES FOR IMPOSING
FALSE INFORMATION (ON THE EXAMPLE OF GERMAN-LANGUAGE
MEDIA TEXTS)**

The focus of this article is on speech techniques and linguistic means of manipulative influence on the addressee, used in the German-language media discourse. The relevance of this study is due to the increasing role of the mass media and their potential to influence the addressee. The corpus of research on ways to impose false information is based on 28 journal articles and interview conversations published in German and Austrian media for 2020-2023. The methodology of the study was based on the methods of contextual, situational-interpretative and communicative-pragmatic analysis of the most effective linguistic means used in the mass media to change the meaning of the information conveyed. The use of speech tactics considered in the article is due to the desire of the addressee to present information from the angle of view he needs and to form an actual public opinion. The typical methods of imposing false information on the addressee are analyzed, firstly, the communicative strategy of "friend-foe", and secondly, the tactics of hanging false labels, implemented through the use of evaluative vocabulary with negative and positive connotations, euphemisms and dysphemisms. As a result of the use of such speech tactics, the mass media realize their communicative and pragmatic attitudes: a change in the opinion of the mass addressee about those who are designated as "foe", "enemies" who do not share the values of "friends". Mediation of the necessary mental attitudes to the addressee is carried out, as a rule, implicitly, which allows us to talk about manipulative influence, about imposing false information on the facts of reality on the addressee in order to program a negative attitude towards an ideological opponent.

Keywords: media text, false information, "friend-foe", labeling, euphemism, dysphemism, evaluative vocabulary.

Palekhova O. V. Language tools and speech techniques for imposing false information (on the example of German-language media texts). Language. Communication. Society: Digital scientific journal. 2023. 2 (2): 34-43.

Введение. В последние десятилетия в фокусе внимания многих исследований находится комплекс проблем, связанных с речевым взаимодействием в самых разных сферах человеческого общения, а также тактик и стратегий речевого воздействия. Следует сказать, что именно в средствах массовой информации речевое воздействие приобретает всё большее значение.

Это обусловлено, не в последнюю очередь, тесной взаимосвязью медиадискурса с политическим дискурсом. Как следствие, массовая коммуникация представляет сегодня важный инструмент политического информирования массового адресата, будь то читатель или зритель. Именно в средствах массовой информации «разворачивается война значений и смыслов» [Знак, 2021: 65], поскольку СМИ не только, а зачастую не столько информируют о значимых мировых событиях, сколько интерпретируют освещаемые события, анализируя и разъясняя их, и, как следствие, управляют общественным мнением, навязывая зачастую предвзятую оценочность. При подаче искаженной информации адресант использует различные языковые средства, чтобы адресат пребывал в полной уверенности, что он приходит к тем или иным выводам самостоятельно [ср. Копнина, 2014: 11].

Методология и источники. Объектом нашего исследования являются речевые приемы и языковые средства искажения информации в современных медиатекстах ведущих немецких журналов «Spiegel», «Spiegel Wissen», «Cicero», а также австрийской

газеты «Die Wiener Zeitung»: аналитическое интервью и интервью-беседа. Корпус составили 28 немецкоязычных журнальных и газетных публикаций за 2020-2023 гг. Выбор в качестве материала медиатекстов обусловлен тем, что они позволяют достичь цели исследования: выявления механизмов навязывания ложной информации с целью манипуляции адресатом. Для осмысления и систематизации отобранных фрагментов, имплицитных намеренное искажение доносимой до адресата информации с целью воздействия, нами использовался ситуативно-интерпретационный метод. Методологическую основу исследования также составил коммуникативно-прагматический метод, поскольку в основе анализа лежит понимание направленности средств массовой коммуникации на достижение вполне определенных прагматических целей.

Ввиду ограниченности наших возможностей в рамках одной статьи, мы проанализировали только самые типичные речевые приемы и языковые средства, при помощи которых события и/или факты подаются адресату под нужным углом зрения за счет увеличения доли субъективных оценочных высказываний и сокращения объема объективной, фактической информации.

Результаты и обсуждение. Для более эффективного воздействия на адресата, а также навязывания ложной информации СМИ используют различные речевые приёмы, реализуемые при помощи определенных языковых средств. Самым распространенным речевым приемом, позволяющим успешно сформировать в сознании массового адресата требуемые ценностные ориентиры и повлиять тем самым на общественное мнение, является использование коммуникативной стратегии «свой-чужой». Семантическая оппозиция «свой-чужой» дефинируется некоторыми исследователями как «идеологическая полисемия», под которой понимается «использование одних и тех же слов представителями разных идеологий для обозначения разных понятий» [Шейгал, 2000: 70] и которая выступает «серьезным манипулятивным орудием в информационной войне» [Мухортов, 2014: 70].

Коммуникативная стратегия «свой» – «чужой». В основе данной коммуникативной стратегии лежат идеологизированные коннотации значений слов. Идеологические коннотации [Шейгал, 2000: 70] в результате многократного повторения закрепляются [ср. Кара Мурза, 2018: 173] в оценочные импликации «свой» → «хороший», «чужой» → «плохой».

В немецких СМИ нередко в качестве «чужого», наделяемым всевозможными эпитетами с отрицательной коннотацией, на интернациональном уровне в качестве политических оппонентов в настоящий момент выступают страны: Россия, Белорусия, Китай и Иран. В качестве локальных «чужаков» преподносятся политики (например, Дональд Трамп, Сара Вагенкнехт) и политические партии, представляющие сильных идеологических противников: die AfD, die Linke.

В следующем примере Китай противопоставляется не только Германии в лице немецких предприятий, но и всему миру, что имплицитно, во-первых, семантическую оппозицию «они» – «все мы», во-вторых, для создания отрицательной оценки идеологического оппонента в отношении его используются слова с отрицательной семантикой «нарушают», «ущемляют»:

(1) Die hohen Industriesubventionen in China gefährden laut einer Analyse ... die Wettbewerbsfähigkeit der deutschen Wirtschaft. (...) Darüber hinaus werden ausländische Unternehmen in China laut Prognos-Institut auch in anderer Hinsicht benachteiligt.

Как показывают примеры, в коммуникативной стратегии «свой-чужой» не всегда вербализуется образ «своего», он имплицитно такими лексемами, как «весь мир», «все». Для характеристики «чужих» оценочная лексика с отрицательной коннотацией всегда используется эксплицитно, как, например, в следующем фрагменте медиатекста, в котором «*русские олигархи* как Олег Дерипаска оказывают *по поручению Кремля* *тлетворное влияние* в мировом масштабе»:

(2) Russische Oligarchen wie Oleg Deripaska üben im Auftrag des Kremls weltweit bössartigen Einfluss aus (...)

Интерес представляют также статьи, освещающие схожие события диаметрально противоположно, например, экономические и/или политические забастовки в Иране и Германии или США:

(3) In Iran sind die Menschen gegen die Erhöhung des Benzinpreises auf die Straße gegangen. Aber der eigentliche Grund für die Tumulte ist komplizierter. Es geht um die Macht des Regimes.

(4) Experten schätzen den volkswirtschaftlichen Schaden durch einen Streik auf rund zwei Milliarden Dollar – pro Tag.

Если в Иране причина выхода людей «на улицы против повышения цен на бензин» в действительности обусловлена «властью режима», то при освещении похожих событий в «своих» странах вина за происходящее возлагается не на власть, а на протестующих. При этом на первый план выходят не политические причины многочисленных забастовок, а экономические последствия для всех отраслей. Тем самым бастующие противопоставляются «всем», т.е. «нам», «хорошим».

Самым показательным примером реализации коммуникативной стратегии «свой-чужой», на наш взгляд, могут служить публикации о журналисте Сеймуре Херше, который долгое время преподносился адресату как «свой», однако после его публикаций о причинах взрыва на Северных потоках позиционируется как «чужой»:

(5) Der in Chicago geborene Seymour Hersh wird dabei sein, jener legendäre amerikanische Enthüllungsjournalist, der 1969 weltbekannt wurde, weil er das Massaker von US-Soldaten in dem vietnamesische Dorf My Lai aufdeckte. (Spiegel.de, 2016). (На открытии) будет рожденный в Чикаго Сеймур Херш, легендарный американский журналист–

разоблачитель, получивший *всемирную известность* в 1969 году за разоблачение резни американских солдат во вьетнамской деревне Май Лай).

(6) *Der umstrittene US-Journalist* Seymar Hersh schreibt in einem *schwach belegten Blogbeitrag*, die USA hätten die Nord-Stream-Pipelines gesprengt. *Die russische Propaganda* nutzt die Behauptung bereits für ihre Zwecke (Spiegel, 9.02.2023). (*Скандалный американский журналист* Сеймур Херш пишет в блоге, что США взорвали трубопроводы «Северного потока», – сообщение, *почти не подкреплённое документами и доказательствами*. *Российская пропаганда* уже использует это утверждение в своих целях).

Следует сказать, что для реализации коммуникативной стратегии «свой-чужой» активно используется эмоционально-экспрессивная лексика: как с положительной семантикой, так и с отрицательной. Формулируя стереотипные оценочные суждения, адресант формирует тем самым у адресата заданное восприятие. К стереотипным оценочным суждениям относятся, во-первых, метафоры или «политико-идеологические фразеологизированные стандарты» [Клушина, 2006: 49], во-вторых, штампы и ярлыки.

Навешивание ярлыков. В качестве навязывания ложной информации в медиатексте выступает манипулятивный прием «навешивание ярлыков», подразумевающий использование экспрессивно-оценочной лексики с ярко выраженной отрицательной семантикой и трактуемый как «необъективная, неаргументированная характеристика человека или явления» [Навасартян, 2016: 460]. Ярлыки навешиваются с целью дискредитации идеологического противника, чтобы вызвать осуждение, сильное негативное чувство к «чужому» и, как следствие, недоверие к нему и неприятие его идей. Так, например, в статье об Иране, который ввел ответные санкции на действия ЕС, используются такие ярлыки, как «режим Муллы» («das Mullah-Regime»), «сторонники терроризма» («Terrorunterstützer»), «поставить на место» («in die Schranken weisen»):

(7) *Das Mullah-Regime* verbietet mehreren prominenten Bundestagspolitikern die Einreise. Der Grund: Sie seien »*Terrorunterstützer*«. (...) Die Bundesregierung, Europa, die USA und die Vereinten Nationen müssen den Iran *in die Schranken weisen* – mit allen Mitteln, die der freien Welt zur Verfügung stehen.

Следует отметить, что в качестве наиболее частотных ярлыков в современных средствах массовой информации выступают слова «Regime» («режим»), «Propaganda» («пропаганда»), «der terroristische Staat» («террористическое государство»), «in die Schranken weisen» («поставить на место»), «Angriffskrieg» («агрессивная война») и другие стереотипные оценочные суждения, например:

(8) *Der terroristische Staat und seine Propagandisten* versuchen so zu tun, als ob ...

(9) Sie haben die Herrschenden vor aller Welt *entlarvt* als das, was sie sind, *Lügner und Mörder*.

Одним из примеров выстраивания подаваемой информации таким образом, чтобы адресат понял её именно так, как выгодно адресанту, является «выпячивание и

подчёркивание только выгодных манипулятору сторон явлений и фактов» [Андреев, 2020: 17]. В качестве примера такого «передергивания информацией» может служить освещение в немецких СМИ факта обнаружения ЧВК Вагнера тела одного из пропавших британцев:

(10) Um wen es sich bei dem Toten handeln soll und ob die *für ihre Brutalität bekannten Wagner-Söldner* etwas mit seinem angeblichen Tod zu tun haben, teilte das Militärunternehmen nicht mit.

Как видно из приведенного фрагмента статьи, на ЧВК Вагнера, во-первых, навешивается ярлык «известные своей жестокостью наемники» («die für ihre Brutalität bekannten Wagner-Söldner»), во-вторых, смещает фокус «предположительно» совершенного преступления, задавая вопрос «имеют ли известные своей жестокостью наемники Вагнера отношение с его предположительной смертью».

Следует сказать, что ярлыки могут навешиваться на конкретного человека косвенно, через на его окружение. На наш взгляд, ярлыки, навешиваемые на окружение, отсылают к известному изречению: «скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты». В качестве примера могут служить публикации о Дональде Трампе, который «улыбается в камеру с босом мафии» и встречается с «известным правым радикалом»:

(11) Trump lächelt mit *Mafiaboss* in die Kamera (...) Bereits im November hatte ein Treffen von Trump mit dem Rapper Kanye West, auch bekannt als Ye, *und einem bekannten Rechtsradikalen* in Mar-a-Lago für Schlagzeilen gesorgt.

Также информирование об осуждении высокопоставленных сотрудников Дональда Трампа «*вреди прочего* за *налоговое мошенничество*» имплицитно его сопричастность к преступлениям:

(12) Der langjährige Finanzchef des Immobilienkonzerns des früheren US-Präsidenten Donald Trump ist *unter anderem wegen Steuerbetrugs* zu fünf Monaten Haft verurteilt worden. (...) In dem Prozess war im Dezember auch *das verzweigte Immobilienkonstrukt von Ex-Präsident Trump für schuldig befunden worden*. Trump war nicht persönlich angeklagt.

Таким образом, акцент на окружение по принципу смежности позволяет адресанту имплицитно отрицательные характеристики «чужих», косвенно навязывая адресату нужные идеологически обусловленные оценки.

Эвфемизмы и дисфемизмы. В качестве языковых средств экспликации семантической оппозиции «свой-чужой», как правило, активно используются эвфемизмы и дисфемизмы, также способствующих изменению отношения адресата к сообщаемой информации. Как известно, дисфемизмы контрастируют с нейтральной номинацией, маркируя отвращение и/или презрение по отношению к определенному лицу и, тем самым, способствуя созданию отрицательного образа идеологического оппонента. Эвфемизмы, в свою очередь, представляют собой нейтральную номинацию, вуалируя неуместные или табуированные слова. Основной их функцией в политическом дискурсе является не

столько смягчение табуированных слов, сколько введение общественности в заблуждение и, как следствие, фальсификация действительности. Так, в следующем примере, для описания забастовок в Иране и Германии используются лексемы с разными оценочными коннотациями. Если «*иранский режим безжалостно реагирует на протесты (...) талантливых молодых людей*», то протесты в Германии именуются как «*акты сопротивления должностным лицам*», «*ожесточенные столкновения*» и «*нарушение общественного порядка*», а протестующие не преподносятся как «*талантливые молодые люди*», они «*активисты, которые нападают*», против которых «*будут предприняты гражданско-правовые шаги с требованиями о возмещении ущерба*»:

(13) *Das iranische Regime reagiert gnadenlos auf die Proteste* (...) Wer Informationen über sie sucht, findet Biografien *talentierter, junger Menschen*, die anderswo auf der Welt ein ganzes Leben vor sich hätten.

(14) Es war zu *heftigen Zusammenstößen zwischen Aktivisten und Einsatzkräften* gekommen. Laut der Polizei Aachen lägen rund hundert Anzeigen wegen *tätlicher Angriffe* und aufgrund von *Widerstandshandlungen gegen Vollstreckungsbeamte* vor, außerdem rund 50 Anzeigen wegen *Landfriedensbruchs*. (...)

(15) RWE hatte zuletzt angekündigt, *zivilrechtliche Schritte gegen Aktivisten* einleiten zu wollen. (...) versuchen, Ansprüche auf *Schadensersatz* geltend zu machen.

Лексико-стилистические маркеры оценки. Для внедрения в сознание адресата «отношений или установок, не совпадающих с теми, которые имеются у адресата в данный момент» [Доценко, 1997: 60], для навязывания ему идеологических установок под нужным углом зрения в медиатекстах используются различные лексико-стилистические маркеры оценки. В языковом плане это выражается при помощи метафор, сравнений, лексических повторов и клише. При этом задачей метафор и сравнений является опосредование адресату готового образа с заложенной лингвокультурной ассоциацией. Задачей повторов является закрепление в сознании адресата тех или иных оценок и мнений, т.е. доносимой информации. В качестве примеров могут служить семантически противоположные по смыслу слова и выражения «украинский конфликт – агрессивная война Путина»:

(16) *Ukrainekonflikt – Putins Angriffskrieg* (...) Bedrohung für die *Vereinigten Staaten und unsere Verbündeten*

В следующем примере используются многочисленные повторы при освещении забастовок в США: «последствия были бы экстремальны», «парализовать экономику», «парализовать грузоперевозки», «негативно для кредитоспособности», «парализовать сельхозпроизводство и цепочки поставок», «усугублять инфляцию и рост цен на продукты питания»:

(17) Повторы: *Die Auswirkungen wären extrem ... Bahnstreik droht US-Wirtschaft lahmzulegen ... Ein Stillstand könnte fast 30 Prozent der US-Gütertransporte zum Erliegen*

bringen ... negativ für die Bonität ... höheren Betriebsverlusten ... die landwirtschaftliche Produktion und die Lieferketten lähmen sowie die Inflation der Lebensmittelpreise verschärfen.

Также одним из эффективных речевых приемов искажения информации о том или ином событии является селективный характер подачи информации, умолчание о некоторых моментах, которые могут быть ключевыми для понимания и формирования мнения о событиях.

Так, например, после крушения нескольких вагонов-цистерн с химикатами в Восточной Палестине (США) содержимое цистерн подожгли, что привело к ужасным последствиям для экологии и проживающих там людей. Однако в журнале Spiegel информация об этом была напечатана, во-первых, спустя две недели, во-вторых, некоторые моменты были приведены лишь частично:

(18) Anfang Februar entgleiste in East Palestine im US-Bundesstaat Ohio ein Zug mit Chemikalien, es kam zu einem Brand und dem Austritt von Giftstoffen. Im Netz häufen sich nun die Spekulationen. Wie gefährlich ist der Vorfall wirklich?

В приведенном фрагменте журнальной статьи умалчивается количество вагонов-цистерн (заменяется на «поезд»: «ein Zug») и не уточняется, какие именно химикаты перевозились. Также факт поджога цистерн преподносится как «произошел пожар» («es kam zu einem Brand»). Также серьезность проблемы вуалируется утверждением «в сети множатся домыслы» («Im Netz häufen sich nun die Spekulationen»).

Заключение. Проведенный анализ немецкоязычных журнальных интервью-бесед показал, что прагматика навязывания заведомо ложной информации адресату заключается в сознательном, намеренном воздействии на него путем сообщения ему искаженных фактов или событий. Соккрытие правды и освещение ситуации с диаметрально противоположной стороны позволяют средствам массовой информации создать определенный тип интерпретационного пространства. Для этого используется вся совокупность речевых тактик и языковых средств, посредством которых эти тактики реализуются. В качестве самой продуктивной тактики в СМИ используется коммуникативная стратегия «свой-чужой». На «чужого» навешиваются ярлыки посредством использования дисфемизмов. «Чужому» имплицитно или эксплицитно противопоставляются «свои», описываемые посредством исключительно слов с положительными коннотациями, и в отношении которых используются эвфемизмы, целью которых в политическом медиадискурсе является не столько смягчение нежелательных слов, сколько введение общественности в заблуждение.

В завершение хотелось бы отметить, что в процессе кодирования ложного высказывания адресант учитывает все экстралингвистические факторы, с тем чтобы потенциальный адресат декодировал передаваемое ложное высказывание таким образом, чтобы

от него оставались скрытыми истинные мотивы лгущего собеседника, и, как следствие, воздействие было успешным.

Список источников

Андреев Н. И. Немецкие речевые манипуляции в текстах о России. Филологические науки в МГИМО. 2020. № 3(23) С. 16–24.

Добросклонская Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов: опыт исследования современной английской медиаречи. 2-е изд., стереотип. Москва: УРСС, 2005. 286 с.

Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: ЧеРо, Изд-во МГУ, 1997. 288 с.

Знак Ю. Э. Репрезентация ядра и ближней периферии концепта "война" на примере речей Ш. де Голля (22 июня 1940 г.), Ф. Рузвельта (8 декабря 1941 г.), И. Сталина (3 июля 1941 г.), У. Черчилля (13 мая 1940 г.) и публикаций о гибридной и когнитивной войнах // Политическая лингвистика. 2021. № 6(90). С. 65–69.

Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. Москва: Родина, 2018. 432 с.

Клушина Н. И. Стратегия именования в воздействующей речи // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2006. № 5. С. 49–65.

Копнина Г. А. Речевое манипулирование: учебное пособие. 3-е изд. Москва: Флинта: Наука, 2010. 170 с.

Навасартян Л. Г. «Наклеивание ярлыков» как один из приемов манипуляции информацией в СМИ // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2016. Т. 16. № 4. С. 459–463.

Навасартян Л. Г. Дисфемизмы как средство искажения информации в печатных СМИ // Современная филология : Материалы V Международной научной конференции, Самара, 20–23 марта 2017 года. Самара: Издательство АСГАРД, 2017. С. 88–90.

Мухортов Д. С. Манипулятивный потенциал идеологической полисемии в современном политическом дискурсе // Убеждение и доказательство в современном политическом дискурсе : Материалы Международной научной конференции, Екатеринбург, 26–28 августа 2014 г. Гл. ред. И. В. Култышева. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2014. С. 68–75.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. Москва; Волгоград : Перемена, 2000. 367 с.

References

Andreev N. I. (2020) Nemetskiye rechevyye manipulyatsii v tekstakh o Rossii [German speech manipulations in texts about Russia]. *Filologicheskiye nauki v MGIMO* [Philological sciences in MGIMO], 3(23): 16-24. (In Russ.)

Dobrosklonskaya T. G. (2005) Voprosy izucheniya mediatekstov: opyt issledovaniya sovremennoy angliyskoy mediarечи [Questions of studying media texts: the experience of studying modern English media language]. 2nd edition, stereotypical. Moscow, URSS: 286. (In Russ.)

Dotsenko E. L. (1997) Psikhologiya manipulyatsii: fenomeny, mekhanizmy i zashchita [Psychology of manipulation: phenomena, mechanisms and protection]. Moscow, Chero, Publishing House of Moscow State University: 288. (In Russ.)

Kara-Murza S. G. (2018) Manipulyatsiya soznaniyem [Manipulation of consciousness] Moscow, Rodina: 432. (In Russ.)

Klushina N. I. (2006) Strategiya imenovaniya v vozdeystvuyushchey rechi [Naming strategy in influencing speech]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of the Moscow University]. Episode 10: Journalism, (5): 49-65. (In Russ.)

Kopnina G. A. (2010) Rechevoye manipulirovaniye [Speech manipulation: a textbook]. 3rd ed. Moscow: Flint: Nauka: 170. (In Russ.)

Navasardyan L. G. (2016) «Nakleivaniye yarlykov» kak odin iz priyemov manipulyatsii informatsiyei v SMI ["Labeling" as one of the methods of information manipulation in the media]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya*

[News of Saratov University Rechevyye manipulirovaniye. A new series]. Series: Philology. Journalism,16, (4): 459-463. (In Russ.)

Navasartyan L. G. (2017) Disfemizmy kak sredstvo iskazheniya informatsii v pechatnykh SMI [Dysphemisms as a means of distorting information in print media]. *Sovremennaya filolgiya* [Modern Philology] : Proceedings of the V International Scientific Conference, Samara, March 20-23, 2017. Samara: ASGAR Publishing House: 88-90. (In Russ.)

Mukhortov D. S. (2014) Manipulyativnyy potentsial ideologicheskoy polisemii v sovremennom politicheskom diskurse [Manipulative potential of ideological polysemy in modern political discourse]. *Ubezhdeniye i dokazatel'stvo v sovremennom politicheskom diskurse* [Persuasion and proof in modern political discourse]. Materials of the International Scientific Conference, Yekaterinburg, August 26-28, 2014 / Editor-in-chief I.V. Kultysheva. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University:68-75. (In Russ.)

Sheigal E. I. (2000) Semiotika politicheskogo diskursa [Semiotics of political discourse]. Moscow; Volgograd, Peremena, 2000: 367. (In Russ.)

Znak Yu. E. (2021) Rerezentatsiya yadra i blizhney periferii kontsepta "voyna" na primere rechei SH. de Gollya (22 iyunya 1940 g.), F. Ruzvel'ta (8 dekabrya 1941 g.), I. Stalina (3 iyulya 1941 g.), U. Cherchillya (13 maya 1940 g.) i publikatsii o gibridnoy i kognitivnoy voynakh [Representation of the Core and the Close Periphery of the Concept "War" Based on the Material of the Speeches by W. Churchill (May 13, 1940), C. De Gaulle (June 22, 1940), F. Roosevelt (December

8, 1941), J. Stalin (July 3, 1941) and Publications About Hybrid & Cognitive Wars]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 6 (90): 65-69. (In Russ.)

© Палехова О.В., 2023

Палехова Ольга Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и перевода Санкт-Петербургского государственного экономического университета. Контактные данные: Россия, 190005, Санкт-Петербург, кан. Грибоедова, д. 30-32 (Russia, 190005, Saint Petersburg, Kan Griboedova 30-32), E-mail: palekhova@mail.ru.

Статья поступила в редакцию: 20.03.2023.

Раздел 2. МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И ЖУРНАЛИСТИКА

УДК 659.3

Кафтанджиев Христо НиколовСофийский университет имени Св. Климента Охридского, София, Болгария
christokaftanjiev@yahoo.com, AuthorID: 816148, ORCID: 0000-0002-4655-7408

РОЛЬ КОНТЕКСТА В СОВРЕМЕННЫХ МЕДИЙНЫХ КОММУНИКАЦИЯХ

Контекст как одно из важнейших семиотических понятий является одним из интеграторов различных коммуникационных продуктов. В статье анализируются различные примеры контекста во взаимосвязи с интертекстом в современных медийных маркетинговых коммуникациях. Теоретический базис данной статьи составляют работы известных специалистов по семиотике, и прежде всего М. М. Бахтина, часто использовавшего в своих исследованиях понятие контекста. В работах Дж. Сова, М. Гадесси, Г. Гивона и других исследователей изучаются проблемы синтаксиса в его взаимосвязанности с семантикой и контекстом. Сегодня любой маркетинговый текст рассматривается исключительно в контексте в силу своей интертекстуальности, а точнее, гипертекстуальности. Из наиболее распространенных видов очевидных контекстных маркетинговых коммуникаций рассматривается контекстная и амбиент-реклама. Показаны преимущества синергии и контекстных маркетинговых коммуникаций. Перспектива исследований, связанных с контекстами и синергией, важны для современной коммуникативистики. Синергия является ключевым понятием в теории коммуникации, в интегрированных маркетинговых коммуникациях и в трансмедиа. Благодаря контексту можно создавать синергические эффекты, которые делают эти коммуникации более эффективными.

Ключевые слова: контекстные медийные коммуникации, синергия, контекстная реклама, интертекстуальность.

Кафтанджиев Х. Н. Роль контекста в современных медийных коммуникациях // Язык. Коммуникация. Общество: Электронный научный журнал. 2023. № 2 (2). С. 44-53.

Kaftandjiev Christo NikolovSt. Kliment Ohridski Sofia University, Sofia, Bulgaria
christokaftanjiev@yahoo.com, AuthorID: 816148, ORCID: 0000-0002-4655-7408

THE ROLE OF CONTEXT IN MODERN MEDIA COMMUNICATIONS

Context as one of the most important semiotic concepts is one of the integrators of various communication products. The article analyzes various examples of context in relation to intertext in modern media marketing communications. The theoretical basis of this article is the work of well-known experts in semiotics, and first of all M. M. Bakhtin, who often used the concept of context in his research. In the works of J. Sova, M. Gadessi, G. Givona and other researchers study the problems of syntax in its interrelation with semantics and context. Today, any marketing text is considered exclusively in context due to its intertextuality, or rather, hypertextuality. Of the most common types of obvious contextual marketing communications, contextual and ambient advertising are considered. The advantages of synergy and contextual marketing communications are shown.

The perspective of research related to contexts and synergy is important for modern communication studies. Synergy is a key concept in communication theory, in integrated marketing communications and in trans-media. Thanks to the context, it is possible to create synergistic effects that make these communications more effective.

Keywords: contextual media communications, synergy, contextual advertising, intertextuality.

Kaftandjiev C. N. The role of context in modern media communications. Language. Communication. Society: Digital scientific journal. 2023. №. 2 (2): 44-53.

Введение и постановка проблемы. Контекст - одно из важнейших лингвистических и семиотических понятий. Контекст выражает идею среды, в которой коммуникаторы актуализируют знаки. В то же время контекст является также и коммуникативным подходом, на основе которого создаем различные продукты массовых и маркетинговых коммуникаций.

Цель данной работы – проанализировать примеры контекста и его взаимосвязи с интертекстом в современных медийных маркетинговых коммуникациях.

Обзор литературы. Михаил Бахтин - один из ведущих ученых в области теории литературы, в трудах которого множество ссылок на понятие «контекст» в его различных литературных актуализациях. По этой причине работы М. М. Бахтина также могут оказать большую помощь в построении теории контекста с точки зрения разных медиа и медийных и маркетинговых коммуникаций [Gary, 1990].

Книга „Language, Context, and Text: Aspects of Language in a Social-semiotic Perspective“ важна в связи с тематикой данной статьи: в ней подробно и глубоко анализируются самые разные аспекты контекста [Halliday, 1985].

Ссылки являются ключом к синтаксису. Именно по этой причине был создан термин «коннекционизм». Значительную часть интертекстуальности текстов актуализируются с помощью различных контекстов [Pinker, 1988].

Джон Сова в статье «Синтаксис, семантика и прагматика контекстов» анализирует различные теории контекста - теорию репрезентации дискурса Кампа (Kamp's discourse representation theory), ситуационную семантику Барвайза и Перри (Barwise and Perry's situation semantics) и концептуальные графы Совы (Sowa's conceptual graphs). Каждая из этих трех теорий имеет отличительные характеристики, но различные идеи, которые могут обогатить другие теории [Sowa, 1995].

Мосен Гадесси в книге «Текст и контекст в функциональной лингвистике» анализирует эти явления с социолингвистической точки зрения. Разные влияния контекста анализируются по отношению ко множеству дискурсов. [Ghadessy, 1999].

Талми Гивон в своей книге «Синтаксис: введение» анализирует синтаксис с лингвистической и семиотической точки зрения. Исследование особенно ценно тем, что показывает связи синтаксиса с прагматикой и семантикой текста. Важной частью

синтаксиса является также теория контекста [Givón, 2001].

Ю. М. Лотман впервые вводит понятие семиосферы. Ученый анализировал это важное явление с точки зрения различных культурных, идеологических, политических и знаковых аспектов. Важной частью семиосферы с точки зрения лингвистики и семиотики являются также теория контекста [Lotman, 1990]. В „Culture and Explosion“, своей последней книге, Юрий Лотман пишет о теории взрыва с культурно-семиотической точки зрения, тесно связанной с ключевым понятием рекламы – срывом (disruption). Рекламное творчество креативно связано с понятием "контекст"[Lotman, 2009].

Натаалья Слиусса в статье «Обработка языка со свободным порядком слов: роль синтаксиса и контекста» анализирует, как кодировки понятий «данное/новое» обновляются в языках с гибким (свободным) порядком слов. [Slioussa, 2011].

В учебнике «Основы теории связей с общественностью»: авторы анализируют различные аспекты связей с общественностью, различные модели коммуникационного процесса и т.д. Некоторые из этих феноменов также тесно связаны с универсальным понятием «контекст» [Кривоносов, 2023].

Монография „Marketing Semiotics: Signs, Strategies, and Brand Value“ – важное исследование в области маркетинговой семиотики. Ее автор сосредоточился в основном на культурных кодах и дискурсе брендов. Некоторые из изученных аспектов касаются контекстов, в которых осуществляются различные маркетинговые коммуникации [Oswald, 2012].

В книге „Multimodal Communication: A social semiotic approach to text and image in print and digital media“ Мэй Вонг тщательно анализирует ряд явлений, связанных с текстами с семиотической точки зрения. Исследование демонстрирует важность социального контекста в формировании смысла. Социальный контекст является важной частью общей теории контекста [Wong, 2019].

Контекст (context) – это слово из средневековой латыни и означает "с текстуальностью" - то, что соединяется с основной частью; с главным. Контексты разнообразны и многочисленны - медийные, архитектурные, временные, социальные и т.д.

Сегодня они также определяют соответствующие контекстные маркетинговые коммуникации - в зависимости от содержания СМИ, окружающей среды и т.д. При этом сегодня любой маркетинговый текст не может быть рассмотрен вне контекста в силу своей интертекстуальности, а точнее, гипертекстуальности и не является в силу этого завершенным с точки зрения потребителя / реципиента. Из наиболее распространенных видов очевидных контекстных маркетинговых коммуникаций сегодня мы можем назвать контекстную и амбиент/эмбиент-рекламу.

В прямом смысле сегодня контекстная реклама — это текстовые объявления, которые показываются по запросам на поиске и на сайтах-партнерах поисковой системы (РСЯ – рекламная сеть Яндекса или КМС – контекстно-медийная сеть Google), если эти

запросы содержат ключевые слова рекламной кампании, которую создал рекламода-
тель.

Амбиент (ambient – реклама, связанная с окружающей средой) также является ти-
пичной контекстной маркетинговой коммуникацией, интерпретируемость которой
возможна лишь в контексте среды.

Мы же будем рассматривать эмбиент контекст для медийной рекламы.

Синергия и контекстные маркетинговые коммуникации. Преимуществ у та-
ких коммуникаций несколько. Два наиболее важных из них – это синергия и низкая
стоимость.

Синергетический эффект. Синергия – это коллективное (интегрированное) дей-
ствие нескольких элементов, которое более эффективно, чем сумма действий тех же
элементов, но действующих по отдельности (не синхронизовано).

Это понятие является ключом к контекстной рекламе. Его синергетический эф-
фект обусловлен тем, что маркетинговые коммуникации действуют совместно с окру-
жающей средой. Синергия также является ключевым понятием для интегрированных
маркетинговых коммуникаций. Эффект от совместных действий рекламы, PR, комму-
никаций по стимулированию сбыта, прямого маркетинга (намного) больше, чем от дей-
ствий маркетинговых коммуникаций по отдельности.

Трансмедийные повествования также синергичны. Этот нарратив - одна и та же
история, рассказанная с помощью различных знаковых систем - вербальных, изобрази-
тельных и т.д. и с использованием различных массовых и маркетинговых медиа - кино,
видео, комиксов, компьютерных игр, приложений для мобильных телефонов, рекламы,
ивентов и любых других медиа и коммуникаций.

Более низкая стоимость. Это определяется тем, что окружающая нас среда может
быть включена в рекламный текст как контекст бесплатно. Креатор использует комму-
никативные возможности контекста (то есть среды), внедряя рекламный текст в окру-
жающее пространство или контаминируя реальное и рекламное.

**В качестве иллюстрации роли контекста в рекламных текстах проанализи-
руем тексты** рекламы минеральной воды «Perrier» (рис. 1а, 1б, 1в, 1г). Юмористиче-
ский эффект здесь создается за счет «включения» бутылки рекламируемого бренда в
окружающую среду и происходящее, прежде всего ситуативно объединенные в одном
локусе. Объединение стало возможным, потому что эмбиент соединяется с различными
изображениями на футболках и включением в среду бутылки «Perrier»:

- изображенная на футболке женщина будто бы ожила: на ее лице гримаса
ужаса от того, что она видит: бутылка с водой накренилась и в любой момент может
упасть на землю. При этом это не более, чем принт на футболке, но контекст создается
так, что реальное и ирреальное симультанны (рис. 1а);
- опять же принт на футболке, изображающий актера Жана-Клода Ван Дама,

занимающегося восточными единоборствами. Специальная палка для занятий единоборствами одновременно (включенная в текст рекламы) является питьевой соломинкой (рис. 1б);

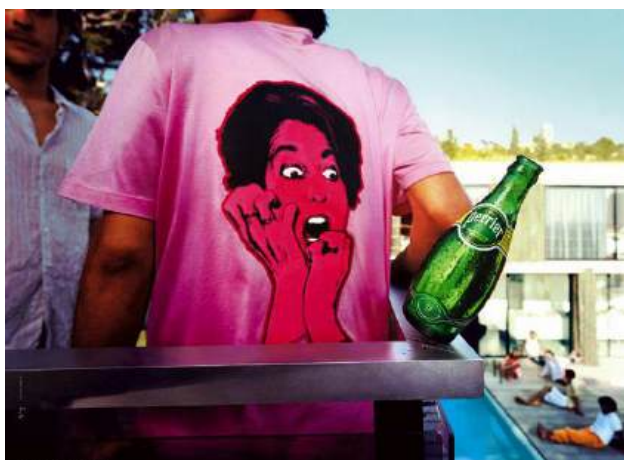

Рисунок 1а, 1б. Реклама минеральной воды «Perrier»

- принт на футболке, изображающий мужчину с надписью «заклученный», что дополняется сеткой, забором, и это изображенное лицо с вожелением смотрит из-за «решетки» на желанную бутылку с водой (рис. 1в);
- на футболке изображены Йоко Оно и Джон Леннон, футболка одета на девушке, сидящей в баре, то есть как будто бы «выхвачен» фрагмент жизни. При этом изображенная Йоко подняла пальцы в победном жесте V, который повторяет конфигурацию двух бутылок минеральной воды на переднем плане (рис. 1г).

Рисунок 1в, 1г. Реклама минеральной воды «Perrier»

Бренд «Карлсберг» использует в своих рекламных текстах контекст для создания из амбиент-пространства форму и образ пивной кружки. В первом тексте это создается с помощью двух симметрично расположенных женских бедер (рис. 2а); во втором маркеры женского более разнообразны: с одной стороны сумочка и кошелек из добротной кожи, с другой – шелковая юбка или платье, но саму форму бокала создают элегантные туфли на высоком каблуке (рис. 2б). Основным элементом визуальной айдентики

бренда здесь стал фирменный цвет: все рекламные тексты используют зеленый цвет и белую надпись на нем.

Рисунок 2а. Реклама бренда «Карлсберг»

Рисунок 2б. Реклама бренда «Карлсберг»

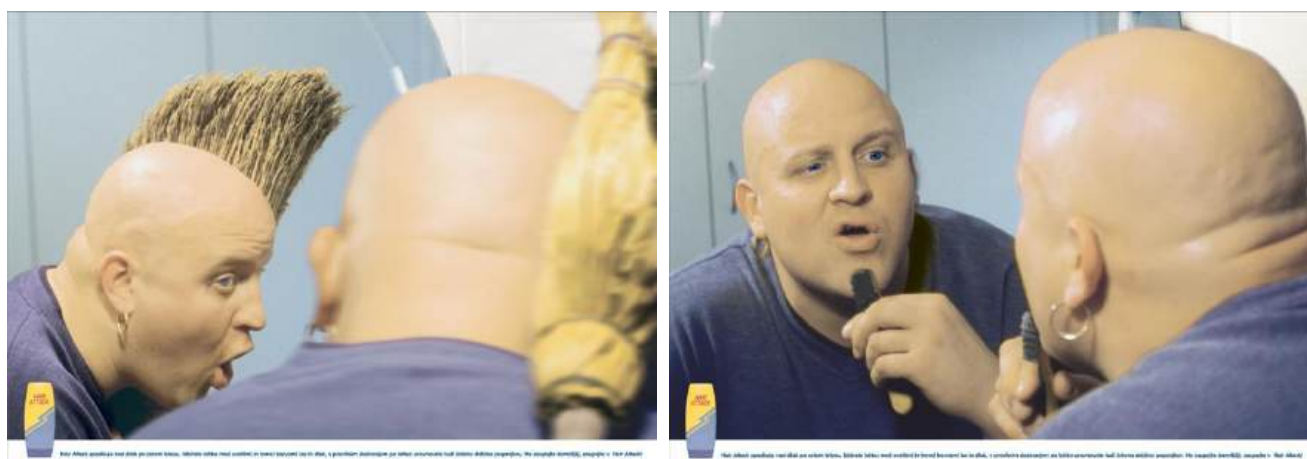

Рисунок 3а, 3б. Реклама средства для волос

Рисунок 3в. Реклама средства для волос

Интересно обыграна идея контекста в серии рекламных продуктов мужского средства для волос, созданных словенскими студентами, (рис. 3а, 3б, 3в). Они кажутся очень простыми, но идея «волосатости» создается с помощью бытовых, повседневных, сосуществующих с нами в реальной среде предметов:

- в первом образ пышных волос создается с помощью веника (рис. 3а);
- во второй – борода с помощью щетки для обуви (рис. 3б);
- в третьей - усы с помощью той же щетки (рис. 3в).

Во всех проанализированных макетах можно говорить о семиотической контекстуальности, создающейся с помощью интеграции разных знаковых систем. Еще одним возможным видом контекста для создания собственного оригинального текста на основе уже функционирующих стала интертекстуальность. Так, в рекламных текстах бренда кроссовок «Converse» образ создается с отсылкой к семиотике и интертекстуальности цвета.

Рисунок 4а, 4б. Реклама кроссовок

В первом рекламном тексте кроссовки красного цвета. Красный цвет, наряду с другими его значениями (опасность, агрессия, кровь, жизнь, страсть) также символизирует и революцию. Одним из самых «раскрученных» и популярных исторических революционных персонажей стал Че Гевара. Поэтому рекламисты ассоциировали красный цвет кроссовок именно с ним (рис. 4а).

В рекламном принте кроссовок розового цвета креаторы создали нужный контекст, используя отсылки к образу Лолиты. Стереотипный уже образ одновременно невинного и порочного существа создаются с помощью различных маркеров розового цвета и порочного взгляда, а также банального психоаналитического знака - розового леденца (рис. 4б).

Контрапунктная интертекстуальность оригинально использована в трех рекламных текстах канадского отделения Всемирного фонда защиты животных (рис. 5а, 5б, 5в).

В первом случае фоном контрапункта является неприятная американская реклама 1950-х годов, где врач советует нам курить (рис. 5а). На его фоне – знак организации WWF. По его словам, не за горами то время, когда плохое отношение к природе станет таким же неприемлемым, как и реклама о пользе курения.

Во втором случае показана сексистская реклама чистящего средства. На нем изображена красивая женщина, чистящая ванну на четвереньках. Заголовок рекламы 1950-х годов однозначен – «Потому что место женщины не только на кухне» (рис. 5б). На заднем плане – название WWF.

Третья реклама – виски, и схема та же (рис. 5в).

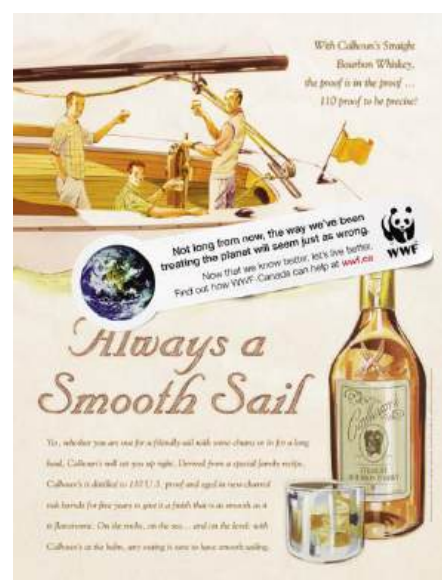
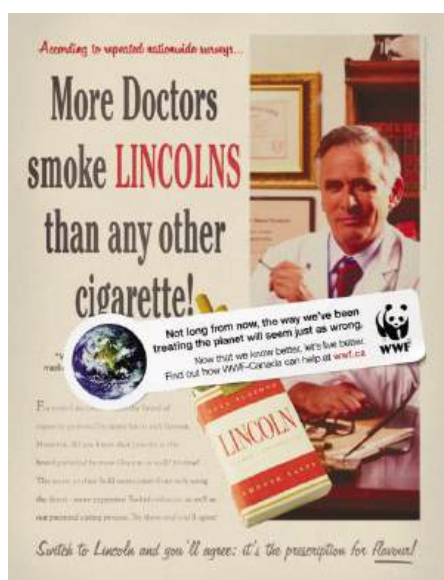

Рисунок 5а, 5б, 5в. Контрапунктная интертекстуальность в рекламе

Все три рекламных текста являются типичными примерами коммуникативного подхода «интертекстуальный контрапункт». В этом случае новая коммуникация

противоречит содержанию старой – той, которая создает и поддерживает контекст.

Контрапункт - один из важнейших стилистических фигур и в то же время продуктивный коммуникативный подход в маркетинговых и в других коммуникациях. На это есть как минимум две причины:

- мы видим и понимаем информацию гораздо лучше на фоне ее противоположности;
- контрапункт прекрасно драматизирует общение. Каждый нормальный участник этого процесса ищет и выбирает именно драматизированную коммуникацию.

Перспективы дальнейшей исследовательской работы по указанной теме и выводы.

Перспектива исследований, связанных с контекстами и синергией, очень важны для современной коммуникативистики. Синергия является ключевым понятием в теории коммуникации, в интегрированных маркетинговых коммуникациях и в трансмедиа. Благодаря контексту можно создавать синергические эффекты, которые делают эти коммуникации более эффективными.

Также актуальны исследования контекста и его связи с интертекстуальностью. На сегодняшний день практически нет исследований, касающихся взаимосвязей и взаимодействия между контекстом и интертекстуальностью.

Список источников

Кривоносов А. Д., Филатова О. Г., Шишкина М. А. Основы теории связей с общественностью: Учебник для вузов. СПб.: Издательский дом Питер, 2023. 288 с.

Gary, Saul Morson, Caryl, Emerson. Mikhail Bakhtin: Creation of a Prosaics. Stanford University Press 1990. 530 p.

Ghadessy, Mohsen. Text and Context in Functional Linguistics. John Benjamins Publishing, 1999. 340 p.

Givón, Talmy. Syntax: An Introduction. John Benjamins Publishing, 2001. 406 p.

Halliday, Michael and Ruqaiya Hasan. Language, Context, and Text: Aspects of Language in a Social-semiotic Perspective. Deakin University, 1985. 126 pp.

Lotman, Ju. M. Culture and Explosion. Walter de Gruyter, 2009. 195 pp.

Lotman, Ju. M. Universe of the Mind: A Semiotic Theory of Culture. Indiana University Press, 1990. 288 p.

Oswald, Laura R. Marketing Semiotics: Signs, Strategies, and Brand Value. OUP Oxford, 2012. 234 p.

Pinker, Steven and Jacques, Mehler. Connections and Symbols. MIT Press, 1988. 255 p.

Slioussa, Natalia. Processing of a Free Word Order Language: The Role of Syntax and Context. *Journal of Psycholinguistic Research*, 2011, vol. 40. 291–306 pp.

Sowa, John F. Syntax, semantics, and pragmatics of contexts. International Conference on Conceptual Structures., Conference paper. 1995.

Wong, M. Multimodal Communication: A social semiotic approach to text and image in print and digital media. In: Springer, 2019. 192 p.

References

Gary Saul, Morson, Caryl, Emerson (1990). Mikhail Bakhtin: Creation of a Prosaics. Stanford University Press: 530.

Ghadessy, Mohsen (1999). Text and Context in Functional Linguistics. John Benjamins Publishing: 340.

Givón, Talmy (2001). Syntax: An Introduction. John Benjamins Publishing: 406.

Halliday, Michael and Ruqaiya Hasan (1985). *Language, Context, and Text: Aspects of Language in a Social-semiotic Perspective*. Deakin University: 126.

Krivosov, A. D., Filatova, O. G., Shishkina, M. A. (2023) *Osnovy teorii svyazey s obshchestvennost'yu: Uchebnik dlya vuzov* [Fundamentals of the theory of public relations]. Saint Petersburg, Piter: 288.

Lotman, Ju. M. (2009) *Culture and Explosion*. Walter de Gruyter: 195.

Lotman, Ju. M. (1990) *Universe of the Mind: A Semiotic Theory of Culture*. Indiana University Press: 288.

Oswald, Laura R. (2012) *Marketing Semiotics: Signs, Strategies, and Brand Value*. OUP Oxford: 234.

Pinker, Steven and Jacques, Mehler. (1988) Connections and Symbols. MIT Press: 255.

Slioussa, Natalia. Processing of a Free Word Order Language: The Role of Syntax and Context (2011). *Journal of Psycholinguistic Research*, 40: 291–306.

Sowa, John F. (1995) Syntax, semantics, and pragmatics of

contexts. *International Conference on Conceptual Structures*, Conference paper.

Wong, M. (2019) Multimodal Communication: A social semiotic approach to text and image in print and digital media. In: *Springer*: 192.

© Кафтанджиев Х.Н., 2023

Кафтанджиев Христо Николов – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры коммуникаций, связей с общественностью и рекламы факультета журналистики и массовых коммуникаций Софийского университета имени Св. Климента Охридского. Контактные данные: Болгария, София 1000, ул. Московска, д. 49 (Bulgaria, Sofia 1000, Moskovska str., 49), christokaftanjiev@yahoo.com.

Статья поступила в редакцию: 28.02.2023.

УДК 338.242 + 331.1

Семенова Лидия МихайловнаСанкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия
Lidia_sem@mail.ru, AuthorID: 665587, ORCID: 0000-0001-6117-3093

ESG-КОММУНИКАЦИИ КОМПАНИИ: ПРЕИМУЩЕСТВА, ПРОБЛЕМЫ, ДРАЙВЕРЫ РАЗВИТИЯ

В статье рассмотрена важность ESG-коммуникаций в стратегическом развитии компании, проблемы и перспективы реализации ESG-принципов, а также драйверы развития компаний, стремящихся эффективно сообщать о своих ESG-инициативах. ESG-принципы активно реализуются в российской и зарубежной практике, а ESG-деятельность с экологическими, социальными и управленческими показателями становится актуальной темой современности. Дана краткая характеристика истокам проблемы социальной ответственности бизнеса и эволюции корпоративной социальной политике. Методами исследования послужил анализ литературных источников и результатов исследований, метод сравнительного анализа, синтез, обобщение, классификация и описание результатов. Эмпирическая база исследования: стандарты устойчивого развития, справочники, отчеты, доклады, результаты российских и зарубежных исследований, данные нефинансовых отчетов, публикации по проблеме ESG. Приведены результаты опроса коммуникационной компании «Михайлов и партнеры», где отмечается сокращение бюджета на ESG в российском бизнесе в 2022 г. Российский союз промышленников и предпринимателей поддерживает ESG-инициативы и разработал рекомендации по ESG факторам. Результаты зарубежных исследований показали, что компании, реализующие стратегии ESG, имеют больше возможностей для укрепления доверия, повышения своей репутации и увеличения прибыли. Отмечается, что ESG-активность должна быть согласована с коммуникационной стратегией компании. Выявлены преимущества, проблемы и драйверы развития компаний, проявляющих ESG-деятельность. Результаты российских и зарубежных исследований показали, что эффективность ESG компаний оказывает положительное влияние не только на финансовые показатели, но и укрепляет имидж и репутацию, пополняет публичный капитал базисного субъекта.

Ключевые слова: корпоративная социальная ответственность, устойчивое развитие, ESG-принципы, ESG-коммуникации, экологические, социальные и управленческие показатели.

Семенова Л. М. ESG-коммуникации компании: преимущества, проблемы, драйверы развития // Язык. Коммуникация. Общество: Электронный научный журнал. 2023. № 2 (2). С. 54-62.

Semenova Lidiia MihajlovnaSaint-Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia
Lidia_sem@mail.ru, AuthorID: 665587, ORCID: 0000-0001-6117-3093

COMPANY ESG COMMUNICATIONS: BENEFITS, PROBLEMS, DEVELOPMENT DRIVERS

The article discusses the importance of ESG communications in the strategic development of a company, the problems and prospects for the implementation of ESG principles, as well as the drivers for the development of companies seeking to effectively communicate their ESG initiatives. ESG principles are actively implemented in Russian and foreign practice, and ESG activities with environmental, social and management indicators are becoming a hot topic of our time. A brief description of the origins of the problem of social

responsibility of business and the evolution of corporate social policy is given. The research methods were the analysis of literary sources and research results, the method of comparative analysis, synthesis, generalization, classification and description of the results. Empirical basis of the research: sustainable development standards, reference books, reports, reports, results of Russian and foreign studies, data from non-financial reports, publications on the ESG issue. The results of a survey by the Mikhailov and Partners communication company are presented, which indicate a budget cut for ESG in Russian business in 2022. The Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs supports ESG initiatives and has developed recommendations on ESG factors. The results of foreign studies have shown that companies that implement ESG strategies have more opportunities to build trust, increase their reputation and increase profits. It is noted that ESG activity should be consistent with the company's communication strategy. The advantages, problems and development drivers of companies with ESG activities have been identified. The results of Russian and foreign studies have shown that the effectiveness of ESG companies has a positive impact not only on financial performance, but also strengthens the image and reputation, replenishes the public capital of the underlying entity.

Keywords: corporate social responsibility, sustainable development, ESG principles, ESG communications, environmental, social and management indicators.

Semenova L. M. Company ESG communications: benefits, problems, development drivers. Language. Communication. Society: Digital scientific journal. 2023. 2 (2): 54-62.

Постановка проблемы и история вопроса. В настоящее время все больше компаний придерживаются стратегии устойчивого развития, включающей в себя факторы экологии, социальной ответственности и корпоративного управления (ESG – Environment, Social, Governance). Однако не все они осознают значение этих факторов для эффективной коммуникационной стратегии. Генеральный директор Blackrock Л. Финк пишет об этой проблеме следующее: «Общество требует, чтобы компании, как государственные, так и частные, служили социальным целям. Чтобы со временем процветать, каждая компания должна не только показывать финансовые результаты, но и демонстрировать, какой положительный вклад она вносит в общество» [Baker, 2022: 1].

ESG-факторы играют важную роль в формировании имиджа, репутации и пабличного капитала компании и ее отношения со стейкхолдерами, такими как потребители, инвесторы, поставщики и общественность. Использование ESG как части коммуникационной стратегии компании может принести не только положительную репутацию, но и финансовые выгоды.

Кроме того, в настоящее время все больше инвесторов и потребителей становятся осведомленными о вопросах устойчивости и заинтересованы в том, чтобы делать свои инвестиции и покупки у компаний, которые заботятся о своем вкладе в экологическое и социальное благополучие. Компании, которые понимают значение ESG-факторов, могут использовать это в своих коммуникационных стратегиях для привлечения инвесторов и увеличения лояльности потребителей. Внедряющие ESG-стратегии способны лучше ориентироваться в изменяющемся бизнес-ландшафте, строить устойчивые отношения с стейкхолдерами и создавать долгосрочную ценность для акционеров. Таким образом,

ESG стала тенденцией в коммуникационной стратегии компании, когда компании стремятся четко и прозрачно донести свои инициативы ESG до заинтересованных сторон.

Истоки проблемы ESG-коммуникаций были заложены еще в начале XIX в., когда на Западе возникло движение в защиту прав трудящихся, а затем профсоюзное движение в Европе и США и стала популярна благотворительность. В России в 1802 г. император учредил «Благодетельное общество», а в 1828 г. императорским указом в России было введено звание «Почетный попечитель», которым награждались граждане, сделавшие крупные пожертвования. В этот период стало модным вкладывать деньги в развитие культуры и искусства, появилось много меценатов. В 1920-е годы в США была сформулирована первая концепция социальной ответственности бизнеса (CSR – Corporate Social Responsibility) – концепция «служения», согласно которой фирмы должны иметь и другие цели, кроме «делания денег».

Эволюция социальной ответственности бизнеса прошла в своем развитии, согласно Д. Маркони, три этапа, начиная от традиционной благотворительности к стратегической филантропии и социальных инвестиций, когда наблюдается объединение коммерческого, некоммерческого и государственного секторов, направленное на решение социально значимых вопросов общественности [Маркони, 2006].

Первые научные дискуссии вокруг вопроса о социальной ответственности возникли в 1953 г., и этому послужила публикация работы Г. Боуэна «Социальная ответственность бизнесмена», где он определил социальную ответственность как «обязанность бизнесменов принимать те решения и следовать тем направлениям деятельности, которые желательны с точки зрения целей и ценностей общества» [Bowen, 1953: 17]. Термин «корпоративная социальная ответственность» (КСО) начал повсеместно использоваться в начале 1970-х годов. Поворотным моментом в социально ответственной политике стал Саммит Земли в 1992 г. в Рио-де-Жанейро. Это международная конференция, посвященная развитию взаимоотношений природы и общества. В России отправной точкой для становления официальной поддержки КСО в российских компаниях можно считать 2004 г., когда Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП) принял «Социальную хартию российского бизнеса». Однако уже в 2003 г. Российская ассоциация по связям с общественностью инициировала серию конференций по тематике социальной ответственности бизнеса.

В начале XXI в. появилось новая парадигма развития корпоративной социальной политики: это ESG, основные принципы которой не только эффективны для увеличения прибыли, но и для обеспечения легитимности фирм, улучшения их репутации [Беляева, Козлова, Данилова, 2021 и др.]. В этом проблемном поле проводятся исследования, как в российской, так и в зарубежной практике [Мингазов, 2023; Blackburn, 2015; Chouaibi, 2021 и др.], проводятся конференции, освещающие приоритеты и акценты ESG-деятельности, информационные дефициты и проблемы [ESG-коммуникации, 2021].

Недавно 28 крупнейших российских компаний учредили Национальный ESG-альянс, который будет работать над разработкой нормативной базы, а также принимать активное участие в формировании нового законодательства для ESG [Стайс, 2022]. Появилось много публикаций по этой актуальной проблематике [Hill, 2020; Şeker, 2021; Семенова, 2016 и др.]. Эти ресурсы предоставляют ценную информацию о текущих тенденциях и передовом опыте, связанном с ESG как трендом в коммуникационной стратегии компании.

В докладе «ESG: три буквы, которые меняют мир» представлены российские и международные исследования концепции ESG, ее факторы, уровень развития современной ESG-повестки, дана оценка перспектив ее развития [ESG: три буквы, 2022].

Методами исследования послужил анализ литературных источников и результатов ранее проведенных исследований, метод сравнительного анализа, синтез, обобщение, классификация и описание результатов. Эмпирическая база исследования: стандарты устойчивого развития, справочники, отчеты, доклады, результаты российских и зарубежных исследований, данные нефинансовых отчетов, публикации по проблеме ESG.

Результаты исследования и обсуждение. В начале 2023 г. коммуникационная компания «Михайлов и партнеры» провела исследование в России по вопросу политики социальной ответственности и устойчивого развития. В опросе участвовало 17 000 респондентов: это топ-менеджеры российских компаний, представители экспертных организаций, ESG-специалисты и аналитики рейтинговых агентств. Результаты исследования показали, что 40% российских компаний в 2022 г. сократили бюджеты на ESG, 47% не стали их урезать, 55% опрошенных не готовы привлекать сотрудников к планированию ESG-инициатив.

Российские корпорации перестроили свою ESG-активность и ориентируются сегодня на отечественные рейтинги, метрики и верификаторы отчетности. Меняются приоритеты и в проектах компаний по направлениям: E (environment), S (social), G (government). Так, например, фактор S (70%) по значимости для российских компаний обошел аспект E (62%), но это носит временный характер. 84% респондентов сообщили, что в их компаниях проводятся образовательные мероприятия по ESG-программам. 52% опрошенных компаний собираются корректировать цели в области устойчивого развития и пересматривать ESG-стратегии. Таким образом, можно сделать вывод, что большинство российских компаний, придерживаются концепции устойчивого развития и продолжают это делать [Мингазов, 2023].

РСПП в 2023 г. разработал рекомендации по текущим задачам управления и долгосрочным стратегиям, где «выделены приоритетные для ближайшей перспективы направления по экологическим, социальным и управленческим аспектам деятельности, т. е. по ESG факторам, включая такие, например, как вопросы ресурсосбережения и переработки отходов, экологической безопасности и климатической повестки, развития

трудового потенциала и эффективных рабочих мест, формирования новых устойчивых цепочек поставок и поддержки местных сообществ, а также развития эффективной системы корпоративного управления и адекватной стоящим задачам системы профессионального обучения» [Позиция РСПП, 2023: 2].

Журнал «Harvard Business Review» провел опрос по ESG-направлениям, результатам которого был посвящен специальный номер журнала. Выяснилось, что 65% инвесторов считают факторы ESG важными при принятии инвестиционных решений, а 84% потребителей заявили, что они с большей вероятностью будут покупать у компаний, которые отдают приоритет инициативам ESG [Макмаон, 2020; Штреле, 2020].

Таким образом, компании, которые реализуют стратегии ESG и эффективно сообщают о них заинтересованным сторонам, имеют больше возможностей для укрепления доверия, повышения своей репутации и увеличения прибыли. Кроме того, компании, уделяющие приоритетное внимание ESG-инициативам, с большей вероятностью будут привлекать и удерживать лучших специалистов, что крайне важно на современном конкурентном рынке труда.

Еще одно исследование провели в 2022 г. компании Corporate Knights и As You Sow. Они обновили глобальный список публичных компаний Clean200 и опубликовали его. Carbon Clean 200 – это список компаний, которые лидируют в переходе к низкоуглеродной экономике, основываясь на своих доходах от экологически чистой энергии и рыночной капитализации [Heaps, 2022].

В результате нашего исследования были выявлены преимущества и проблемы реализации ESG-стратегий. Внедрение стратегий ESG может дать компаниям многочисленные преимущества, в том числе:

- повышение репутации: компании, которые отдают приоритет ESG-инициативам, с большей вероятностью заработают положительную репутацию и повысят имидж своего бренда;
- увеличение доходов: компании, которые эффективно сообщают заинтересованным сторонам о своих ESG-инициативах, могут привлекать новых клиентов и увеличивать свои доходы;
- низкий риск: компании, реализующие стратегии ESG, лучше подготовлены к управлению рисками, связанными с изменением климата, сбоями в цепочке поставок и другими экологическими и социальными факторами;
- улучшение отношений с стейкхолдерами: компании, уделяющие приоритетное внимание инициативам ESG, с большей вероятностью будут строить устойчивые отношения с заинтересованными сторонами, включая инвесторов, клиентов и сотрудников.

Однако реализация стратегий ESG также может создать для компаний ряд проблем, в том числе:

- стоимость: реализация инициатив ESG может быть дорогостоящей, и компании могут испытывать трудности с эффективным распределением ресурсов;
- сбор данных: сбор точных и надежных данных ESG может быть сложной задачей, и компании могут испытывать трудности с измерением и отчетностью о своей эффективности ESG;
- взаимодействие с стейкхолдерами и эффективное информирование об инициативах ESG может быть сложным и трудоемким процессом;
- соблюдение нормативных требований: компании, внедряющие стратегии ESG, должны соблюдать ряд нормативных требований и стандартов, ориентироваться в которых может быть непросто.

Выявлены драйверы развития для компаний, стремящихся эффективно информировать о своих ESG-инициативах:

- прозрачность: компании должны быть прозрачными в отношении своих ESG-инициатив, включая их цели, прогресс и проблемы;
- многоканальность: компании должны использовать несколько каналов для информирования о своих ESG-инициативах, включая свой веб-сайт, годовые отчеты и социальные сети;
- взаимодействие с стейкхолдерами: компании должны взаимодействовать с заинтересованными сторонами, включая инвесторов, клиентов и сотрудников, чтобы понять их ожидания и опасения в отношении инициатив ESG;
- предоставление точных данных: компании должны сообщать точные и надежные данные ESG, используя признанные стандарты, такие как Глобальная инициатива по отчетности (GRI), Совет по стандартам бухгалтерского учета в области устойчивого развития (SASB), Совет по международным стандартам устойчивого развития (ISSB) и др.;
- определение четких целей: компании должны ставить четкие цели ESG и регулярно отчитываться о своем прогрессе в их достижении;
- интеграция ESG в бизнес-стратегию: компании должны интегрировать инициативы ESG в свою общую бизнес-стратегию, убедившись, что они соответствуют целям и задачам компании;
- обеспечение контекста: компании должны предоставить контекст для своих инициатив ESG, объясняя, как они способствуют созданию долгосрочной ценности и устойчивости;
- сбор отзывов: компаниям следует запрашивать отзывы стейкхолдеров о своих ESG-инициативах, используя опросы, фокус-группы и другие формы взаимодействия, чтобы собрать информацию и определить области для улучшения;
- обучение сотрудников: компаниям следует обучать сотрудников вопросам ESG, чтобы они понимали инициативы ESG компании и могли эффективно доводить их

до сведения заинтересованных сторон;

- сотрудничество с другими организациями: компании должны сотрудничать с другими организациями, включая отраслевые ассоциации, НПО и государственные учреждения, для продвижения инициатив ESG и обмена передовым опытом.

Перспективы дальнейшей исследовательской работы по указанной теме сводятся к изучению эффективности ESG в современных условиях на большой российской и международной выборке.

Выводы. Цели в области устойчивого развития (ЦУР), разработанные ООН в 2015 г., стали опорной точкой как для бизнес-структур и государств, на которых легла ответственность по реализации плана ЦУР к 2030 г. ESG стали критическим фактором в процессах принятия решений инвесторами, потребителями и другими заинтересованными сторонами, и компании, которые отдают приоритет инициативам ESG, имеют больше возможностей для укрепления доверия, повышения своей репутации и увеличения прибыли. Таким образом, ESG стала тенденцией в коммуникационной стратегии компании, когда компании стремятся четко и прозрачно донести свои инициативы ESG до стейкхолдеров.

Исследования показывают, что компании, которые придерживаются стратегии ESG, имеют более высокие показатели финансовой устойчивости и рентабельности в долгосрочной перспективе. Однако реализация ESG-стратегий может также быть сложной задачей, требуя от компаний преодоления таких препятствий, как сбор данных и отчетность, взаимодействие с заинтересованными сторонами и интеграция ESG в их общую бизнес-стратегию.

Чтобы эффективно сообщать о своих ESG-инициативах, компании должны уделять первоочередное внимание прозрачности, предоставлять контекст и взаимодействовать с заинтересованными сторонами, чтобы собирать отзывы и определять области для улучшения. Компании также должны сотрудничать с другими организациями для продвижения инициатив ESG и обмена передовым опытом.

Источники информации, такие как КК «Михайлов и партнеры» [Мингазов, 2023], РСПП [Позиция РСПП по поддержанию и продвижению повестки устойчивого развития в современной российской практике, 2023], Harvard Business Review [Harvard Business Review, 2020], Global Reporting Initiative [Global Reporting Initiative, 1997-2023], Совет по стандартам учета в области устойчивого развития (SASB) [Sustainability Accounting Standards Board, 2011-2023], Carbon Clean 200 [Heaps, 2022] и др., предоставляют компаниям рекомендации и инструменты для эффективной реализации стратегий ESG и доведения их до заинтересованных сторон.

В заключение можно сказать, что ESG-коммуникации стали важнейшим компонентом стратегии компании, поскольку компании стремятся уделять приоритетное внимание инициативам ESG для укрепления доверия, повышения своей репутации и

увеличения прибыли. Внедрение ESG-стратегий может дать компаниям многочисленные преимущества, но для этого требуется приверженность прозрачности, взаимодействия с заинтересованными сторонами и интеграция ESG в общую бизнес-стратегию. Компании, которые отдают приоритет инициативам ESG, могут не только внести свой вклад в более устойчивое будущее, но и пожинать плоды признания в качестве лидеров в области устойчивого развития.

Список источников

Беляева И.Ю., Козлова Н.П., Данилова О.В. ESG-факторы как инструмент формирования деловой репутации // Вестник АГТУ. Серия: Экономика. 2021. №4. Дата обращения 24.03.2023. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/esg-factory-kak-instrument-formirovaniya-delovoy-reputatsii>.

Кривоносов А. Д. От политики КСО к ESG: социальная отчетность и комплаенс контроль // *Российская пиарология: тренды и драйверы* : Сборник научных трудов в честь профессора К.В. Киуру / Под редакцией А. Д. Кривоносова. Том Выпуск 15. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2022. С. 33-38.

Макмаон С. Рейтинги ESG: как это работает // *Harvard Business Review*. 2020. №11. Дата обращения 24.03.2023. URL: <https://big-i.ru/management/korporativnyy-opyt/844242/>.

Маркони Д. PR: полное руководство; пер. с англ.: Д.Р. Геренава, Ю.П. Леоновой. М.: Вершина, 2006. 255 с.

Мингазов С. 40% российских компаний урезали расходы на ESG-политику в 2022 году. Дата обращения 24.03.2023. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/486426-40-rossijskih-kompanij-urezali-rashody-na-esg-politiku-v-2022-godu>.

Позиция РСПП по поддержанию и продвижению повестки устойчивого развития в современной российской практике. Дата обращения 24.03.2023. URL: <https://rspp.ru/events/news/pozitsiya-rspp-po-podderzhaniyu-i-prodvizheniyu-povestki-ustoychivogo-razvitiya-v-sovremennoy-rossiyskoy-praktike-63d946a702723/>.

Семенова Л.М. Социальная ответственность бизнеса // *Российская пиарология-2: тренды и драйверы: сб. статей*. СПб.: Издательство СПбГЭУ. 2016. С. 80-84.

Стайс Э. К. ESG и нефинансовая отчетность: перспективы в мире и России. 2022. Дата обращения 24.03.2023. URL: <https://www.skolkovo.ru/expert-opinions/esg-i-ne-finansovaya-otchetnost-perspektivy-v-mire-i-rossii/>.

Штреле Д., Майер К., Джонстоун-Луи М., Экклз Р. Будущее зависит от совета директоров // *Harvard Business Review*. 2020. №11. Дата обращения 24.03.2023. URL: <https://big-i.ru/management/korporativnyy-opyt/844242/>.

ESG: три буквы, которые меняют мир [Текст]: докл. к XXIII Ясинской (Апрельской) междунар. науч. конф. По проблемам развития экономики и общества, Москва, 2022

г. / И. В. Ведерин, К. И. Головщинский, М. И. Давыдов, Б. Б. Петько, М. С. Сабирова, С. В. Терсков, Е. А. Шишкин; под науч. ред. К. И. Головщинского; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. 138 с.

ESG-коммуникации: основные выводы из проведенной РАСО конференции по коммуникациям в области устойчивого развития. Дата обращения 24.03.2023. URL: <https://pltf.ru/2021/12/29/esg-kommunikaczii-osnovnye-vyvody-iz-provedennoj-raso-konferenczii-po-kommunikaczijam-v-oblasti-ustojchivogo-razvitiya/>.

Baker, K.H., Holzhauser, H.M., Nofsinger, J.R. (2022). *Sustainable Investing: Make Money Mean More*. URL: <https://www.europeanfinancialreview.com/sustainable-investing-make-money-mean-more/> (accessed: 15.03.2023).

Blackburn, W.R. (2015). *The Sustainability Handbook: The Complete Management Guide to Achieving Social, Economic, and Environmental Responsibility*. Publishing house: Routledge: 826.

Bowen, H.R. (1953). *Social Responsibilities of the Businessman*. N.Y.: Harper & Row: 276.

Chouaibi, Y., Zouari, G. (2021). The effect of corporate social responsibility practices on real earnings management: evidence from a European ESG data// *International Journal of Disclosure and Governance*: 1-20.

Global Reporting Initiative. URL: <https://www.globalreporting.org/> (accessed: 25.03.2023).

Heaps, T., Behar, A. (2022). *Carbon clean 200™: investing in a clean energy future*. 2022 Performance Update. URL: <https://www.asyousow.org/report-page/2022-clean200-investing-in-a-clean-energy-future> (accessed: 15.03.2023).

Hill, J. (2020) *Environmental, Social and Governance (ESG) Investing: A Balanced Analysis of the Theory and Practice of a Sustainable Portfolio*. Academic Press. London Wall, London EC2Y 5AS, United Kingdom: 360.

Sustainability Accounting Standards Board (SASB). URL: <https://www.sasb.org/> (accessed: 25.03.2023).

Şeker, Y., Şengür, E. D. (2021). The Impact of Environmental, Social, and Governance (ESG) Performance on Financial Reporting Quality: International Evidence // *Ekonomika*, vol. 100, núm. 2. Vilnius Universitetas:190-212. URL: <https://www.redalyc.org/journal/6922/692272891009/html/> (accessed: 15.03.2023).

Baker, K. H., Holzhauser, H. M., Nofsinger, J. R. (2022). *Sustainable Investing: Make Money Mean More*. URL:

<https://www.europeanfinancialreview.com/sustainable-investing-make-money-mean-more/> (accessed: 15.03.2023).

References

Belyayeva, I. Yu., Kozlova, N. P., Danilova, O. V. (2021) ESG-factory kak instrument formirovaniya delovoy reputatsii [ESG factors as a tool for building business reputation] // *Vestnik AGTU. Seriya: Ekonomika*. 4: 15-21. (accessed 24.03.2023). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/esg-factory-kak-instrument-formirovaniya-delovoy-reputatsii>. (In Russ.)

Blackburn, W. R. (2015). *The Sustainability Handbook: The Complete Management Guide to Achieving Social, Economic, and Environmental Responsibility*. Publishing house: Routledge: 826.

Bowen, H. R. (1953). *Social Responsibilities of the Businessman*. N.Y.: Harper & Row: 276.

Chouaibi, Y., Zouari, G. (2021). The effect of corporate social responsibility practices on real earnings management: evidence from a European ESG data. *International Journal of Disclosure and Governance*: 1-20.

ESG: tri bukvy, kotoryye menyayut mir: dokl. k XXIII Yasinskoy (Aprel'skoy) mezhdunar. nauch. konf. Po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva. (2022) [ESG: three letters that change the world: report. to the XXIII Yasinsk (April) int. scientific conf. On the problems of economic and social development] / I. V. Vederin, K. I. Golovshchinskiy, M. I. Davydov, B. B. Pet'ko, M. S. Sabirova, S. V. Terskov, Ye. A. Shishkin; pod nauch. red. K. I. Golovshchinskogo; Nats. issled. unt «Vysshaya shkola ekonomiki». M.: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki: 138. (In Russ.)

ESG-kommunikatsii: osnovnyye vyvody iz provedennoy RASO konferentsii po kommunikatsiyam v oblasti ustoychivogo razvitiya (2021) [ESG Communications: Key Findings from the RASO Sustainability Communications Conference]. (accessed 24.03.2023). URL: <https://pltf.ru/2021/12/29/esg-kommunikatsii-osnovnye-vyvody-iz-provedennoy-raso-konferentsii-po-kommunikatsiyam-v-oblasti-ustoychivogo-razvitiya/>. (In Russ.)

Global Reporting Initiative. URL: <https://www.globalreporting.org/> (accessed: 25.03.2023).

Heaps, T., Behar, A. (2022). Carbon clean 200™: investing in a clean energy future. 2022 Performance Update. URL: <https://www.asyousow.org/report-page/2022-clean200-investing-in-a-clean-energy-future> (accessed: 15.03.2023).

Hill, J. (2020) *Environmental, Social and Governance (ESG) Investing: A Balanced Analysis of the Theory and Practice of a Sustainable Portfolio*. Academic Press. London Wall, London EC2Y 5AS, United Kingdom: 360.

London EC2Y 5AS, United Kingdom: 360.

Krivososov, A. D. (2022) Ot politiki KSO k ESG: sotsial'naya otchetnost' i komplyans kontrol [From CSR policy to ESG: Social reporting and compliance control]. *Rossiyskaya*

piarologiya: trendy i drayvery : Sbornik nauchnykh trudov v chest' professora K.V. Kiuru / Pod redaktsiyey A. D. Krivososova, 15. [Russian Public Relations: Trends and Driver]. Sankt-Petersburg : SPbSUE.: 33-38. (In Russ.)

Makmaon, C. (2020) Reytingi ESG: kak eto rabotayet // *Harvard Business Review*. 11. accessed 24.03.2023. URL: <https://big-i.ru/management/korporativnyy-opyt/844242/>. (In Russ.)

Markoni, D. (2006) PR: polnoye rukovodstvo [PR: complete guide]. per. s angl.: D.R. Gerenava, YU.P. Leonovoy. M.: Vershina: 255. (In Russ.)

Mingazov, S. (2023) 40% rossiyskikh kompaniy urezali rashody na ESG-politiku v 2022 godu [40% of Russian companies cut spending on ESG policies in 2022]. (accessed 24.03.2023). URL: <https://www.forbes.ru/biznes/486426-40-rossijskikh-kompanij-urezali-rashody-na-esg-politiku-v-2022-godu>. (In Russ.)

Pozitsiya RSPP po podderzhaniyu i prodvizheniyu povestki ustoychivogo razvitiya v sovremennoy rossiyskoy praktike [The position of the RSPP on maintaining and promoting the sustainable development agenda in modern Russian practice]. (accessed 24.03.2023). URL: <https://rspp.ru/events/news/pozitsiya-rspp-po-podderzhaniyu-i-prodvizheniyu-povestki-ustoychivogo-razvitiya-v-sovremennoy-rossijskoy-praktike-63d946a702723/>. (In Russ.)

Şeker, Y., Şengür, E. D. (2021). The Impact of Environmental, Social, and Governance (ESG) Performance on Financial Reporting Quality: International Evidence // *Ekonomika*, vol. 100, núm. 2. Vilnius Universitetas:190-212. URL: <https://www.redalyc.org/journal/6922/692272891009/html/> (accessed: 15.03.2023).

Semenova, L. M. (2016) Sotsial'naya otvetstvennost' biznesa [Business Social Responsibility]. *Rossiyskaya piarologiya-2: trendy i drayvery* [Russian PR-science-2: trends and drivers]. SPb.: Izdatel'stvo SPbGEU: 80-84. (In Russ.)

Shtrele, D., Mayyer, K., Dzhonstoun-Lui, M., Ekkiz, R. (2020) Budushcheye zavisit ot sojeta direktorov [The future depends on the board of directors] // *Harvard Business Review*. 11.(accessed 24.03.2023). URL: <https://big-i.ru/management/korporativnyy-opyt/844242/>. (In Russ.)

Stays, E. K. (2022) ESG i nefinansovaya otchetnost': perspektivy v mire i Rossii [ESG and non-financial reporting: perspectives in the world and Russia.]. (accessed 24.03.2023). URL: <https://www.skolkovo.ru/expert-opinions/esg-i-nefinansovaya-otchetnost-perspektivy-v-mire-i-rossii/>. (In Russ.)

Sustainability Accounting Standards Board (SASB). URL: <https://www.sasb.org/> (accessed: 25.03.2023).

© Семенова Л.М., 2023

Семенова Лидия Михайловна – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры коммуникационных технологий и связей с общественностью, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет». Санкт-Петербург, Россия, ул. Садовая, 21 (St. Petersburg, Russia, st. Sadovaya, 21). E-mail: Lidia_sem@mail.ru.

Статья поступила в редакцию: 04.03.2023.

УДК 070 (075.8)

Шилина Марина Григорьевна

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия

Shilina.MG@rea.ru, Author ID: 821827, ORCID: 0000-002-9608-352x

МОДЕЛИ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: АКТОРЫ И НАРРАТИВЫ

В статье выявлены особенности стратегической коммуникации, опосредованной технологиями искусственного интеллекта. Для изучения профессиональной социальной коммуникации в контексте ИИ представляется релевантным применение системно-уровневой и модельной методологии с позиций Петербургской школы PR. В результате исследования определено, что с теоретической точки зрения внедрение технологий искусственного интеллекта в стратегической коммуникации парадоксально и амбивалентно, поскольку формирует потенциал деструкции наиболее эффективной диалоговой модели профессионального взаимодействия с аудиториями. Реальные акторы профессиональной социальной коммуникации в условиях цифровой трансформации не являются доминирующими, определяющими параметры взаимодействия в модели стратегической коммуникации; развитие технологий ИИ усиливает коммуникативную автономность квазиакторов. Специфика цифрового нарратива стратегической коммуникации заключается в том, что он является квазиличностным априорно, первично детерминирован технологиями; как формат корпоративного повествования представляет корпоративные ситуационно-специфические версии реальности и является определенным специфическим способом конструирования и установления этой оптимизированной реальности. Использование программ искусственного интеллекта в стратегической коммуникации находится на стадии становления. При этом выявленная коммуникативная ситуация провоцирует определенный уровень цифрового разрыва во взаимодействии акторов и создании нарративов. Данный формат цифрового разрыва на технико-технологическом уровне определяется начальным этапом освоения технологий профессионалами и априорным участием квазисубъектов. На уровне социальной коммуникации проблемы отражаются в невысоком уровне профессиональных нарративов, низкой корреляции целей и ценностей коммуникации во взаимодействии с целевыми аудиториями. Сложившуюся ситуацию определяем как компетентностный цифровой разрыв. Верификация результатов исследования предлагается в рамках фокус-группы экспертов (n=12, 2023) в сравнении итогами ранее проведенного автором исследования, включавшего экспертные интервью (n=4, 2020).

Ключевые слова: стратегическая коммуникация, Петербургская школа PR, цифровая трансформация, (пиринговая) модель коммуникации, искусственный интеллект, диффузия, цифровой квазисубъект, цифровой нарратив, цифровой разрыв.

“

Шилина М. Г. Модели стратегической коммуникации в контексте технологий искусственного интеллекта: акторы и нарративы // Язык. Коммуникация. Общество: Электронный научный журнал. 2023. № 2 (2). С. 63-74.

Shilina Marina Grigorievna

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия

Shilina.MG@rea.ru, Author ID: 821827, ORCID: 0000-002-9608-352x

AI-DRIVEN OF STRATEGIC COMMUNICATION: ACTORS AND NARRATIVES

The article defines the features of strategic communication mediated by artificial intelligence technology. To study professional social communication in evaluative AI, it is assumed that the relevant application of system-level and model methodology, from the perspective of the St. Petersburg school of PR. From a theoretical point of view, it was determined that in strategic communication the functions of artificial intelligence are paradoxical and ambivalent, since it forms the potential for destruction of the most powerful model of professional interaction with audiences; development of AI technologies provokes communicative autonomy of quasi-actors. The specificity of the traditional narrative of strategic communication is that it is a quasi-personal a priori, primarily determined technologies; how the format of corporate perception represents corporate situation-specific versions of reality and is a reflection of a specific way of designing and represents this apparent reality. The use of an artificial intelligence program in strategic communication is in its infancy. And this format of a significant gap at the technical and technological level of the solution of the initial stage of technology development is realised by professionals and a priori participants of quasi-subjects. At the level of social communication, the problems stems from the high level of professional narratives, the correct correlation of goals and the coverage of communications in regions with target audiences. The current state is observed as a competency-based digital divide. Verification of the results of the study is conducted within the framework of the focus group of opinions (n = 12, 2023), during which the previously conducted author's research was conducted, including expert interviews (n = 4, 2020).

Keywords: strategic communication, St. Petersburg School of PR, digital communication model (peer-to-peer), artificial intelligence, diffusion, digital quasi-subject, digital quasi-subject, digital narrative, digital divide.

Shilina M. G. AI-driven models of strategic communication: actors and narratives. Language. Communication. Society: Digital scientific journal. 2023. 2 (2): 63-74.

Введение. Национальная программа цифровой экономики 2017-2024, нормативные документы по реализации в стране проектов цифровой трансформации определяют большие данные, искусственный интеллект (ИИ) и решения на его основе, сквозные цифровые технологии (СЦТ) в качестве базовых технологий развития всех сфер.

Характеристики внедрения технологий искусственного интеллекта в России позитивны: отечественный рынок решений в сфере ИИ достигнет 160 млрд руб. (2024); подавляющее большинство внедривших технологии ИИ компаний (82 %) считают их эффективными [Искусственный интеллект и бизнес, 2019].

Реализация заявленных программ открывает новый этап технологического взаимодействия акторов в экономике, в нормативной квадроспирали инноваций государство-бизнес-научное и академическое сообщество-граждане и определяет новые форматы коммуникации в социуме, в том числе профессионального сопровождения всех процессов специалистами по стратегической коммуникации [Шилина, Вартанов, 2019].

Отметим, что термин «стратегическая коммуникация» в данной статье используется как зонтичный для всех иных форматов социальной профессиональной социальной коммуникации, в частности, PR, рекламы.

Стратегическая коммуникация с появлением технологий искусственного интеллекта в экономических и социальных практиках периода цифровизации, цифровой

экономики, цифровой трансформации вступает в новую фазу, которую профессионалы определяют как этап существенных изменений в индустрии [Zerfass et al., 2019].

Расширение практик применения ИИ в стратегической коммуникации в развитых экономиках обуславливает рост количества исследований коммуникативных проблем их имплементации [Weisenberg, Tench, 2019; Gentsch, 2019a]. По мнению экспертов и исследователей, коммуникации, опосредованные ИИ, несмотря на парадоксальность эффектов, зачастую негативных [Markidakis, 2018; Gentsch, 2019b], в целом революционны для индустрии [Weisenberg, Tench, 2019].

Российские исследования профессиональной социальной коммуникации в парадигме искусственного интеллекта начинают появляться в конце 2010-х гг. и ввиду новизны тематики, отсутствия релевантного количества практик находятся на стадии становления и поиска идентичности концепций. Ученые выявляют количественные характеристики больших данных, значимые для профессиональной социальной коммуникации, функциональные особенности применения технологий искусственного интеллекта в рекламе и PR, в частности автоматизации процессов, формирования точно таргетированного портрета целевой аудитории, создания и продвижения цифровых вербальных, визуальных, мультимедийных текстов и т.д. [Шилина, 2018].

В 2023 г. исследователи РАЭК, НИУ ВШЭ и факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова презентовали ряд результатов, полученных в рамках изучения коммуникативной специфики и диффузии технологий искусственного интеллекта (Искусственный интеллект в медиа и коммуникациях, 2017-2023). В частности, эксперты отмечают, что развитие ИИ в России представляет в целом большей степени возможности, чем угрозы (86,9%), в том числе для индустрии коммуникаций и медиа (91,5%); диффузия ИИ достаточно высока в реальном секторе, при этом медийные коммуникационные проекты в большинстве случаев находятся на этапе планирования [Искусственный интеллект в медиа и коммуникациях, 2023].

Искусственный интеллект применяют в стратегической коммуникации на всех этапах, начиная от таргетирования аудитории, разработки креативов (автоматизация генерации сообщений, написание текстов, определение тематики и семантики рекламы, монтаж аудио и видеосюжетов, создание дизайна и т.д.) до подбора каналов размещения, закупки и размещения рекламы до оценки эффективности кампаний.

Каковы особенности стратегической коммуникации, опосредованной технологиями ИИ, с теоретической точки зрения?

В ограниченном объеме данной статьи рассмотрим базовые характеристики модели стратегической коммуникации, опосредованной технологиями ИИ, в качестве объекта исследования с фокусировкой на специфике взаимодействия базовых элементов модели коммуникации: акторов (объектов и субъектов) и нарратива – в качестве предмета изучения.

Методология и дизайн исследования. Начальный этап имплементации технологий ИИ в коммуникационные практики индустрии, отсутствие достаточного объема эмпирических данных, научно-практических и научно-теоретических работ, определяет проведение кабинетного исследования объекта и предмета в парадигме Петербургской школы PR [Кривоносов, Филатова, Шишкина, 2023].

Для изучения профессиональной социальной коммуникации в контексте ИИ представляется релевантным применение системно-уровневой и модельной методологии, предложенной и апробированной автором при изучении коммуникации, опосредованной цифровыми технологиями [Шилина, 2012; Шилина, 2020]. Данный подход позволяет анализировать технологические характеристики и коммуникативные особенности взаимодействия акторов стратегической коммуникации на технико-технологическом и социальном уровне, модельный подход позволяет выявить акторов и авторов коммуникации, дает возможность выявить интенции базисного, технологического, креативного субъектов при создании нарратива как базового элемента взаимодействия.

Изучение феномена нарратива представляется релевантным для исследования сущности дискурсивных практик стратегической коммуникации, опосредованной технологиями ИИ, поскольку нарратив рассматривается как комплекс правил функционирования сообщения в определенном социокультурном контексте и как специфический способ конструирования и установления реальности [Breneer, 1990], что существенно с точки зрения целеполагания стратегической коммуникации и соотносится с направлениями исследований Петербургской школы PR [Кривоносов, Филатова, Шишкина, 2023].

Нарратив в дискурсивных практиках стратегической коммуникации, опосредованной ИИ, включает вербальную, визуальную, пространственную (мультимедийную, интерактивную) репрезентации, поэтому его изучение традиционно проводится в междисциплинарной парадигме. В рамках данного исследования фиксируем базовые параметры нарратива, в частности, авторства стратегической коммуникации, опосредованной ИИ.

Верификация результатов исследования предлагается в рамках фокус-группы экспертов (n=12, 2023) в сравнении итогами ранее проведенного автором исследования, включавшего экспертные интервью (n=4, 2020).

Результаты исследования. Классическая модель эффективной профессиональной социальной коммуникации – модель двустороннего симметричного взаимодействия (по Грюнигу-Ханту, 1984) – предполагает равноправное взаимодействие субъекта и объекта. Модель при этом не отражает параметры технической реализации коммуникации, особенности взаимодействия коммуникаторов, опосредованного техникой/технологиями, в том числе цифровыми технологиями и ИИ.

Цифровые технологии априорно обуславливают специфические характеристики

модели стратегической коммуникации, отличные от коммуникации в реальном физическом мире.

В новейшей цифровой модели стратегической коммуникации происходит существенная субъект-объектная трансформация: базисными субъектами коммуникации являются не только заказчики коммуникации, но владельцы данных, платформ, технологий и технические субъекты-специалисты, которые реализуют коммуникацию (программисты, техники и т.д.). Предлагается обозначить данных специфических акторов как квазисубъектов цифровой стратегической коммуникации, базисных и технологических.

Коммуникация в интернете технологически реализуется по равноправной пиринговой модели (англ. peer-to-peer, P2P); на социальном уровне возможно описать ее как симметричную. Однако с учетом представленных выше особенностей участия реальных и виртуальных квазисубъектов реализация пирингового двустороннего симметричного взаимодействия невозможна априорно.

Цифровая трансформация коммуникации предполагает расширение автоматизации процессов, развитие моделей коммуникации без участия человека, в частности в интернете вещей (the Internet of Things), интернете всего (the Internet of Everything), даже в интернете бионановещей (the Internet of BioNanoThings).

В коммуникации, опосредованной программами искусственного интеллекта, создаются принципиально новые цифровые форматы корпоративных виртуальных субъектов – цифровые виртуальные личности, например голосовые/текстовые помощники/чат-боты, аватары в метавселенных и т.д.

Цифровой виртуальный персонаж/личность предлагаем определить, исходя из предложенной системно-уровневой и модельной методологии, на технико-технологическом и социальном/профессиональном уровне как цифровую репрезентацию определенного коммуникативного (квази)субъекта коммуникации, функционирующую на основе технико-технологической (программной, платформенной) и коммуникативной (вербальной, визуальной, мультимедийной) компонент в широко трактуемых интересах базисных субъектов и квазисубъектов для этого персонажа/личности (заказчика коммуникации, владельца данных, провайдера, аналитика коммуникации и т.д.).

Подобные цифровые программные продукты/проекты выполняют вспомогательные функции (например, информирования целевой аудитории). Однако коммуникативный запрос на формирование комплицированности, причастности к ценностям базисного субъекта/заказчика коммуникации, предполагает расширение целеполагания и функций виртуального квазисубъекта, например в качестве виртуальных представителей компании-базисного субъекта.

Подобные виртуальные антропоморфные цифровые форматы, опосредованные технологиями ИИ, особенно в формате цифровых инфлюенсеров (computer generated

influencer, CGI), сложно отнести лишь к линейке цифровых инструментов стратегической коммуникации, поскольку они выполняют функции профессионалов стратегической коммуникации, при этом постоянно адаптируются и развиваются на основе анализа данных, в первую очередь естественного языка общения с человеком и множества иных данных.

Предложим рабочее определение цифрового виртуального инфлюенсера как цифровой репрезентации коммуникативного (квази)субъекта, который создается и функционирует в рамках определенного цифрового ресурса/платформы в интересах владельца данных этого персонажа/личности; в стратегической коммуникации – в интересах широко трактуемого корпоративного заказчика.

Цифровые виртуальные инфлюенсеры, благодаря эффекту своей новизны, востребованы и вполне успешно конкурируют с цифровыми инфлюенсерами-людьми [Кувшинова, 2019], например, обеспечивая уровень вовлеченности аудитории в среднем в три раза больший, чем инфлюенсер-человек [HyperAuditor, 2020].

Полагаем, что это дает основания для того, чтобы отнести цифровых инфлюенсеров также к виртуальным (квази)субъектам в модели стратегической коммуникации.

Целевые аудитории в модели цифровой стратегической коммуникации как объект коммуникации получают, благодаря цифровизации и интернету, возможность интерактивного участия, функции обратной связи, автономного создания контента; то есть аудитория из объекта трансформируется в субъект.

Таким образом, модель стратегической коммуникации в парадигме искусственного интеллекта расширяется за счет целевых аудиторий и квазисубъектов: реальных (владельцы цифровых платформ, данных программ, технические исполнители и т.д.) и виртуальных (цифровые виртуальные инфлюенсеры и т.д.); субъектная сфера оказывается все более гибридной, благодаря появлению цифровых виртуальных личностей как амбассадоров корпораций.

Правомерность сделанных выводов подтверждают результаты проведенного опроса экспертов (2020) и анализа данных фокус-группы (2023): респонденты отмечают расширение полисубъектности (25%, 2020 и 50%, 2023 соответственно) за счет реальных (25%, 2020 и 70%, 2023 соответственно) и виртуальных квазисубъектов (25%, 2020 и 50%, 2023 соответственно), в частности на основе программ искусственного интеллекта (25%, 2020 и 70%, 2023 соответственно).

Как расширение субъектности влияет на формы взаимодействия в цифровой стратегической коммуникации, опосредованной технологиями ИИ? Сообщение в цифровой стратегической коммуникации формируется по заданной интенции базисного субъекта; на основе определенного программного кода; в любом формате (текстовом/вербальном, визуальном, аудиальном, мультимедийном; цифровом или гибридном); является квазиличностным; статическим или динамическим; функционирует в интересах

заказчика коммуникации; реализация и функционирование сообщения возможно исключительно благодаря квазисубъектам – базисным и технологическим, в коммуникативном поле интерактивного цифрового дискурса.

Обозначим представленный формат сообщений стратегической коммуникации, опосредованной программами ИИ, как нарратив, то есть определенный формат повествования, подвид дискурса.

Понятие «нарратив» традиционно определяют как имя некоторого ансамбля лингвистических и психологических структур, передаваемых культурно-исторически, ограниченных уровнем мастерства каждого индивида и смесью его или ее социально-коммуникативных способностей с лингвистическим мастерством [Mitchell, 1981].

Нарратив имеет существенную исследовательскую традицию в гуманитарных науках [Mitchell, 1981; Ricoeur, 1981], при этом не обрел непротиворечивого толкования и общепринятых дефиниций, в частности потому, что формы, жанры, виды, типология и концептуальные рамки его изучения размыты.

В стратегической коммуникации нарративы становятся объектом изучения в контексте европейских традиций, среди первых фундаментальных исследований можно назвать работы Т. Ю. Лебедевой [Лебедева, 2007]. Однако в целом российские исследования нарратива в профессиональной стратегической коммуникации, рекламе и PR, возможно отнести к попыткам трактовки базисных понятий ведущих теоретиков-классиков применительно к частным аспектам научного знания; исследования нарративов, опосредованных технологиями искусственного интеллекта, не выявлены.

Нарратив, как отмечалось выше, рассматривается, как комплекс правил функционирования сообщения в определенном социокультурном контексте, как последовательность речевых актов соотносится с определенными типами действий и деятельности.

При этом нарратив не есть репрезентация, но некий специфический способ конструирования и установления реальности [Брокмейер, Харре, 2000]. Нарратив представляет индивидуальные и ситуационно-специфические версии реальности.

Нарративы определяются и передаются посредством культурно-исторических, социокультурных и корпоративных паттернов. В цифровом дискурсе эти паттерны могут быть ограничены объемом и качеством цифровой базы исходных данных.

Особенности нарратива в стратегической цифровой коммуникации обуславливают различные типы деятельности: коммуникативные (например, беседа голосового помощника); когнитивные (рассуждения в ходе дискуссии в социальной сети); экспрессивные (выявление претензий пользователя к корпорации).

По мнению большинства опрошенных в ходе исследования экспертов и по данным фокус-группы, понятие «нарратив» является релевантным для описания практик стратегической коммуникации в контексте применения технологии ИИ (75%, 85%), в цифровых нарративах презентуется традиционное для стратегической коммуникации

оптимизированное видение реальности (75%, 90%), однако это пока не носит характер «затемнения» реальности (50%, 75%).

В стратегической коммуникации в контексте искусственного интеллекта с появлением в модели коммуникации реальных и виртуальных квазисубъектов одним из базовых аспектов исследования нарратива становится авторство – и это усугубляет существенные и понятийные проблемы исследований как нарратива, так и цифрового дискурса (и нарратива как такового).

Нарратив в большинстве случаев артикулируется с определенной (авторской) точки зрения, что определяет значение позиции автора и его права и обязанности в локальных моральных контекстах [Coupland, Nussbaum, 1993].

Дискуссионность изучения авторства нарратива весьма высока. Так, многие исследователи не признают нарративы личностными или индивидуальными, отказывая им в авторстве; эту позицию подкрепляет идея об интериндивидуальности дискурса [Bakhtin, 1981]. Видение реальности автором, представленное в нарративе, зачастую определяется как авторитарное, поскольку является в определенной степени «затемнением» реальности или вовсе ее не репрезентует.

По мнению большинства опрошенных в ходе исследования экспертов и по данным фокус-группы, понятие «нарратив» является релевантным для описания практик стратегической коммуникации в контексте применения технологии ИИ (75%, 85%), в цифровых нарративах презентуется традиционное для стратегической коммуникации оптимизированное видение реальности (75%, 90%), однако это пока не носит характер «затемнения» реальности (50%, 75%).

Изучение авторства, авторского «голоса», который артикулирует определенную позицию базисного субъекта, в цифровой стратегической коммуникации носит многоуровневый характер, определяется всеми авторскими «голосами» субъектов и квазисубъектов, то есть первично детерминировано технологиями.

Цифровой нарратив стратегической коммуникации, опосредованный технологиями ИИ, возможно определить как квазиличностный / квазисубъектный и описать как комплекс цифровых мультимедийных лингвистических и технологических цифровых структур, которые создаются и транслируются в цифровой среде посредством программ искусственного интеллекта, могут быть репрезентованы (корпоративными) акторами и цифровыми виртуальными квазиличностями; нарративы создаются и транслируются технологическими и креативными субъектами в интересах базисных субъектов-заказчиков, неноминальных базисных квазисубъектов – владельцев инфраструктуры, с участием аудитории в качестве субъекта, и определяются профессиональными, лингвистическими и социально-коммуникативными особенностями каждого субъекта.

Цифровой (квазиличностный) нарратив стратегической коммуникации – это формат широко толкуемого корпоративного повествования, который представляет

корпоративные ситуационно-специфические версии реальности и является определенным специфическим способом конструирования и установления реальности.

Нарратив традиционно реализуется в разнообразных форматах профессиональных текстов стратегической коммуникации. Пока практики применения технологий ИИ по существу дублируют традиционные форматы оффлайновых и онлайн-овых, гибридных нарративов. Согласно результатам наших исследований, в 2023 г. (январь-март) в Рунете ежемесячно анонсируется в среднем более 10 проектов разного уровня, созданных на основе технологий ИИ, от рекламного видеосюжета до виртуального пресс-секретаря. Однако все проекты лишь анонсируются, результатов (или хотя бы целеполагания и критериев оценки эффективности) авторы не предоставляют. Проведенный анализ проектов с точки зрения целей, ценностей, целевых аудиторий, участия (квази) субъектов и особенностей нарративов выявил низкую корреляцию между обозначенными базовыми параметрами. Повествование, сюжеты, жанры, сообщения предлагались в традиционных форматах визуализации (рекламный баннер, видео), при этом нарративы (визуальные/статические, динамические и мультимедийные) не отражали внятное целеполагание; сообщения носили противоречивый характер.

Цифровые нарративы, опосредованные технологиями искусственного интеллекта, по мнению большинства опрошенных в ходе исследования экспертов и по данным фокус-группы, как способ формирования корпоративного дискурса, пока находятся на стадии становления.

Заключение и дискуссия. Исследование позволяет зафиксировать полисубъектность модели актуальной стратегической коммуникации в контексте искусственного интеллекта: модель стратегической коммуникации в парадигме искусственного интеллекта расширяется за счет квазисубъектов: реальных (владельцы цифровых платформ, данных программ, исполнители и т.д.) и виртуальных (цифровые виртуальные инфлюенсеры и т.д.); субъектная сфера оказывается все более гибридной, благодаря появлению цифровых виртуальных личностей как амбассадоров корпораций.

Реальные акторы профессиональной социальной коммуникации в условиях цифровой трансформации не являются доминирующими, определяющими параметры взаимодействия в модели стратегической коммуникации; развитие технологий ИИ усиливает коммуникативную автономность квазиакторов.

Специфика цифрового нарратива стратегической коммуникации заключается в том, что он является квазиличностным априорно, первично детерминирован технологиями; как формат корпоративного повествования представляет корпоративные ситуационно-специфические версии реальности и является определенным специфическим способом конструирования и установления этой оптимизированной реальности.

Несмотря на то что использование программ искусственного интеллекта в стратегической коммуникации находится на стадии становления, выявленная

коммуникативная ситуация провоцирует определенный уровень цифрового разрыва во взаимодействии акторов и в создании нарративов. Данный формат цифрового разрыва на технико-технологическом уровне определяется начальным этапом освоения технологий профессионалами и априорным участием квазисубъектов. На уровне социальной коммуникации проблемы отражаются в невысоком уровне профессиональных нарративов, низкой корреляции целей и ценностей коммуникации во взаимодействии с целевыми аудиториями. Сложившуюся ситуацию определяем как компетентностный цифровой разрыв.

Правомерность сделанных выводов подтверждают результаты проведенного опроса экспертов (2020) и анализа данных фокус-группы (2023); респонденты отмечают существенность компетентностного цифрового разрыва (25%, 70%); потенциал эффектов коммуникативной автономности технологий ИИ представляется большинству экспертов неоднозначным (75%, 80%).

Таким образом, с теоретической точки зрения внедрение технологий искусственного интеллекта в стратегической коммуникации парадоксально и амбивалентно.

Список источников

Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. 2000. №3. С. 29-42.

Джордани П., Уилсон Дж. Человек + машина. Новые принципы работы в эпоху искусственного интеллекта. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. 304 с.

Искусственный интеллект и бизнес: есть контакт? Исследование ВЦИОМ. №4128. 12.12.2019. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10068> Дата обращения: 15.03.2023.

Искусственный интеллект в медиа и коммуникациях. Исследование РАЭК, НИУ ВШЭ, МГУ. Презентация на XVI Форуме деловых СМИ ТПП РФ. 06.04.2023.

Кривоносов А. Д., Филатова О. Г., Шишкина М. А. Основы теории связей с общественностью. СПб.: Питер, 2023. 384с.

Кувшинова Д. Д. Виртуальный инфлюенсер как инструмент рекламы: генезис, характеристики, функции // Les communications à l'époque de transformation numérique. Paris: L'Harmattan, 2019. С. 84-87.

Лебедева Т. Ю. Выборы: искусство моделирования. М.: Изд-во IEERP - L'Harmattan, 2007. (Серия IEERP «Антология современной коммуникации»).

Шилина М. Г. Текстогенные трансформации инфосферы. Методологический эскиз становления Интернета. М., 2012. 738 с.

Шилина М. Г. Big data: данные и модели коммуникации нового формата в инфопространстве цифровой экономики России // Медиальманах. М., 2018. № 1. С. 14-27.

Шилина М. Г. Технологии искусственного интеллекта в стратегической коммуникации: актуальные российские реалии // Российская школа связей с общественностью. 2020. N 4. С. 13-29.

Шилина М. Г., Вартаков С. А. Доверие как категория теории коммуникации в парадигме цифровой экономики (к постановке научной проблемы) // Медиальманах. 2019. № 1. С. 20-38.

Bakhtin, M. (1981). The dialogic imagination (Holquist, M. Ed.). Austin: University of Texas Press.

Bruner, J.S. (1990). Acts of meaning. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Coupland, N. & Nussbaum, J. (1993) (Eds.) Discourse and lifespan identity. Newbury Park, CA: Sage.

Gentsch, P. (2019a) Conversational AI: How (Chat)Bots Will Reshape the Digital Experience: How Marketers without a Data Science Degree can use AI, Big Data and Bots. In: AI in Marketing, Sales and Service: 81-125.

Gentsch, P. (2019b) AI in Marketing, Sales and Service. How Marketers without a Data Science Degree can use AI, Big Data and Bots. Palgrave Macmillan: 271.

HypeAuditor (2020). URL: <https://hypeauditor.com/> Дата обращения: 20.02.2023.

Makridakis, S. (2018) High Tech Advances in Artificial Intelligence (AI) and Intelligence Augmentation (IA) and Cyprus (2019). *Cyprus Review*. 30(2) March: 159-167.

Mitchell, W.J.T. (Ed.) (1981) On narrative. Chicago: University of Chicago Press.

Ricoeur, P. (1981) The narrative function. *Hermeneutics and the human sciences*. Cambridge, England: Cambridge University Press.

Wiesenberg, M., Tench, R. (2019) Deep strategic mediatization: Organizational leaders' knowledge and usage of social bots in an era of disinformation. *International Journal of Information Management* (in press) DOI: 10.1016/j.ijinfomgt.2019.102042

Zerfass, A., Verčič, D., Verhoeven, P., Moreno, A. & Tench, R. (2019) *European Communication Monitor 2019*. Exploring trust in the profession, transparency, artificial intelligence and new content strategies. Results of a survey in 46 countries. Brussels: EACD/EUPRERA, Quadriga Media Berlin. [Электронный

ресурс]. Режим доступа: http://www.communicationmonitor.eu/wp-content/uploads/dlm_uploads/ECM19-Facts-1.pdf Дата обращения: 15.03.2023.

References

Bakhtin, M. (1981). The dialogic imagination (Holquist, M. Ed.). Austin: University of Texas Press.

Brokmeijer, Y., Kharre, R. Narrativ: problemy i obeshchaniya odnoy al'ternativnoy paradigmy [Narrative: problems and promises of one alternative paradigm]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy]. 2000 (3): 29-42. (In Russ.)

Bruner, J.S. (1990). Acts of meaning. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Coupland, N. & Nussbaum, J. (1993) (Eds.) Discourse and lifespan identity. Newbury Park, CA: Sage.

Gentsch, P. (2019a) Conversational AI: How (Chat)Bots Will Reshape the Digital Experience: How Marketers without a Data Science Degree can use AI, Big Data and Bots. *AI in Marketing, Sales and Service*: 81-125.

Doerti P., Uilson Dzh. (2019) Chelovek + mashina. Novyye printsipy raboty v epokhu iskusstvennogo intellekta. [Man + machine. New principles of work in the era of artificial intelligence]. M.: Mann, Ivanov i Ferber: 304. (In Russ.)

Gentsch, P. (2019b) AI in Marketing, Sales and Service. How Marketers without a Data Science Degree can use AI, Big Data and Bots. Palgrave Macmillan. 271 p.

HypeAuditor. (2020) URL: <https://hypeauditor.com/> (accessed: 15.03.2023).

Iskusstvennyy intellekt i biznes: yest' kontakt? Issledovaniye VTSIOM [Artificial intelligence and business: is there a contact? VTSIOM research.] № 4128. 12.12.2019. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10068> (accessed: 15.03.2023). (In Russ.)

Iskusstvennyy intellekt v media i kommunikatsiyakh. [Artificial intelligence in media and communications]. Issledovaniye RAEK, NIU VSHE, MGU. Prezentatsiya na XVI Forume delovoykh SMI TPP RF. 06.04.2023. (In Russ.)

Krivososov, A. D., Filatova, O. G., Shishkina, M. A. (2023) Osnovy teorii svyazey s obshchestvennost'yu. [Fundamentals of the theory of public relations]. Saint Petersburg, Piter: 384. (In Russ.)

Kuvshinova D. D. (2019) Virtual'nyy influyenser kak instrument reklamy: genezis, kharakteristiki, funktsii. [Virtual influencer as an advertising tool: genesis, characteristics, functions]. Les communications à l'époque de transformation numérique. Paris: L'Harmattan: 84-87. (In Russ.)

Lebedeva, T. YU. (2007) Vyborny: iskusstvo modelirovaniya. [Elections: the art of modeling] M.: Izd-vo

IEERP-L'Harmattan. (In Russ.)

Makridakis, S. (2019) High Tech Advances in Artificial Intelligence (AI) and Intelligence Augmentation (IA) and Cyprus. *Cyprus Review*. 30(2) March: 159-167.

Mitchell, W.J.T. (Ed.) (1981) On narrative. Chicago: University of Chicago Press.

Ricoeur, P. (1981) The narrative function. *Hermeneutics and the human sciences*. Cambridge, England: Cambridge University Press.

Shilina, M. G. (2012) Tekstogennyye transformatsii infosfery. Metodologicheskii eskiz stanovleniya Interneta [Textogenic transformations of the infosphere. Methodological sketch of the formation of the Internet.] Moscow: 738. (In Russ.)

Shilina, M. G. (2018) Big data: dannyye i modeli kommunikatsii novogo formata v infoprostranstve tsifrovoy ekonomiki Rossii [Big data: data and communication models of a new format in the information space of the Russian digital economy]. *Medial'manakh*. 2018 (1): 14–27. (In Russ.)

Shilina, M. G. (2020) Tekhnologii iskusstvennogo intellekta v strategicheskoy kommunikatsii: aktual'nyye rossiyskiye realii. [Artificial intelligence technologies in strategic communication: Actual Russian realities] *Rossiyskaya shkola svyazey s obshchestvennost'yu*: 13-29. (In Russ.)

Shilina, M. G., Vartanov S. A. Doveriye kak kategoriya teorii kommunikatsii v paradigme tsifrovoy ekonomiki (k postanovke nauchnoy problemy) [Trust as a category of communication theory in the paradigm of the digital economy (to the formulation of a scientific problem)]. *Medial'manakh*. 2019 (1) 20-38. (In Russ.)

Wiesenberg, M., Tench, R. (2019) Deep strategic mediatization: Organizational leaders' knowledge and usage of social bots in an era of disinformation. *International Journal of Information Management* (in press). DOI: 10.1016/j.ijinfomgt.2019.102042

Zerfass, A., Verčič, D., Verhoeven, P., Moreno, A. & Tench, R. (2019) *European Communication Monitor 2019*. Exploring trust in the profession, transparency, artificial intelligence and new content strategies. Results of a survey in 46 countries. Brussels: EACD/EUPRERA,

Quadriga	Media	Berlin.	URL:
http://www.communicationmonitor.eu/wp-content/uploads/dlm_uploads/ECM19-Facts-1.pdf (accessed: 15.03.2023).			

© Шилина М.Г., 2023

Шилина Марина Григорьевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры рекламы, связей с общественностью и дизайна РЭУ им. Г.В. Плеханова (Москва), член-корреспондент РАЕН. 117997, Россия, Москва, Стремянный переулок, 36. (117997, Russia, Moscow, Stremyanny lane, 36). E-mail: marina.shilina@gmail.com.

Статья поступила в редакцию: 25.03.2023.

Раздел 3. ФИЛОСОФИЯ

УДК 140.8

Куракина Ольга ДаниловнаМосковский физико-технический институт (НИУ), Москва, Россия
kurakina.od@mipt.ru, AuthorID: 111857, ORCID: 0009-0005-5497-5086

РУССКИЙ КОСМИЗМ – ПОСТРОЕНИЕ ЕДИНОЙ КАРТИНЫ МИРА КАК УНИВЕРСАЛЬНОГО СИНТЕЗА НАУКИ, ФИЛОСОФИИ И РЕЛИГИИ

В статье рассматривается философия русского космизма как мировоззрение русского культурно-исторического типа, космофийный идеал, задающий культурные коды русской цивилизации. Проводится различие между интерпретацией русского космизма как социокультурного феномена и его естественно-научной разновидностью, появившейся как идейное обоснование становления космонавтики. Методология историко-системного подхода позволяет выявить актуальность широкой трактовки русского космизма для поиска единого социокультурного нарратива. Современное развитие мировоззренческой составляющей русского космизма предполагает построение целостной картины мира как синтеза науки, философии и религии. Опираясь на методологию системно-структурного анализа трудов классиков русской философии (В. С. Соловьев, П. А. Флоренский, Н. А. Бердяев и др.), выделяются онтологические и гносеологические основания целостной картины мира. Акцент делается на творчестве Н. О. Лосского, совмещающего в одном лице ученого, философа и религиозного мыслителя. Делается вывод о том, что построение единой картины мира, проводимое в рамках философского дискурса, возможно при осознании того, что парадигма русского космизма, мира как органического целого, ближе к истине, чем преобладающая до сих пор в науке утилитарно-позитивистская доктрина. В условиях современного глобального цивилизационного слома преподавание философии, в частности русской философии, соединяющей в себе современные научные представления и религиозные убеждения её творцов, становится насущной необходимостью образовательного процесса специалитета, опирающегося на традиционные ценности.

Ключевые слова: русский космизм, русская философия, картина мира, наука и религия, мировоззрение.

Куракина О. Д. Русский космизм – построение единой картины мира как универсального синтеза науки, философии и религии // Язык. Коммуникация. Общество: Электронный научный журнал. 2023. № 2 (2). С. 75-88.

Kurakina Olga DanilovnaMoscow Institute of Physics and Technology, Moscow, Russia
kurakina.od@mipt.ru, AuthorID: 111857, ORCID: 0009-0005-5497-5086

RUSSIAN COSMISM - BUILDING A SINGLE PICTURE OF THE WORLD AS A UNIVERSAL SYNTHESIS OF SCIENCE, PHILOSOPHY AND RELIGION

The article deals with the philosophy of Russian cosmism as a worldview of the Russian cultural and historical type, a cosmological ideal that sets the cultural codes of Russian civilization. A distinction is made between

the interpretation of Russian cosmism as a sociocultural phenomenon and its natural-scientific variety, which appeared as an ideological justification for the formation of astronautics. The methodology of the historical-systemic approach makes it possible to reveal the relevance of a broad interpretation of Russian cosmism in order to search for a single socio-cultural narrative. The modern development of the worldview component of Russian cosmism involves the construction of a holistic picture of the world as a synthesis of science, philosophy and religion. Based on the methodology of system-structural analysis of the works of the classics of Russian philosophy (Solovyov, Florensky, Berdyaev, etc.), ontological and epistemological foundations of a holistic picture of the world are distinguished. The emphasis is on the work of N. Lossky, who combines a scientist, philosopher and religious thinker in one person. It is concluded that the construction of a unified picture of the world, carried out within the framework of philosophical discourse, is possible with the realization that the paradigm of Russian cosmism, the world as an organic whole, is closer to the truth than the utilitarian-positivist doctrine that still prevails in science. In the conditions of the modern global civilizational breakdown, the teaching of philosophy, in particular Russian philosophy, which combines modern scientific ideas and the religious beliefs of its creators, becomes an urgent need for the educational process of a specialist based on traditional values.

Keywords: Russian cosmism, Russian philosophy, picture of the world, science and religion, worldview.

“

Kurakina O. D. Russian cosmism – building a single picture of the world as a universal synthesis of science, philosophy and religion. Language. Communication. Society: Digital scientific journal. 2023. 2 (2): 75-88.

Постановка проблемы. В борьбе за ресурсы англо-американская цивилизация, возомнившая себя единственным хозяином всего Земного шара, объявила России многоплановую, гибридную войну: диверсионно-политическую, санкционно-экономическую и деструктивно-идеологическую. Последняя касается атак на мировоззренческие устои государства, образование и воспитание гражданского общества, традиционные ценности и идеалы мироустройства. На фоне слома советского государства и обслуживающей его идеологии возник мировоззренческий хаос диаметрально противоположных влияний, изнутри разрушающих государственные структуры и отдельные социальные группы. В условиях ментальной войны с «коллективным западом» перед социумом встает задача по формированию единой системы координат, объединяющей всех членов общества в целостный государственный организм. На протяжении последних веков надежды на выполнение этой задачи обычно связывали с наукой как достоверным знанием о мире, подтверждаемым неопровержимыми научными фактами. Однако наука по мере технологического усложнения экспериментальной базы становится всё более специализированной и всё более отдаляется от решения вопроса единого концептуального описания.

Современная наука крайне дифференцирована, что до определенного времени не препятствовало развитию науки в целом, более того, способствовало прорыву в отдельных технологических областях научного знания. Однако победоносное шествие технологической цивилизации и набирающее обороты потребление невозполнимых природных ресурсов привели к всеобъемлющему, глобальному кризису (экологический,

социально-политический, экономический и т.д.), не внушающему особой надежды на быстрое его разрешение. Одной из причин такого положения дел, связанного, в частности, с наукой, является то, что наука, выступая в качестве непререкаемой истины, имеет свои границы компетенции. Глобализация превратила жизнь на Земле в единый социальный мировой организм, каждая малая частичка, или клеточка, которого связана и определяется единым целым и сама, в свою очередь, обуславливает целое, обладая соответствующей степенью свободы проявления. Хаос отдельных волевых импульсов индивидуумов и долговременных действий социальных групп разрывает единый живой организм на противоборствующие друг с другом и целым элементы, что ведет к катастрофе сознательной жизни на Земле.

Хаосу противостоит Космос, мир гармонии и порядка, который в качестве универсального символа вошел в название того нового движения в отечественной философской мысли, которое получило название «русский космизм». Главной задачей этого интеллектуального творческого потока последних десятилетий является гармонизация макрокосма русского культурно-исторического типа и микрокосма его отдельных элементов. В мировоззренческом плане эта задача может быть сформулирована как необходимость построения единой целостной картины мира, как проблема синтеза науки, философии и религии, каждая из которых задает свои обособленные образы мира, казалось бы, противоречащие друг другу. В этой связи нелишне заметить, что при всей значимости хозяйственной деятельности человека экономика не может играть главенствующую роль, как на этом настаивают идеологи современной цивилизации безудержной эксплуатации природных и человеческих ресурсов. В построении общей картины мира экономическая наука, как и любая другая специализация, также могла бы приобрести свой естественный статус целесообразной хозяйственной активности как составной части «тектологии» (А.А. Богданов) мирового целого.

История вопроса. Русский космизм – направление в русской философии, в основе которого лежит представление о мире как Космосе (от древнегреч. Κόσμος – Красота, Лад, Благо), всеобщей гармонии мироздания, в противоположность дисгармонии, хаосу. Взгляд на мир как единое гармоническое целое является нашим мировоззрением, что переводит русский космизм из разряда одного из философских направлений (очередного «-изма»), возникшего во второй половине XX века, в мировосприятие, мирозерцание национального космоса. В этом первичном, архетипическом, значении «русский космос» – это «русский мир», «русский лад» как характерное выражение для обозначения культурного уклада всей жизни русского народа. Русский космизм относится к предельно широкому понятию, совпадающему с понятием русская культура, культура «должного быть», взятая в её идеальном, проективном, значении. В этом смысле русский космизм – это космософийный идеал, национальный проект обустройства тварного мира, который на протяжении тысячелетий созидал и продолжает созидать

неповторимый Русский мир. Отсюда идет и понятие «русский космизм» как характеристика миропереживания, мирозерцания, миропонимания русского народа.

Русский космос – это русский мир, миропорядок, стиль жизни и, наконец, русская культура, укорененная в православном «культе». Русский космос – это русская культура в её идеальной космософийной заданности, проявленная в православном культе, в ландшафтном дизайне православных обителей, в архитектуре, живописи, музыке, литературе, философии и народном быте. Русский космос – это русский мир, в котором и которым живет русский человек на всем протяжении существования русского народа. В этом значении можно говорить и об особом индийском космосе, китайском и любом другом этнокультурном мире. В ходе тысячелетий своего исторического развития русский космос претерпевал изменения, которые отразились в смене мировоззренческих ориентиров.

В наше время русский космизм как органическое мировоззрение русской нации представляет собой сложный сплав исторически проявленных форм русского космизма: пантеистического, православного, философского, проективного, естественнонаучного. Этот сплав – от общеславянского поклонения матушке-Земле, чудной красоте природы, до программ освоения внеземного пространства (или, по-русски, «космоса») – становится предметом либо философского исследования, либо научного проекта, либо находит выражение в произведениях искусства: музыке, живописи, архитектуре, поэзии, литературе и кинематографе. Центром этого сплава, задающего вертикальную составляющую русского космизма, является традиционная вера русского народа – православие. Православие как учение о высших ценностях выстраивает многообразные проявления русского космизма в единое иерархически организованное целое, указывая каждому из них свое место и предназначение в идеальном образе «Святой Руси».

Русский космизм как космософийный идеал близок по своей сути к «русской идее», идеологии Русского мира, которая в условиях современного мирового цивилизационного слома становится всё более востребованной и, соответственно, обсуждаемой на различных площадках философского дискурса вплоть до парламентских слушаний. Размышляя об «идеальном принципе», лежащем в основе космоса национального бытия, идеолог целостного миропредставления всеединства В. С. Соловьев, определяет идею нации не тем, «что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности» [Соловьев, 1992: 187]. Перефразируя Соловьева, русская идея – это замысел Бога о русском человеке, воплотившийся в идеальном космосе русского народа, сплотившего на космософийных основаниях из многообразного полиэтнического мира России соборное единство русской нации.

Можно, конечно, исключить из построения единой картины мира религиозно-идеологический контекст и ограничить исконное понятие космоса как прекрасной гармонии мироздания лишь «космическим пространством» за пределами земной

атмосферы. В этом случае мы придем к ограниченной, узкой трактовке русского космизма лишь в свете интеллектуальных дискуссий вокруг единства и взаимосвязи «земных и космических» процессов. Такая трактовка явилась скорее следствием тотальных запретов советского периода российской государственности, построенных на господстве материалистической идеологии, в недрах которой попытались ввести в широкий научный обиход русскую философию.

Первые шаги в этом направлении были предприняты в начале семидесятых годов на научно-технических чтениях в Калуге, посвященных памяти К. Э. Циолковского, в рамках дискуссии вокруг его «космической философии», результатом которой стала знаковая статья Н. К. Гаврюшина «Из истории русского космизма» [Гаврюшин, 1972]. В связи с необходимостью идеологического обоснования «выхода человека в космос» начинают появляться отдельные публикации, посвященные в основном творчеству К. Э. Циолковского, В. И. Вернадского и Н. Ф. Федорова, воспринимаемые как первые бреши в официальной атеистической идеологии. К числу советских философов и ученых, внесших определенный вклад в становление русского космизма как идеологии выхода человека в космос – освоения космического пространства за пределами земной атмосферы, – можно назвать такие имена: Н. К. Гаврюшин, Ф. И. Гиренок, А. В. Гулыга, Н. Н. Моисеев, А. П. Огурцов, С. Г. Семенова и др., без участия которых прорыв в государственной идеологии запрета произведений русских религиозных мыслителей вряд ли был возможен.

Противостояние России и Запада, оформленное в то время как противоборство двух идеологических систем, «социализма» (Русский мир) и «капитализма» (Европейский и Северо-Американский мир), привело к развитию в военно-оборонительных целях ракетных технологий и, как следствие, вывод на орбиту Земли в межпланетное пространство ракет с человеком на борту. По случайному терминологическому совпадению в основном на русском языке, освоение межпланетного пространства стали обозначать как «выход человека в космос», а пилотов ракетных аппаратов, в отличие от принятых в англоязычных странах термина «астронавт», стали называть «космонавтами». Прорыв идеологического запрета на русскую философию под прикрытием русского космизма, космической философии межпланетных полетов, у которой можно найти массу предшественников в русской культуре, был на первых порах весьма положительным явлением, который со временем должен быть преодолен раскрытием всего многообразия русского космизма как мировоззрения Русского мира, Русского космоса.

В наше время, по словам С. С. Хоружего «после перерыва», когда русская философия, в своей самобытности по преимуществу «религиозная», стала предметом изучения, преподавания и развития, русский космизм получил широкое философское обоснование, опираясь в том числе и на философию русского зарубежья. Начало этого процесса относится к 1988 году, когда русская Православная церковь проводила различные

мероприятия, связанные с празднованием тысячелетия Крещения Руси, и именно с этого момента начался перелом не только в отношениях между государством и Церковью, но и между господствующей во всем идеологии атеизма и традиционной православной культурой, до этого выжигаемой огнем и мечом на протяжении всего советского периода. Становление русского космизма как мировоззрения русского культурно-исторического типа связано с широкой трактовкой этого социокультурного феномена, выходящей за пределы технократического определения. К этому времени относятся многочисленные конференции, посвященные космологической проблематике самобытной русской философии, первые монографии и диссертации с преобладанием широкой трактовки русского космизма (В. Н. Дуденков, В. Н. Дёмин и В. П. Селезнев). В своей монографии и первой докторской диссертации по русскому космизму (1994) автор также попытался в развернутом изложении дать подробный анализ традиции осознания самобытных начал национального космоса [Куракина, 1993].

С началом третьего тысячелетия все сомнения о том, «а был ли русский космизм», снялись сами собой: число публикаций по русскому космизму исчисляется четырехзначной цифрой, тематика русского космизма вошла в образовательные программы вузов, возобновились после некоторого затишья соответствующие научные конференции. Растущий интерес в среде специалистов самого различного профиля к обсуждению вопросов, выходящих за пределы «социологического» в «космическую ширь» [Бердяев, 1997], привел к возникновению ряда направлений в рамках широкой трактовки русского космизма. Своеобразным «мозговым штурмом» стало проведение международных научно-практических конференций с последующей публикацией материалов научных дискуссий не только в столицах Москве и Санкт-Петербурге, но и по всей губернской России (Орёл, Екатеринбург, Иваново, Королев и др.).

Каждое из этих направлений представляет из себя своеобразную школу, объединяющую многочисленных энтузиастов, сосредоточенных на проблематике, совпадающей с выделением в русском космизме пантеистического, религиозно-философского, естественнонаучного, технологического, проективного, эстетического компонента целостного мировосприятия. Каждое направление базируется на своей интерпретации единого феномена, из которой предлагает и соответствующее определение, ставя во главу тех или иных мыслителей, ученых, поэтов или художников как его характерных представителей. Особую популярность приобрело направление, растиражированное на просторах интернета, восходящее к тем первым прорывным попыткам выйти из-под пресса государственной идеологии диамата обращением к «родоначальнику космонавтики» в лице Н. Ф. Федорову. Наряду с философским оправданием развития космонавтики, параллельно с началом перестройки, стала активно развиваться более всеохватная трактовка русского космизма как социокультурного феномена, нашедшая своих последователей на всесоюзных конференциях, проводимых как в рамках академической

науки (ИФ АН, ИИЕТ АН), так и в вузовских чтениях, например, во флагмане российской науки МФТИ [Русский космизм, 1989].

Главным отличием этой трактовки явилось то, что мир рассматривался как космос, онтологическими основаниями которого является принцип «всеединства и иерархического строения бытия», постижение которого возможно на путях обретения «цельного знания», нашедших всестороннюю проработку в трудах мыслителей русской религиозной философии. На современном этапе возникает проблема соотнесенности живого гармоничного мироздания с естественно-научными представлениями, которые продолжают, как и во времена классиков русской философии, базироваться по преимуществу на механико-материалистической парадигме. В то же время развитие «наук о жизни» приводит к пересмотру устоявшихся доктринальных материалистических предпочтений, который должен привести к целостной органической картине мира. Всякий переход от творчества отдельных мыслителей, у которых можно найти космические мотивы, к обсуждению общих принципов, лежащих в основании отечественного самосознания Русского мира, приводит к широкой трактовке русского космизма. Примером таких научных разработок последнего десятилетия являются ежегодные международные конференции «Космизм и органицизм: эволюция и актуальность», проводимых энтузиастами кафедры философии СПбГЭУ [Маслобоева (ред), Сафонов (ред), 2021].

Русский космизм, воспринявший проблему построения «цельного знания о цельном мире», поставленную ранними славянофилами, во второй половине двадцатого века стал своего рода прикрытием продолжения первоначальных гносеологических исканий в то переходное время, когда русская философия всё ещё продолжала оставаться под идеологическим запретом. В наши дни может показаться, что поиски целостной картины мира как синтеза науки, философии и религии могут обойтись без отсылки к русскому космизму, однако полное овладение творческим наследием русской философии и философии русского Зарубежья ещё продолжается, а парадигмальные противоречия между наукой и религией не вызывают в обществе соответствующего диссонанса. Тем более что построение целостной картины мира всегда будет оставаться выходящей за пределы специальных исследований философского характера в область «живознания», «соборного творчества» непосредственного умозрения в слове, символе, образе или модели. Более того наука XXI века существенно отличается от науки, с которой пытались соотносить свои онто-гносеологические построения классики русской философии, и прежние пути разрешения проблемы не подходят для наших дней. В то же время цивилизационный слом и глобальный кризис не дает нам права уходить от этой проблемы, полагая, что время поставит всё на свои места, ибо и «времени может больше не быть».

Построение целостной картины мира опирается на онто-гносеологические основания русского космизма, которые впервые были сформулированы в дискуссиях ранних

славянофилов как «принцип цельности» - единство всех духовных сил «в живом и цельном зрении ума», - вытекающий из святоотеческого учения о человеке [Лосский, 1991: 17]. В соответствии с этой традицией человек рассматривается не только как данность, но и как заданность, т.е. не только в его нынешнем состоянии раздробленного бытия натурального человека, но и по отношению к его целостному догреховному райскому состоянию, достижение которого в Преображении составляет смысл истории. Развитием этого подхода стал принцип «соборности» у А. С. Хомякова, «цельное знание» В.С. Соловьева, «цельное мировоззрение» П. А. Флоренского, «интуитивистский идеал-реализм» Н. О. Лосского.

Укорененный в тысячелетней христианской культуре, русский космизм восходит к Никейскому символу веры, осмысленному Соловьевым в философии всеединства в онтологии как «положительное всеединство» (свободное объединение в Абсолюте всех оживотворенных элементов бытия как Божественный первообраз и искомое состояние мира) и в гносеологии как «цельное знание» (интуитивное образно–символическое постижение мира, основанное на нравственном усилии личности – «познании через веру»). «Оправдать веру отцов наших, возведя ее на новую ступень разумного сознания», показать, как эта «древняя вера» совпадает с «вечной и вселенской истиной»: так ставит проблему «цельного знания» В. С. Соловьев в работе «История и будущность теократии» [Соловьев, 1914: 243]. Так её ставят и последователи, и предшественники софиологии, философии софиокосмизма. Вслед за Соловьевым основной чертой мировосприятия П. А. Флоренского – священника и богослова, философа и историка, математика и физика, филолога и искусствоведа – становится чувство космической целостности, одушевленности и взаимной сопряженности всех частей мира. Павел Флоренский видит свою задачу в «проложении путей» к будущему «цельному мировоззрению», осуществление которой он связывает с созданием системы «конкретной метафизики». Цельную картину мира он строит, исходя из соответствия и взаимного просвечивания разных слоев бытия: каждый слой узнает себя в другом, находит родственное основание. Этим определилась структура всего творчества Флоренского как единого синтезирующего труда, охватывающего все более широкие области самых разнообразных конкретных наук. Таково основное произведение философа «Столп и утверждение Истины», состоящее из писем богослова, дополнений к ним философа, примечаний и примечаний к примечаниям [Флоренский, 1990]. А также не вместившееся в объем одной книги великое множество статей специалиста в конкретных областях, служащих как бы комментариями к единой основе, которая должна была бы быть вновь реализована в обобщающем все предыдущие исследования труде «У водоразделов мысли. Черты конкретной метафизики». Однако планам Флоренского не суждено было исполниться ввиду резкого отхода общественного развития от духовных традиций

отечественной культуры, и мы спустя столетие как бы заново начинаем тот путь, по которому шло развитие русского космизма.

Результаты исследования. В основу современной единой картины мира может быть положен «органический идеал-реализм» Н. О. Лосского, ученого (он учился на физико-математическом факультете), философа, прошедшего школу классической европейской философии (Г. Лейбниц, И. Кант, А. А. Козлов) на историко-филологическом факультете СПбУ, и православного мыслителя, разделившего участь и этико-религиозную тематику изгнанников «Философского парохода». Пройдя весь путь от непосредственной детской религиозности через увлечение материализмом и атеизмом в юношеские годы к осознанному религиозному органическому мировоззрению, Лосский совместил в своем житетворчестве тот искомый синтез научных, философских и религиозных представлений, который стал неотложной проблемой наших дней.

Итак, точкой отсчета в построении картины мира русского космизма является органическое миропонимание Лосского, живая Вселенная, размышление о целостности которой приводит его к логической необходимости введения в свои построения «Начала, служащего источником мировой множественности», и являющегося во всех отношениях самостоятельным, которое лишь одно «может быть обозначено словом Абсолют» [Лосский, 1991b: 385]. Мир для Лосского предстает как единство реального бытия – пространственно-временной материальности и временной психической данности – и идеального бытия – сверхпространственного и сверхвременного. Идеальное бытие, лежащее в основе реального, разделяется на отвлеченно-идеальную формообразуемость (примерами которой являются универсалии, абстрактные идеи, математические формы, и т.д.) и конкретно-идеальную субстанциальность. Конкретно-идеальное бытие, являясь субстанцией, предельным основанием, носителем, источником и причиной реальных пространственно-временных процессов, имеет характер деятельного начала и предстает как система субстанциальных деятелей, образующих всеединство иерархического строения бытия. Осязаемым примером субстанциального деятеля является человеческое я, сверхвременный носитель личных качеств человека, средоточие его личности. В иерархии персонифицированных индивидуальностей как вниз от человеческого я, так и вверх существует ряд ступеней организованности, где человеческие я образуют органическое единство народа, нации, государства, человечества и т.д. вплоть до единства вселенной. Идеалом, в котором и заключается цель и смысл мирового процесса, является достижение «совершенной полноты бытия», осуществление которой для субстанциальных деятелей возможно только «на основе совершенной любви их к Богу и друг другу, создающей конкретное единосущие их, Царство Божие» [Лосский, 2017: 224].

Казалось бы, такая картина мира приходит в прямое противоречие с современной наукой, которую необходимо встроить в единое миропредставление. Однако подобная

постановка не является корректной, поскольку «наука», вообще говоря, не является субъектом, от имени которого можно что-либо утверждать или опровергать. Наука – это социальный институт, который представляет собой прежде всего сообщество ученых, отстаивающих различные мнения, вплоть до прямо противоположных, даже внутри одного коллектива. То, что преподносится обществу как научно доказанное, а потому истинное, является зачастую узурпированием средств массовой информации одной из научных школ. При этом современная наука вошла в жизнь каждого человека, не только в виде технических устройств, но и через средства массовой информации утверждением определенных представлений, которые делаются от имени науки, а потому не подверженных сомнению.

В основании научного знания лежит опыт, достоверность которого очевидна, однако интерпретация опыта происходит в рамках определенной теории, носящей гипотетико-дедуктивный характер, а существование на одной и той же экспериментальной базе альтернативных теорий, обладающих равной степенью доказательной достоверности, многократно усиливает гипотетический характер научного знания по мере перехода к теориям все более обобщающего уровня. Для теорий наибольшей степени обобщения принято название парадигма, которая является по сути некой концептуальной установкой, переводящей её в разряд идеологии, которую можно без всяких оговорок сравнивать с любой другой идеологической концепцией, в том числе и религиозной. Наука кончается там, где кончается эксперимент, а апелляция ко всему опыту развития науки как предпочтительному выбору истинной «научной» картины мира по сравнению с религиозной является некорректной, в силу изначальной механико-материалистической заданностью научных изысканий.

Религия в свою очередь не является неким монолитом, существуют мировые религии, внутри которых немало различных конфессий, которые могут в свою очередь давать различные интерпретации духовного мира. Поэтому о единой картине мира, в равной степени приемлемой для науки и религии, можно говорить лишь с определенной оговоркой, которая состоит в том, что сопоставление проводится в рамках христианства, точнее Православия, и современной науки, возникшей, кстати, в недрах христианской культуры Европы. Построение единой картины мира, следующее по «правильному пути», по мнению русских философов, должно быть «религиозным и христианским», так как «христианство – высшая ступень религии, когда-либо достигнутая человеком в процессе исторического развития» [Лосский, 1991а: 27].

Наука как совокупный опыт человечества не занимается построением целостной картины мира, поскольку крайне дифференцирована и имеет в каждом конкретном направлении четко ограниченный предмет исследования, за который ученый по негласному соглашению не вправе выходить. Разделение наук на естественные и гуманитарные, на физические, биологические и социальные, привело к тому, что наше знание о

мире носит дисциплинарно-фрагментарный характер и не имеет в себе единого концептуального описания. В лучшем случае говорят о сведении всей совокупности наук, согласно принципу редукционизма, ко все более элементарному уровню, на котором, быть может, удастся добиться единого описания четырех фундаментальных взаимодействий – так называемое «великое объединение» в физике микромира. Иллюзорность такого подхода для научного сообщества стала особенно очевидна после развития системного анализа больших сложных систем, когда редукционизм, как сведение законов вышележащего уровня к нижележащему, натолкнулся на принцип эмерджентности, или несводимости к нижележащему уровню, согласно которому свойства системы всегда больше суммы свойств её элементов.

Следуя заветам славянофилов, гораздо более целесообразно изменить ракурс рассмотрения и выстроить более естественную для религиозного мышления иерархию познавательного процесса, начиная с догм православия. В своей книге «Основы христианской философии» В.В. Зеньковский призывает к построению именно философии «вытекающей из веры Христовой» как систематизации основных принципов бытия. Нам остается лишь разобраться с множеством модельных представлений, которые предлагает современная наука, и выбрать из целого спектра различных гипотетических построений те научные теории, которые непротиворечивым образом могут быть включены в религиозную картину мира. Ориентирами в этом направлении могут стать прежде всего такие категориальные принципы устройства бытия, как «тварность мира», «иерархическая структура мирового целого» и «поврежденность природы – отклонения бытия от вложенной в него формы» [Зеньковский, 1992]. Для обозначения вырисовывающейся единой картины мира, в равной степени не противоречащей и религии, и современным научным тенденциям, нам представляется уместным говорить о всеединстве иерархического строения бытия как структуре соборности.

Выводы. Картина мира «органического идеал-реализма и персонализма» Лосского, предложенная последним представителем классической русской философии, воспринявшим и всеединство Соловьева, и иерархическую соподчиненность слоев бытия Флоренского, предстает перед нами своеобразным образцом, или парадигмой, отечественного мироздания, формообразующего русский космос. Парадигма русского космизма – это живое мироздание, пронизанное духом Божественного присутствия, многослойное и многомерное мироздание, один из слоев которого, заданный трехмерным пространством и однопотоковым временем, мы осознаем как Вселенную, место нашего телесного «вселения». Помещенное в результате «рождения» в рамки четырехмерного пространства-времени и животноподобной органической телесности, человеческое «я» забывает о своей духоносной сущности и ведет жизнь социальных индивидуумов, призванных для хозяйственного обустройства Вселенной. Религиозные учителя призывают погрязшее в беспамятство человечество к со-творчеству по

преображению, по приобщению Вселенной к полноте Божественного мироздания. Наука, которая желает быть истинной, должна отдавать отчет в том, что за видимостью материального устройства Вселенной просвечивает Божественное творение, которое необходимо учитывать в парадигмальных построениях современной картины мира.

Современная физика пытливого уму предоставляет множество модельных представлений, которые с успехом могут быть интерпретированы в рамках единой религиозной картины мира как физическое описание современного оплотненного, замкнувшегося в себе в результате мировой катастрофы («грехопадения») трехмерного антропного кокона. Во-первых, это «антропный принцип» в космологии, во-вторых – теория «физического вакуума» в микрофизике, в-третьих – «струнная теория» и т.д., не исключая и модели мироздания в целом: мир как живой организм, мир как многообразие волн и резонансов, мир как гигантская голограмма, мир как структурированное энергетическое поле и тому подобное. Пересмотр оснований науки неизбежно приведет к изменениям и в образовательном процессе, на котором настаивают и наши отечественные ученые, в частности, переход науки на «новую парадигму непустого пространства заряженных материальных плотностей», и разъяснения учащимся тенденций развития полевой физики в область «унификации полевых законов, когда частицы объединяются с полями и силы тяготения с кулоновскими силами» [Булыженков, 2016: 67]. Подобный пересмотр оснований науки приведет и к возрастанию статуса дисциплины философии в системе специального образования, будь то физико-технического или экономического, поскольку только на основании истинной картины мира можно будет плодотворно заниматься, в том числе, и хозяйственной деятельностью.

Особое значение при построении единой картины мира приобретает проблема образования и воспитания носителей мировоззрения русского космизма, соединяющих в себе и ученых в данной конкретной научной области, и философов, обладающих широким органическим мировоззрением русского космизма. Преподавание философии становится узловым моментом в формировании личности гражданина на фоне ментальных войн, направленных на разрушение как целостности Русского мира, так и составляющих его народов и отдельных представителей. Надежды на узко специальное образование наталкиваются на тот факт, что наука, выступая в качестве непререкаемой истины, имеет свои границы компетенции и все общие вопросы уступает философии, которая в свою очередь ищет ответы о смысле бытия и в религии. В условиях современного глобального цивилизационного слома преподавания философия, в частности русская философия, соединяющая в себе научные представления и религиозные убеждения, становится насущной необходимостью образовательного процесса любого специалитета.

Перспективы исследования. Русский космизм, начав с идеологического оформления русского самосознания, со временем может стать национальным проектом, призванным возглавить глобальное изменение земной цивилизации на пути исполнения

предназначения Человека в мире. Перспективы дальнейшего развития русского космизма как мировоззрения Русского космоса будут связаны прежде всего с философским творчеством по выявлению наиболее характерных черт и оснований, которые будут воплощаться во все сферы жизни Русского мира, образуя космофийный идеал для всего человечества, призванного по чаяниям русских мыслителей и подвижников стать Богочеловечеством. В частности, в качестве бытийных особенностей русского мирозерцания можно указать на укорененность в Православии, онтологизм в противовес гносеологизму, идеал-реализм, соборный персонализм, общинный социализм, супраморализм. К формальным особенностям относятся следующие: мистичность и интуитивность, сверхсистемность и сверхлогичность, экзистенциальность, символичность, жизне-конкретность и публицистичность, образность и литературность. Осознание неповторимого своеобразия Русского мира как «заданность», за которым должно последовать приобщение к его космофийным идеалам как «данность», является еще одним перспективным направлением исследовательского творчества, направленного на совершенствование образовательного процесса. Каждый на своем месте, каждый в своей профессиональной деятельности, каждый в меру своих нравственно-эстетических талантов, - перед нами всеми стоит задача созидания национального космоса, который неотделим и от природного космоса Вселенной, и от Божественного космоса мироздания в целом. В культурософском плане развития русского космизма остается еще непочатый край освоения классического наследия русской философии и индивидуального философского творчества на уровне высших образцов религиозно-нравственного мирозерцания отечественных мыслителей, поэтов, музыкантов и художников.

Заключение. Проблема построения единой картины мира как синтеза науки, философии и религии при всей её, казалось бы, неразрешимости, может быть не только поставлена в рамках философии русского космизма, но и ведет к преобразованию самой науки за пределы узкой специализации. Наука XXI века, подойдя к пограничным областям реальности, не оставила ни одной области, где научные достижения не были бы использованы для нарушения структурной ткани феноменального бытия: от микрофизики в большом адронном коллайдере до биофизики в генно-модифицированных растениях, от социальной инженерии в изменении государственного устройства под воздействием «спонтанных» революций до освоения космического пространства, меняющего экологические условия на земле. Это возвращает нас к вопросу о трансцендентальных основаниях здешнего бытия, вынуждая нас вновь и вновь обращаться к вечно востребованным этико-философским устоям науки. На смену безответственного отношения к природному космосу, порожденному потребительским этосом, набором этических норм, науки наших дней, должен прийти «этос Антропоса», нашедшей развитие в «теономной этики» русской религиозной философии, в наши дни «развиваемой в философии русского космизма как мировоззрения Русского мира» [Kurakina, 2023].

Список источников

Бердяев Н. А. Судьба России: Космическое и социологическое мироощущение // Русская идея. Судьба России. М.: Сварог и К, 1997. С. 348–354.

Булъженков И. Э. Опыт преподавания недвальной электродинамики на пути объединения протяженного заряда с его кулоновским полем // Физическое образование в вузах. Т. 22, № 1, 2016. С. 54–69.

Гаврюшин Н. К. Из истории русского космизма // Труды V и VI чтений, посвященных разработке и развитию творчества К.Э. Циолковского. М.: ИИЕТ, 1972. С. 104–106

Зеньковский В. В. Основы христианской философии. М.: Изд-во Свято-Владим. братства, 1992. 268 с.

Куракина О. Д. Русский космизм как социокультурный феномен. М.: МФТИ, 1993. 184 с.

Лосский Н. О. История русской философии. М.: Советский писатель, 1991а. 480 с.

Лосский Н. О. Мир как органическое целое // Лосский Н.О. Избранное. М.: Правда, 1991b. С. 338–480.

Лосский Н. О. Философия и публицистика. М: Викмо-М, 2017. 312 с.

Космизм и органицизм: эволюция и актуальность: материалы VIII Международной научной конференции. Санкт-Петербург, 19–20 ноября 2020 г. / под ред. О. Д. Маслобоевой, И. А. Сафронова. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2021. 224 с.

Русский космизм и Ноосфера. Тезисы докладов всесоюзной конференции. Москва, 1989. В 2 ч. / Ред.-сост. О. Д. Куракина. М.: МФТИ, 1989. Ч. 1. 232 с.

Соловьев В. С. Русская идея // Русская идея. М.: Республика, 1992. С. 186–204.

Соловьев В. С. История и будущее теократии // Собр. соч. 2-е изд. Т.4. СПб., 1914. С. 243–639.

Флоренский П. А. Столп и утверждение истины // П.А. Флоренский. М.: Правда, 1990. 490 с.

Kurakina O. D. The ethics of Enlightenment in the foundations of modern science // SHS Web Conf. /12th Kant-Readings Conference. Volume 161, 07005. 2023.

References

Berdyayev, N. A. (1997) Sud'ba Rossii: Kosmicheskoye i sotsiologicheskoye mirooshchushcheniye [The fate of Russia: Cosmic and sociological attitude]. Russkaya ideya. Sud'ba Rossii. Moscow: Svarog i K: 348–354. (In Russ.)

Bulyzhenkov, I. E. (2016) Opyt prepodavaniya nedual'noy elektrodinamiki na puti ob'yedineniya protyazhennogo zaryada s yego kulonovskim polem [Experience in teaching non-dual electrodynamics on the way of combining an extended charge with its Coulomb field [Experience in teaching non-dual electrodynamics on the way of combining an extended charge with its Coulomb field]. Fizicheskoye obrazovaniye v vuzakh. 22 (1): 54–69. (In Russ.)

Florenskiy, P. A. (1990) Stolp i utverzheniye istiny [Pillar and ground of truth]. P. A. Florenskiy. M.: Pravda: 490 p. (In Russ.)

Gavryushin, N. K. (1972) Iz istorii russkogo kosmizma [From the history of Russian cosmism] // Trudy V i VI chteniy, posvyashchennykh razrabotke i razvitiyu tvorchestva K. E. Tsiolkovskogo. Moscow: IYET: 104–106. (In Russ.)

Kosmizm i organitsizm: evolyutsiya i aktual'nost' (2021) [Cosmism and Organicism: Evolution and Relevance]: materialy VIII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Sankt-Peterburg, 2020. / pod red. O. D. Masloboeyovoy, I.A. Safronova. Saint Petersburg.: Izdl-vo SBG·EU: 224. (In Russ.)

Kurakina, O. D. (1993) Russkiy kosmizm kak sotsiokul'turnyy fenomen [Russian cosmism as a sociocultural phenomenon]. Moscow: MPTI: 184. (In Russ.)

Kurakina, O. D. (2023) The ethics of Enlightenment in the foundations of modern science. SHS Web Conf. /12th Kant-Readings Conference. Volume 161, 07005.

Losskiy, N. O. (1991a) Istoriya russkoy filosofii [History of Russian Philosophy]. Moscow: Sovetskiy pisatel': 480. (In Russ.)

Losskiy, N. O. (1991b) Mir kak organicheskoye tselo [The world as an organic whole]. Losskiy N.O. Izbrannoye. Moscow: Pravda: 338–480. (In Russ.)

Losskiy, N. O. (2017) Filosofiya i publitsistika [Philosophy and journalism]. Moscow: Vikmo-M: 312. (In Russ.)

Russkiy kosmizm i Noosfera. (1989) [Russian cosmism and noosphere] Tezisy dokladov vsesoyuznoy konferentsii. Moskva, 1989). V 2 ch. / Red.-sost. O. D. Kurakina. Moscow: MIPT, (1): 232. (In Russ.)

Solov'yev, B. C. (1992) Russkaya ideya [Russian idea]. Russkaya ideya. Moscow: Respublika: 186–204. (In Russ.)

Solov'yev, B. C. (1914) Istoriya i budushchnost' teokratii [History and future of theocracy]. Sobr. soch. 2-e izd. (4). Saint Petersburg.: 243–639. (In Russ.)

Zen'kovskiy, V. V. (1992) Osnovy khristianskoy filosofii undamentals of Christian Philosophy [Fundamentals of Christian Philosophy]. M.: Izd-vo Svyato-Vladim. Bratstva: 268 (In Russ.)

© Куракина О.Д., 2023

Куракина Ольга Даниловна – доктор философских наук, профессор; профессор Учебно-научного центра гуманитарных и социальных наук Московского физико-технического института (НИУ). Контактные данные: 141701, Москва, Институтский пер., д. 9, Долгопрудный (Russia, Moscow, Institutskiy per., 9, Dolgoprudny). E-mail: kurakina.od@mipt.ru.

Статья поступила в редакцию: 15.03.2023.

УДК 141.41

Хомелев Геннадий ВладимировичСанкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия
homelev@yandex.ru, AuthorID: 467319, ORCID: 0000-0002-4088-1645**АММОНИЙ САККАС: НЕРАЗГАДАННАЯ ТАЙНА УЧИТЕЛЯ
НЕОПЛАТОНИКОВ И ХРИСТИАНСКОГО БОГОСЛОВА**

В статье рассматривается проблема идейных истоков неоплатонизма, связанная с личностью малоизвестного христианского богослова, проповедника и учителя – Аммония Саккаса. Материалом для статьи являются произведения неоплатоников и, прежде всего, Плотина, который по свидетельству Порфирия, учился у Аммония Саккаса не менее одиннадцати лет, а также некоторые произведения самого Порфирия. Автор использует возможности историко-научного, философского, логического и сравнительного лингвистического методов анализа текстов ранних произведений Плотина в редакции Порфирия, а также метод аллегорического толкования текстов Священного Писания там, где это представляется необходимым и способствует правильному пониманию некоторых философских категорий и идей неоплатонизма, таких как Единое, Сущее, Благо (Добро), сосредоточение, мистическое созерцание, экстазис, бытие-присутствия и бытие-отсутствия, Любовь. В результате исследования автор приходит к выводу, что Аммоний Саккас, вероятно, был каким-то образом знаком с сокровенным богословием св. Дионисия Ареопагита и, скорее всего, именно его проповедовал своим ученикам. Этим объясняются имеющие место текстуальные совпадения отдельных фрагментов произведений Плотина и Дионисия Ареопагита («О божественных именах» и «О небесной иерархии»). Толкование Бога как Единого, Сущего (или Истинно Сущего) – Отца всех и единственного источника Блага и Добра обнаруживает удивительное совпадение их основного смыслового содержания у Плотина с христианской метафизикой Благой Вести. Автор полагает, что предметом дальнейшего исследования могло бы быть сравнение особенностей сокровенного богословия Дионисия Ареопагита и языческой теологии неоплатонизма.

Ключевые слова: богословие, неоплатонизм, Бог, Единое, Благо, Добро, сосредоточение, мистическое созерцание, бытие-присутствия, бытие-отсутствия, экстазис, любовь.

Хомелев Г. В. Аммоний Саккас: неразгаданная тайна учителя неоплатоников и христианского богослова // Язык. Коммуникация. Общество: Электронный научный журнал. 2023. № 2 (2). С. 89-100.

Khomelev Gennady VladimirovichSt. Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia
homelev@yandex.ru, AuthorID: 467319, ORCID: 0000-0002-4088-1645**AMMONIUS SACCAS: THE UNSOLVED MYSTERY
OF THE NEO-PLATONIC TEACHER AND CHRISTIAN THEOLOGIAN**

The article deals with the problem of the ideological origins of Neoplatonism associated with the personality of a little-known Christian theologian, preacher and teacher - Ammonius Sakkas. The material for the article is the works of Neoplatonists and, above all, Plotinus, who, according to Porphyry, studied with Ammonius Sakkas for at least eleven years, as well as some works of Porphyry himself. The author uses the possibilities of historical-scientific, philosophical, logical and comparative linguistic methods of analyzing the texts of

Plotinus' early works as edited by Porphyry, as well as the method of allegorical interpretation of the texts of Holy Scripture where it seems necessary and contributes to the correct understanding of some philosophical categories and ideas of Neoplatonism, such as the One, Being, Good (Good), concentration, mystical contemplation, ecstasy, being-presence and being-absence, love. As a result of the research, the author comes to the conclusion that Ammonius Sakkas was probably somehow familiar with the sacred theology of St. Dionysius the Areopagite and, most likely, preached it to his disciples. This explains the textual coincidences of individual fragments of the works of Plotinus and Dionysius the Areopagite ("On Divine Names" and "On the heavenly hierarchy"). The interpretation of God as One, Existing (or Truly Existing) – the Father of all and the only source of Good and Goodness reveals an amazing coincidence of their basic semantic content in Plotinus with the Christian metaphysics of the Good News. The author believes that the subject of further research could be a comparison of the features of the sacred theology of Dionysius the Areopagite and the pagan theology of Neoplatonism.

Keywords: theology, neoplatonism, God, the One, the good, the good, concentration, mystical contemplation, being-presence, being-absence, ecstasy, love.

Khomelev G. V. Ammonius Saccas: the unsolved mystery of the Neo-Platonic teacher and Christian theologian. Language. Communication. Society: Digital scientific journal. 2023. 2 (2): 89-100.

Постановка проблемы и источники. Исследование неоплатонизма, его исторических источников и теоретических предпосылок достаточно обширны. Хотя до сих пор нет полной ясности в отношении главного источника основных идей основоположника неоплатонизма Плотина и того, насколько определяющим на формирование его философского мировоззрения была знакомство с христианским проповедником и малоизвестным богословом Аммонием Саккасом, о личности которого и особенно о его философии мы сегодня знаем очень мало.

Считается, что Аммоний Саккас всего лишь соединил учение Платона и Аристотеля. Поэтому с философской точки зрения ничего иного его учение не представляет. Порфирий, ученик Плотина, почти ничего не говорит о самой философии своего учителя. Гегель упоминает Аммония Саккаса, но и он, несмотря на присущее ему стремление к основательности, ничего не сообщает о собственно философских взглядах этого христианского проповедника. Что касается сокровенного богословия Аммония Саккаса, то об этом, пожалуй, больше всего, писала Е. П. Блаватская. И именно она рассматривает Аммония Саккаса как хранителя сокровенного богословия и представляет его не как христианского учителя, а, как (соглашаясь с Порфирием) философа-богослова, отрекшегося от христианства.

Материалом для статьи являются произведения неоплатоников и, прежде всего, Плотина в редакции Порфирия.

Методология. Автор использует возможности историко-научного, философского, логического и сравнительного лингвистического методов анализа текстов ранних произведений Плотина, а также метод аллегорического толкования текстов Священного Писания там, где это представляется необходимым и способствует правильному

пониманию некоторых философских категорий и идей неоплатонизма, таких как Единое, Сущее, Благо (Добро), бытие-присутствия и бытие-отсутствия, Любовь, сосредоточение, мистическое созерцание.

История вопроса и обсуждение. Начнем с главного. Что мы знаем сегодня о личности Саккаса? И каковым могло быть его отношение к христианству вообще и христианскому богословию в особенности?

Аммония Саккаса (Ἀμμώνιος Σακκάς, лат. Ammonius Saccas; 175–242,) чаще всего представляют как древнегреческого философа, жившего в Римском Египте, в Александрии. Философы александрийской школы Гиерокл (IV в. н. э.) и Немезий (IV – нач. V в.) указывают на Аммония Саккаса как на философа, согласовавшего в своем учении идеи Платона о нематериальности души и учении Аристотеля об уме как последней Причине и Перводвигателе всего сущего. Однако наиболее важным в этой связи и заслуживающим наибольшего внимания, на наш взгляд, является учение Аммония Саккаса о *самосозерцании*. Само понятие «самосозерцание» (в значениях – «*смотрение внутрь себя*», понимаемом как «*самососредоточение*», или даже «*созерцание Бога*» в *своей душе*) появляется впервые в истории западноевропейской философии у Оригена-христианина (ок. 185 – ок. 254)¹ и, позднее, неоплатоника Плотина (232 – 242/243), жившими примерно в одно и то же время. Сегодня о том, чему учил или что проповедовал Аммоний Саккас мы можем с большей или меньшей уверенностью судить на лишь основании того, что содержится в учениях неоплатоника Плотина и у отцов христианских церквей, именно тех, которые слушали или даже учились у него (Аммоний Саккас был знаком с отцами христианской церкви, Пантенем, Климентом Александрийским, Афинагором Афинским (Е. П. Блаватская), возможно, и с Иринеєм).

Есть ли основания считать Аммония Саккаса автором «Ареопагитик», т.е. никем иным, а именно Псевдо-Дионисием, но, разумеется, не Ареопагитом? Вероятность подобного рода существует. Первым, кто высказал предположение об идентификации Дионисия Ареопагита с Аммонием Саккасом? является Е. Elorduy (1944). Конечно, сам Аммоний Саккас не мог ничего опубликовать, поскольку брал клятву со своих учеников не разглашать услышанное ими от него «сокровенное богословие». Но, вполне вероятно, чтобы кто-то из учеников Аммония (возможно и не неоплатоник, но слушавший его) сделал подробные записи сокровенного учения этого христианского проповедника, с тем чтобы затем учить по ним других. Свидетельством чего являются явные совпадения отдельных мест произведений «Ареопагитик» с сочинениями неоплатоников

¹ «... прежде всего несомненно полезны: *духовная сосредоточенность* при молитве и представление себя, когда находишься в молитвенном состоянии». «Ибо когда душевные очи в такую высоту устремлены бывают, что уже не на земном чем-либо останавливаются и неземными образами наполняются, но в такой степени горе воспаряют, что сотворенными вещами уже совершенно пренебрегают, а единственно на созерцании Бога останавливаются и заняты бывают благоговейной и смиренной беседой с Ним...» [Ориген, 2023].

Плотина и Прокла. Но особенно интересен здесь именно Плотин, правда в редакции Порфирия². Установлено, что под именем таинственного Дионисия примерно в VI веке эти произведения получили уже достаточную огласку и привлекли пристальное внимание христианских философов и богословов.

«Единое не есть сущее, но родитель его, и это – как бы первое рождение, ибо, будучи совершенным, так как ничего не ищет, ничего не имеет и ни в чем не нуждается, Оно как бы *перелилось через край* (курсив мой – Г.Х.), и, исполненное Собою, создало иное» [Порфирий, 2017: 15-23; Плотин, 2005: 52-53].

Плотин весьма достойно передаёт богословие своего учителя Аммония Саккаса (др.-греч. Ἀμμώνιος Σακκάς, лат. *Ammonius Saccas*; 175 – 242, Александрия). Мы исходим здесь из того, что «в Риме, Плотин долгое время ничего не писал, а свои устные занятия вел на основе уроков Аммония (3, 33–34)» [Шичалин, 2008: 104-105]. Здесь нечего исправить и, пожалуй, нельзя сказать лучше: Абсолютное (Единое, Бог), обладает Совершенным Бытием, то есть то, что *вмещает в Себя всю полноту бытия*, и потому, в переизбытке Своей Полноты, может только излить Самое Себя, *родить иное* Самое Себя: Сущее в несущем, Единое во многом, Бесконечное в конечном, Вневременное во временном, Совершенное в несовершенном, Бессмертное в смертном утаить – т.е. все то, что отделившись от Него, будучи Единым с Ним, отделилось от Него и утратило свое совершенство, чтобы затем вернуться к Нему. Таков взгляд неоплатоников на Единое очень близкий христианскому вероучению.

Согласно такому пониманию, человек, если хочет быть подобным Богу, т.е. совершенным, должен стать тем, кто *ничего не имеет, и ничего не ищет* в этом мире, потому что он, как Образ и Подobie Божие, все имеет от Отца своего и, будучи преисполненным Его Любви («Бог есть любовь»), изливает Ее от полноты своей щедро, пребывая здесь как странник на чужой земле. Так и пойдем выражаемое здесь правильное понимание места человека на земле: странник не ищет большего у того, кто дал ему на время пищу и кров, по сему, как и учит нравственное богословие христианской веры, *будем довольны всем* что имеем в этом мире *малым*, как и многим [Сир.29:26]. «Великое приобретение – быть благочестивым и довольным. Ибо мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем и вынести из него. Имея пропитание и одежду, будем довольны тем. А желающие обогащаться впадают в искушение и в сеть, и во многие безрассудные

² «Если *благословенный выход во-вне* самой божественной сверхъединой Благости по причине Ее *увеличения и переполнения* (курсив наш – Г.Х.) – признак божественной делимости». Дионисий Ареопагит. «О Божественных именах» (DN) II 5:15–16. Или вот еще: «Он сверхсущественно пребывает за пределами по отношению и ко всему сущему, и к объединяющему все исхождению во-вне, и к неиссякающему излиянию Его неуменияющихся преподаваний». [Дионисий Ареопагит, 2023: 15-16]. Все это (почти с дословной точностью) находимо у Плотина в Энеадах: «Природа Блага не терпит ограниченности и замкнутости, но от переполнения выходит из своих пределов». Приводимое, по сути, скорее всего является цитатой из произведения Дионисия Ареопагита «Божественные имена». Между тем как «Ареопагитики» Дионисия относят сегодня к VI веку н.э., а произведения Плотина в редакции Порфирия к IV веку. Очень странно. Каким образом Плотин мог цитировать или дословно пересказывать то, что появилось после его смерти. Совпадения Ареопагитик находят и с сочинениями Прокла (ум. 485) (С. Лилла, И. П. Шелдон-Уильямс, Е. Корсини, А. Д. Саффре).

и вредные похоти, которые погружают людей в бедствие и пагубу; ибо корень всех зол есть сребролюбие, которому предавшись, некоторые уклонились от веры и сами себя подвергли многим скорбям. Ты же, человек Божий, убегай сего, а преуспевай в правде, благочестии, вере, любви, терпении, кротости. Подвизайся добрым подвигом веры, держись вечной жизни, к которой ты и призван, и исповедал доброе исповедание перед многими свидетелями» [Библия, 1998: 1174].

Аммоний Саккас, несомненно, был проповедником этого нравственного учения. То, что нам известно о нём, покрыто покрывалом тайны. Да и сам он не хотел, чтобы сокровенное его учения было бы легко доступно всем.

Все великое и благородное в христианском богословии, пришло к нам не от неоплатоников (как полагает Е.П. Блаватская), а, скорее всего, от Аммония Саккаса.

Однако то, что мы знаем об Аммонии Саккасе, кажется все еще недостаточно определенным. Гегель, как и многие ещё сегодня, полагают, что ношение мешков было основным занятием Аммония, так сказать источником средств к существованию. Между тем как сей загадочный Аммоний, вероятно, носил грубую одежду – мешковину. И именно поэтому получил своё прозвище Саккас от *σακκοφόρος* (одетый во вретище). Одежда – привычная для глубоко верующего человека. Со слов Блаватской Е.П., Аммоний был добрейшим человеком: «Был наделен такой исключительной, почти божественной добротой, что был назван Теодидактосом (*θεοδίδακτος*), «Богом обученный»» [Блаватская, 1994].

Разве можно в этом усомниться? Человек, любящий только самого себя, называется эгоистом. Человек, любящего других как самого себя, называется добрым. Аммоний, был не только проповедником, но и носителем той благородной и богоугодной нравственной дисциплины, духу которой учил своих учеников. Ведь он был из христианской семьи. Он сердцем принял призыв Спасителя к своим ученикам об оставлении всего, что имеешь [Библия, 1998: 985, 1038]. Сегодня большинство исследователей «склоняется к тому, что автор «Ареопагитик» был монахом сирийского происхождения». Своим суровым аскетизмом Аммоний Саккас являет нам образ жизни монаха. Это было характерно и для некоторых его учеников. Ориген, как христианин, в многом был похож на своего учителя. О нем известно, что он, как и его отец, умер мученической смертью за исповедание Христа. В своей жизни он, как христианин, довольствовался малым: спал «на голой земле, ел мало, ходил босым». По-видимому, эта святая простота и бедность, была настолько вопиющей, что «его ученики не раз выражали готовность поделиться с ним своим имуществом, но Ориген отвечал категорическим отказом». Он «подверг себя добровольному оскотлению» [Ориген, 2023: 1]. Вряд ли Ориген воспитанный в традициях александрийской школы аллегорической экзегезы, будучи сам наиболее ревностным последователем идей аллегоризма в экзегетике, «буквально восприняв слова Искупителя о скопцах»» [Ориген, 2023: 1] [Библия, 1998: 984]. Скорее

всего, причиной оскпления было желание отвести от себя распространившуюся вокруг его учительства клевету в отношении неподобающего интереса к женскому полу, поскольку у него учились и женщины.

Из всех учеников Аммония его больше всего знал Плотин, так как был в постоянном общении с ним (учился у него) одиннадцать лет, но сам Плотин так ничего и не оставил нам в память о своём учителе, о его образе жизни и качествах, характеризующих этого удивительного человека.

Исходя из того, что нам известно о личности Аммония Саккаса и его философии, можно утверждать, что он не является неоплатоником или даже основоположником неоплатонизма, скорее всего, он представитель ранней христианской философии и христианского богословия. Его учение о Боге как Едином расходится с язычеством. И, если основываться на том, как передаёт это учение его ученик Плотин, учение Аммония Саккаса содержало некое философское толкование Бога-Отца как Абсолютного, Совершенного, Единого, Творца всех, Сущего в несущем и Несущего во всем сущем. Поэтому вряд ли такой человек как Аммоний Саккас отступил от христианства, хотя то, чему он учил, было рассчитано на понимание немногих.

Говорят, он проповедовал для мудрых необходимость *мистического созерцания* (самопознания). В греческом языке это предается словом греч. *Θεωρία* имеющее основное значение «*смотрение умом*», т.е. *теоретическое* рассмотрение, понимаемое как «*умозрение*» или взгляд, не довольствующийся видимостью и потому *обращенный внутрь* предмета. В собственно религиозном смысле это, согласно преп. Исааку Сирину, – «сосредоточение души на над-умных тайнах», т.е. *буквально* – рассмотрение или, точнее, *созерцание* того, что *выше* человеческого ума [Исаак Сирский, 2009: 335, 339], когда человеком движет желание «увидеть» *невидимое*, некие «дальние края», находящиеся за пределом возможного для обычного зрения. «В философии Святых Отцов слово «созерцание» – *θεωρία* – имеет онтологический и гносеологический смысл. Оно означает: молитвенно-благодатное сосредоточение души на надумных тайнах, которыми изобилует не только Троическое Божество, но и сама человеческая личность, как и сущность Богом созданной твари». [Преподобный Иустин (Попович), 2003: 36]. Еще и сегодня *наука*, и особенно научная *теория*, понимается как *способ «видения»*, т.е. *теоретического* рассмотрения и выражения *невидимого*.

В христианском понимании подобное смотрение чаще всего понимается как Откровение Бога человеку (экстазис у неоплатоников), когда душа озаряется Божественным Светом. При этом сама душа должна быть чистой, *отрешенной от плотских привязанностей и страстей*³, ибо только «чистые сердцем» Бога узрят [Библия, 1998: 969-

³ «И если ты, мой возлюбленный Тимофей, ревностно стремишься приобщиться к созерцанию мистических видений, то устранись от деятельности и чувств своих, и разума, и от всего чувственно воспринимаемого, и от всего умопостигаемого, и от всего сущего, и от всего не сущего, ... поскольку только будучи свободным и независимым от всего, только

970]. Вот правило, выраженное прикровенно в ответе Бога своему избраннику Моисею: «лица Моего не можно тебе увидеть, потому что человек не может увидеть Меня и остаться в живых» [Библия, 1998: 84-85], т.е. когда плотью умрете, но все еще живы, тогда увидите Отца всех. Плоть и все плотское делают невозможным исполнение желаемого человеком – увидеть славу Божью, о чем просил Его Моисей и о чем ему было ясно сказано.

Умерщвление плоти Христа ради и смирение – условие общения с Богом [Библия, 1998: 945, 947, 950-951], чтобы быть услышанным и приобрести Его благоволение. Поэтому пост – важнейший элемент христианской культуры и нравственной дисциплины служения Богу. Он же – предварение покаянной молитвы перед причащением святых тайн Христовых, чтобы живу быть. «Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день» [Библия, 1998: 1054]. Св. Апостол Павел говорит о себе: «...усмиряю и порабощаю тело мое, дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным» [Библия, 1998: 1137] «... ибо я научился быть довольным тем, что у меня есть. Умею жить и в скудости, умею жить и в изобилии; научился всему и во всем, насыщаться и терпеть голод, быть и в обилии, и в недостатке. Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе» [Библия, 1998: 1162-1163]. Святой апостол Павел в молитвенном стоянии пред Богом достиг той степени совершенной чистоты, когда он, с его слов, был *восхищен* до третьего Неба [Библия, 1998: 1150].

Согласно христианским представлениям, смерть *для плоти* и есть *рождение для Бога*. И именно такой смерти Бог хочет от человека. Самое простое правило духовной традиции православия – позволить душе нашей «умирать для плоти» особенно во дни поста. С этой точки зрения аскетизм и аскетическая практика, или то, что в Священное Писание называет «умерщвлением плоти», – условие Богообщения. Сокровенное, божественные тайны или то, что означает «зреть Лице Господа» – это то, чего достойны избранные.

По-видимому, Аммоний учил, как от широты внешнего отступить внутрь самого себя, ибо Царствие Божие «внутри вас есть» [Библия, 1998: 1037]. Это же, понятое должным образом, есть движение от видимого, в глубину невидимого. Ветхозаветная онтология и метафизика Благовестия располагают к подобному рассмотрению, которое возвещает: «видимое временно, а невидимое вечно» [Библия, 1998: 1145], «из невидимого произошло видимое» [Библия, 1998: 1186].

Если для созерцания внешнего (видимого) не требуется усилий, то созерцание, направленное *внутрь самого себя* (так называемая медитация), требует *отрешения от внешнего* и особой *дисциплины внимания*, обращённого исключительно в глубину

совершенно отказавшись и от себя самого, и от всего сущего, то есть все отстранив и от всего освободившись (курсив наш – Г.Х.), ты сможешь воспарить к сверхъестественному сиянию Божественного Мрака» [Дионисий Ареопагит. 2023: 1].

внутреннего. Некоторые святые отцы называют такое смотрение именно *сосредоточением*, в котором *все внешнее* должно быть отринуто и тогда душа молящегося будет пребывать в молитвенном стоянии, которую Исаак Сирий (как и неоплатоники) назвал «экстазом, или восхищением» [См.: Святитель Феофан Затворник, 1994: 240-241; Святитель Феофан Затворник, 2003: 245-247].

Вот, что говорит Плотин (ученик Аммония Саккаса) в переложении Порфирия:

«... когда душа чиста, она соединяется со своим Родителем, и ее добродетель после ее обращения состоит в знании и ведении Сущего; не потому, чтобы она не имела его сама по себе, но потому, что без того, кто прежде нее (то есть без Сущего или Ума; здесь, как и в издании Плотина, первую Ипостась мы будем обозначать с прописной буквы и в именах, и в местоимениях, а вторую и третью Ипостаси – только в именах. [Порфирий, 2017: 11]), она Его (то есть Благо [Порфирий, 2017: 11]) не увидит» [Порфирий, 2017: 15-23]. Поэтому Ум есть Единое во многом, как Сущее в не-сущем. Лишь глядя на себя ты присутствуешь (существуешь). Так что когда ты смотришь на другого, ты отсутствуешь (для себя), когда, глядя на другое, зришь в нем самого себя, ты, отсутствуя (для себя), присутствуешь (в ином самом себя).

«Итак, оставь не-сущее, и ты вполне насытишься собой; [поступивший так] возвращается к себе, отвергая все унижающее и делающее ничтожным; <...> когда же некто стоит в себе как присутствующий в присутствующем, тогда он присутствует также и в Сущем [т.е. в Боге – Г.Х.], которое есть повсюду; когда же ты отступаешь от себя [*Божественного, созданного по образ и подобию Божьему* – Г.Х.], ты отступаешь и от Него [*от Истинно Сущего, от Бога* – Г.Х.]. Вот как важно для человека пребывать в том, что присутствует в нем, и быть вне того, что вовне. <...> Чтобы быть вместе с Сущим, не отходи от себя. Ты сам не присутствуешь в себе, хотя и присутствуешь, ты сам – [одновременно] присутствующий и отсутствующий, а отсутствуешь ты тогда, когда взираешь не на себя [*божественного* – Г.Х.], а на другое» <...> «Так что тебе, вообще говоря, возможно знать, что присутствует и что отсутствует в Сущем [*в Боге* – Г.Х.], которое присутствует везде и, опять же, нигде. <...> Для всех же тех, кто уходит от самих себя к иным вещам, Сущее отсутствует, поскольку они сами отсутствуют для себя [*божественного* – Г.Х.]. <...> И значит, верно было сказано, что человек на земле пребывает в темнице, как совершивший побег [с небес]. <...> он пытается разорвать свои оковы; поскольку, будучи обращен к вещам дольным, он оставляет себя божественного...» [Порфирий, 2017: 43-45]. Эти рассуждения лишь по видимости платонизм. Но более всего они напоминают нам христианское богословие о Боге-Отце (Едином-Сущем) и о человеке, который присутствуя в Сущем, уходит от Него. Отдаляясь же от Сущего (Единого, Бога), он, тем самым, склоняется к не-сущему, уходит от самого себя. В силу чего Сущее (Единое, Бог) отсутствует для него. Так что только любовь к Богу и божественному в самом себе может возвратить утрачиваемое [Порфирий, 2017: 43-45].

При жизни своего учителя (Плотина) Порфирий, вряд ли написал, что-либо против христиан, как и многие из своих работ, поскольку в философском отношении он во многом заметно уступал своему учителю и зависел от него. Даже тогда, когда он излагает нечто от себя, то выступает чаще всего лишь как комментатор учения своего учителя (Плотина), сопровождая «своё» пространными цитатами из Эннеад. Плотин не позволил бы ему оскорбительной критики в адрес христианского вероучения тем более критики своего учителя Аммония Саккаса.

Сокровенное Богословие Дионисия Ареопагита и неоплатонизма существенно различаются: богословие Дионисия Ареопагита исходит из того, что делать непозволительно в богословии: непозволительно «... ни соединенное разделять..., ни разделенное сливать...», в силу чего «присутствие и пребывание начальных ипостасей (т.е. Бог Отец, Бог Сын и Бог Дух Святой – Г. Х.), ... друг в друге, *полностью* сверхобъединенное, но *ни единой частью не слитное*...» [Дионисий Ареопагит, 2023: 1]. Тогда как в неоплатонизме соединенное не просто разделяют, но и *обособляют*, а не *слитное сливают* друг с другом. Именно это составляет главную особенность неоплатонизма. В неоплатоническом богословии по существу *нет трех ипостасей*, здесь три бога (Единое или Благо, Ум, и Вселенская Душа) причем последние «ипостаси» (Ум и Вселенская Душа) *сами от себя* порождают иных богов. Таким образом, в богословии неоплатонизма проглядывает не что иное как языческое многобожие во всей своей неприглядности, богословской бестолковости.

В учении Аммония Саккаса было то, что он запрещал разглашать своим ученикам. Некое сокровенное богословие его учения (Е. П. Блаватская). Это очень похоже на правду. Ибо если учение не является сокровенным, тогда зачем было брать клятву о неразглашении? Что представляет собой это учение, каково оно и у кого было взято Аммонием мы не знаем. Плотин, в переложении Порфирия, ссылается более всего на Платона и Аристотеля. Для него и Порфирия это, неоспориваемые авторитеты, как и для всех неоплатоников. Таков же и Прокл. Неужели Аммоний Саккас в изложении своего учения следовал Платону? Что же есть тайного или сокровенного у Платона? Ничего. Только в учении Христа было нечто, что возвещалось лишь избранным в меру их способности вместить (понять и принять): «И, приступив, ученики сказали Ему: для чего притчами говоришь им? Он сказал им в ответ: для того, что вам дано знать тайны Царствия Небесного, а им не дано, ибо кто имеет, тому дано будет и приумножится, а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет; потому говорю им притчами, что они видя не видят, и слыша не слышат, и не понимают...» [Библия, 1998: 978]. «Еще многое имею сказать вам; но вы теперь не можете вместить. Когда же придет Он, Дух истины, то наставит вас на всякую истину...» [Библия, 1998: 1065].

Все же христианские мотивы присутствуют в рассуждениях неоплатоников (особенно у Плотина), но какие-либо ссылки на христианские источники отсутствуют. В основном это ссылки на Платона, Аристотеля и стоиков.

В этом отношении представляют интерес характерные фрагменты из «Эннеад» Плотина (Трактат I.7. О первом Благе и иных благах):

«Но если жизнь и душа существуют после смерти, то *смерть есть, пожалуй, и благо, – в той мере, в которой душе действовать лучше, когда она лишена тела*». «Должно сказать, что *жизнь в теле сама по себе есть зло*, что лишь благодаря добродетели душа возникает в Благе, не благодаря жизни составленного (с телом – Г.Х.), но благодаря отделению себя уже сейчас» [Плотин, 2004: 261-262].

Сопоставим со словами св. апостола Павла: «Ибо знаю, что не живет во мне, то есть в плоти моей, доброе; потому что желание добра есть во мне, но чтобы сделать оное, того не нахожу» [Библия, 1998: 1123]. «Итак тот же самый я умом моим служу закону Божию, а плотию закону греха» [Библия, 1998: 1123].

Итак, Аммоний Саккас, скорее всего, не имеет ничего общего с неоплатонизмом, так же, как и неоплатонизм, не имеет ничего общего с сокровенным христианским богословием в том виде в каком мы находим это в Евангелиях или, в особенности, у Псевдо-Дионисия.

Все же неясно? почему Аммоний Саккас брал клятву о неразглашении своего учения. И была ли эта клятва. Ведь клятва – требование весьма серьезное, хотя и вряд ли исполнимое. Ведь школа Аммония не имела формы закрытого (только для избранных) сообщества, как это представляет Е.П. Блаватская.

Какими соображениями это могло быть продиктовано? Многие из учеников Аммония были слишком увлечены Платоном. Другое дело Ориген. Он для своего возраста был уже достаточно образован и как христианин вполне самодостаточен, чтобы учиться еще и у Аммония Саккаса. Поэтому требование «неразглашения», скорее всего, было продиктовано недоверием к своим ученикам: в том, что они, будучи не способны к правильному пониманию и истолкованию его учения в должном согласии с христианским вероучением, возьмутся распространять его всем и вся. Впрочем, клятве верен оказался лишь Плотин, поскольку сам он ничего своего не опубликовал. Эннеады, которые открывают нам суть учения Аммония, – это пересказ или, скорее, комментарий собранных Порфирием и им же отредактированных рукописей Плотина, сохранившимся после его смерти. Но где сейчас эти рукописи, существовали ли они вообще? Нам это неизвестно.

Так был ли Аммоний Саккас христианином? Исходя из изложенного выше, мы в этом не сомневаемся. Он не отрёкся от христианства. Тот, кто называет Бога «Отцем», не может быть только философом, так говорит христианин, верующий в Единого Бога-Отца, Создателя всех.

Неразглашение истины из соображений иного рода позволяет сделать Е. П. Блаватской из Аммония Саккаса теософа. Блаватская и те, кто считают, что Аммоний отрёкся от христианства, напрасно доверяют Порфирию, который никогда не общался с Аммонием Саккасом. Здесь можно доверять только Плотину. Но сам Плотин об этом умалчал. Жаль, что такие люди как Аммосий Саккас, уходят, ничего не оставив о себе, и как хорошо, что они именно так уходят.

Результаты обсуждения и выводы. Перспективы исследования. Каковы главные результаты обсуждения и выводы?

Во-первых, учение Аммония Саккаса, скорее всего, не имеет ничего общего с неоплатонизмом, также, как и неоплатонизм по существу не имеет ничего общего с сокровенным христианским богословием в том виде в каком мы находим это, например, у Псевдо-Дионисия. Но это требует дальнейшего более глубокого исследования и представляет собой некоторую перспективу в решении главной проблемы, ключ к которой – сама личность Аммония Саккаса, поскольку каких-либо иных свидетельств (философских произведений Саккаса) мы не имеем. Немаловажным источником являются ранние произведения Плотина, поскольку он не менее одиннадцати лет учился у Аммония Саккаса.

Во-вторых, сокровенное (таинственное) богословие святого Дионисия Ареопагита скорее всего появились *раньше того времени, которое полагается сегодня большинством исследователей*. Но сначала оно не было широко оглашаемым и поэтому известно было немногим. Аммоний Саккас, вероятно, был каким-то образом знаком с ним и (на условиях хранения сокровенного) излагал его своим ученикам.

В-третьих, приписывание авторства Ареопагитик иному лицу (некоему Псевдо-Дионисию) порождает неразрешимые проблемы и противоречия, тогда как сохранение авторства именно святого Дионисия Ареопагита (при всех имеющихся затруднениях в отношении упоминаемых в текстах Ареопагитик событий, лиц и пр.) *позволяет объяснить текстуально близкие и отдаленные совпадения фрагментов произведений неоплатоников (особенно, у Плотина) с текстами произведений основного корпуса Ареопагитик*. При этом следует обратить внимание на то, что *внешняя* инспирация таинственного богословия святого Дионисия Ареопагита, (т.е. происшедшее примерно V-VI в. н.э. выведение этого учения *из внутреннего круга во внешний* для более широкого и свободного пользования *произошла не случайно*, а в самое подходящее время. Это было *насуточно необходимо* качестве христианского противовеса «расцвету» языческого богословия неоплатонизма и мистицизма, замешанного на восточном пантеизме. После появления Ареопагитик интерес к языческой теологии неоплатонизма существенно снизился. Поэтому **предметом дальнейшего исследования** могло бы быть сравнение особенностей методов сокровенного богословия святого Дионисия Ареопагита и языческой теологии неоплатонизма.

Список источников

Библия. Православное Священное Писание Ветхого и Нового завета. Юбилейное издание, посвященное двухтысячелетию Рождества Христова. СПб.: Северо-Западная Библийская Комиссия. 1998.

Блаватская Е. П. Теософский словарь. М.: Сфера, 1994. 640 с.

Дионисий Ареопагит. О Божественных именах (DN) II 5:15–16. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Dionisij_Areopagit/o-bozhestvennykh-imenakh/#5.

Дионисий Ареопагит. О Таинственном Богословии. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Dionisij_Areopagit/o-tainstvennom-bogoslovii/#0_1

Исаак Сирский // Отечникъ. Рассказы о жизни святых подвижников. Изд. 5-е. М.: ДАРЪ, 2009. 768 с.

Ориген. О молитве. § 8. О правом роде и образе молитвы, а именно о постановлении себя во время молитвы перед лицом Божиим и о пользе, уже этого одного. §9. О правом роде и образе молитвы, а именно о постановлении себя во время молитвы перед лицом Божиим и о пользе,

уже этого одного. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Origen/o-molitve/#sel>.

Ориген. Биография. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Origen/>

Порфирий. Труды. Том I. СПб.: Квадривиум, 2017. 800 с.

Преподобный Иустин (Попович). Гносеология святого Исаака Сирина. Мн.: Свято-Елисаветинский монастырь, 2003. 64 с.

Плотин. Пятая эннеада / Пер. с древнегреч. и послесл. Т. Г. Сидаша. СПб: Издательство Олега Абышко, 2005. 320 с.

Святитель Феофан Затворник. Страсти и борьба с ними: Выдержки из творений и писем / Сост. Игумен Феофан (Крюков). М.: Даниловский благовестник, 2003. 328 с.

Шичалин Ю.А. Аммоний Саккас // Античная философия: Энциклопедический словарь. М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 104-105.

References

Bibliya. Pravoslavnoje Svjashchennoje Pisanije Vetkhogo i Novogo Zaveta. Jubilejnoje izdaniye, posvjashchennoje dvukhtysetcheletiju Rozhdestva Khristova (1998) [The Bible. Orthodox Holy Scripture of the Old and New Testaments. Anniversary edition dedicated to the two thousandth anniversary of the Nativity of Christ]. St. Petersburg: North-Western Bible Commission.

Blavatskaya, E. P. (1994) Teosofskij slovar' [Theosophical Dictionary]. Moscow: Publishing House "Sphere" of the Russian Theosophical Society: 640.

Dionisij Areopagit [Dionysius the Areopagite]. O bozhestvennykh imenakh [On the Divine Names] (DN) II 5:15-16. https://azbyka.ru/otechnik/Dionisij_Areopagit/o-bozhestvennykh-imenakh/#5

Dionisij Areopagit [Dionysius the Areopagite]. O tainstvennom bogoslovii [On the Mysterious Theology]. https://azbyka.ru/otechnik/Dionisij_Areopagit/o-tainstvennom-bogoslovii/#0_1

Isaak Sirskij [Isaac of Sir] (2009). Otechnik [Paterikon]. Rasskazy o zhizni svyatukh podvizhnikov [Stories about the life of holy ascetics]. Izd. 5-ye [5th Ed.]. Moscow: DAR: 768.

Origen. O molitve [On Prayer]. § 8. O pravom rode i obraze molitvy, a imenno o postanovlenii sebja vo vremja molitvy pered litsom Bozhiim i o pol'ze, uzhe etogo odnogo proiskhodjashchej [On the right kind and form of prayer, namely, on bringing oneself, during a prayer, before God and about the benefits of this alone. §9. Dokazyvaetsja iz Sv. Pisanija, chto pered molitvoj dolzhno proshchat', v osobennosti zhenskij pol

dolzhnen javljat'sja na molitvu v prilichnoj odezhde i chto vo vremja molitvy dolzhno sokhranjat' blagogovejenije: uzhe eto odno prinosit nam velichajshuju pol'zu [It is proved from the Holy Scriptures that one should forgive before a prayer, that in particular females should appear at the prayer in decent clothes and that during a prayer one should maintain reverence: this alone brings us the greatest benefit.]. <https://azbyka.ru/otechnik/Origen/o-molitve/#sel>.

Origen. Biografija [Biography]. <https://azbyka.ru/otechnik/Origen/>

Porphyry (2017). Trudy [Works]. Tom I [Volume I]. St. Petersburg, Quadrivium: 800.

Prepodobny Iustin (Popovich) (2003) [The Monk Justin (Popovic)]. Gnoseologija svjatogo Isaaka Sirina [Epistemology of St. Isaac the Syrian]. Minsk, St. Elisavetinsky Monastery: 64.

Plotinus (2005) Pjataja enneada [The Fifth Ennead]. Per. s drevnegrech. i posleslov. T. G. Sidasha. St. Petersburg: Oleg Abyshko Publishing House: 320.

Svjatitel' Feofan Zatvornik (2003). Strasti i bor'ba s nimi: Vyderzhki iz tvorenij i pisem [Passions and the Fight Against Them: Excerpts from Works and Letters]/ Comp. Hegumen Feofan (Kryukov). Moscow.: Danilovsky Blagovestnik: 328.

Shichalin, Yu.A. (2008) Ammonij Sakkas [Ammonius Saccas]. Antichnaja filosofija: Entsiklopedicheskij slovar' [Ancient Philosophy: Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Progress-Traditsija: 104-105.

© Хомелев Г.В., 2023

Хомелев Геннадий Владимирович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Санкт-Петербургского государственного экономического университета. Контактные данные: 191023, Россия, Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 30-32 (Russia, St. Petersburg, nab. Griboyedov Canal, 30-32). E-mail: homelev@yandex.ru.

Статья поступила в редакцию: 20.03.2023.

УДК 1(091)

Черных Андрей АлександровичСанкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
deusdrus@yandex.ru, AuthorID: 1187580, ORCID: 0009-0003-9083-231X**ФИЛОСОФИЯ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО В ПЕРИПЕТИЯХ ИСТОРИОГРАФИИ**

В статье анализируются советско-марксистская и религиозная традиции изучения философии Н. Г. Чернышевского. В связи с этим автор ставит проблему изучения материализма в истории русской философии. Отмечается, что с конца XX в. историки русской философии стали пренебрегать материалистической школой в пользу идеализма и в отдельных случаях – позитивизма. Автор выражает желание прийти к подлинному плюрализму в научной среде и предлагает критически смотреть на историю русской философии. Автор рассматривает советско-марксистскую традицию от Г. В. Плеханова к В. С. Никоненко. Религиозная традиция связывается в первую очередь с работой В. В. Зеньковского, которая хотя и не была первой в своем роде, но должна быть признана наиболее влиятельной и репрезентативной. В статье делается вывод, что советские ученые-марксисты были наиболее продуктивны в исследовании философии Н. Г. Чернышевского. В хронологической перспективе прослеживается постепенное развитие историко-философской науки в работах советских ученых. Особенно подчеркивается глубина работ В. С. Никоненко. О религиозных авторах отмечается, что они либо безосновательно обесценивают философию Н. Г. Чернышевского (т.к. считают материализм «недофилософией»), либо искажают ее, представляя то скрытно религиозной, то позитивистской. В связи с этим основной акцент делается на рефлексии по поводу советских историко-философских работ. Отмечается тенденция по постепенному уходу от «ангажированности» к критическому анализу философских идей Н. Г. Чернышевского. Автор намечает перспективу дальнейшего изучения философии Н. Г. Чернышевского и других представителей материалистической школы с опорой на советское наследие и в связи с возрастным принципом анализа истории.

Ключевые слова: Н.Г. Чернышевский, материализм, история русской философии, историография русской философии, советская философия, марксизм, религиозная философия.

“

Черных А. А. Философия Н. Г. Чернышевского в перипетиях историографии // Язык. Коммуникация. Общество: Электронный научный журнал. 2023. № 2 (2). С. 101-114.

Chernykh Andrey AleksandrovichSt. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
deusdrus@yandex.ru, AuthorID: 1187580, ORCID: 0009-0003-9083-231X**N.G. CHERNYSHEVSKY'S PHILOSOPHY
IN THE TWISTS AND TURNS OF HISTORIOGRAPHY**

The author considers the Soviet-Marxist and religious traditions of the study of N. G. Chernyshevsky's philosophy. Also the author raises the problem of the study of materialism in the history of Russian philosophy. It is pointed out that since the end of XX century the scholars of Russian philosophy have neglected materialistic philosophy in favour of idealism and positivism. The author speaks out his desire to come to pluralism in the academic community and suggests a fresh look at the history of Russian philosophy. The author considers the Soviet-Marxist tradition from G. V. Plekhanov to V. S. Nikonenko. The religious tradition is associated

primarily with the work of V. V. Zenkovsky, which must be regarded as the most influential for today and also the most representative. The author concludes that Soviet-Marxist scholars have written the most valuable works on N. G. Chernyshevsky's philosophy. The author regarded the chronological perspective of the gradual development of historical and philosophical science in the works of Soviet scholars. The high quality of the works of V. S. Nikonenko is emphasized. It is noted about religious authors that they either groundlessly devalue the philosophy of N. G. Chernyshevsky (because they consider materialism as pseudo-philosophy) or distort it, presenting it as either latently religious or positivist. That's why the main emphasis is dealt with Soviet historical-philosophical works. The author notes a tendency to move gradually away from prejudiced to a critical study of N. G. Chernyshevsky's philosophical ideas. The author outlines a perspective for the further study of N. G. Chernyshevsky's philosophy and philosophy of other materialists, based on the Soviet studies and in connection with the age principle of historical analysis.

Keywords: N. G. Chernyshevsky, materialism, history of Russian philosophy, historiography of Russian philosophy, Soviet philosophy, Marxism, religious philosophy.

Chernykh A. A. N.G. Chernyshevsky's philosophy in the twists and turns of historiography. Language. Communication. Society: Digital scientific journal. 2023. 2 (2): 101-114.

С конца XX в. в среде историков русской философии наблюдается повышенный интерес к исследованию именно идеалистической философии (ранние и поздние славянофилы, русский космизм Н. Ф. Федорова, евразийство, Серебряный век, позднесоветский экзистенциализм). Умеренный интерес проявляется к русскому позитивизму (А. А. Богданов).

Материализм же – в связи с отказом многих исследователей от марксистско-ленинской философии – практически предан забвению (редкое исключение составляют Э. В. Ильенков, М. А. Лифшиц). О материализме помнят, но его почти не изучают. Может создаться ложное впечатление, что за советский период материалистическое направление философии было полностью изучено. Однако это не так. И сегодня, когда в научной среде формально провозглашается плюрализм, назрела проблема подлинно научного отношения к истории русской философии. Следует не обесценивать то или иное направление мысли и тем более не игнорировать те или иные философские школы, а относиться ко всем философским течениям с научной беспристрастностью. Это может выражаться, например, в равноправной и, насколько возможно, симметричной представленности всех философских «партий» в научном дискурсе: в журналах и на конференциях.

Чтобы приблизиться к такому состоянию научного сообщества, следует вспомнить не только как будто забытых материалистов, но и исследования их философского наследия. В частности, для понимания русского материализма XIX в. – а следовательно, и материализма XX–XXI вв. – большое значение имеет фигура Николая Гавриловича Чернышевского и исследование его наследия.

Проблема всех или почти всех работ о философии Чернышевского сводится к их ангажированности. Г. В. Плеханов и последующие советские ученые-марксисты

рассматривают Чернышевского в качестве представителя «домарковского» материализма. Эти ученые оценивают Чернышевского как просветителя, социалиста-утописта, антропологического материалиста, фейербахианца и т.д. (с различными акцентами на то или другое определение).

Также в историко-философской науке есть попытки либо обесценить философию Чернышевского, либо представить его философские воззрения как религиозные [См.: Галактионов, Никандров, 1970: 28–38]. Но чтобы предпринять такую попытку, необходимо также Фейербаха изобразить идеалистом и богословом, так как он оказал решающее влияние на воззрения Чернышевского. В своих сочинениях Фейербах часто использует противоречие как стилистический прием. Запутанный язык, которым пишет Фейербах, оставляет простор для различных трактовок его философии. Так, богословы и философы-идеалисты интерпретируют «Сущность христианства» в теологическом ключе [Кантор, 2016], в то время как материалисты понимают философию Фейербаха как атеистическую [Ильенков, 2020].

В конце XX в. вследствие социально-политических изменений в России многие ученые стали отказываться от марксистской методологии в историко-философских исследованиях. Так, к примеру, в 2016 г. вышла в свет работа В. К. Кантора «“Срубленное древо жизни”. Судьба Николая Чернышевского», в которой предпринята попытка «развеять советский миф» и представить Н. Г. Чернышевского как латентного идеалиста и религиозного мыслителя. Но вместо того чтобы поменять «советскую идеологию» на научную методологию, историки философии к началу XXI в. стали, как пишет В. С. Никоненко, смешивать новую идеологию и методологию [Никоненко, 2014].

Стоит упомянуть также, что в настоящее время в музее-усадьбе Н.Г. Чернышевского в Саратове проводится ежегодная конференция «Международные научные чтения “Н. Г. Чернышевский и его эпоха”». По итогам чтений публикуются сборники «Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы». Но следует отметить, что и конференции и сборники носят междисциплинарный характер, а исследования ученых не объединены общим замыслом. Как результат, творчество и биография Чернышевского изучаются подробно, но сама его философская система в цельном виде не исследуется.

Однако в качестве целостной системы идей и взглядов философия Чернышевского изучалась в течение XX в. в советское время. Направление изучения, которое было наиболее продуктивным в отношении Чернышевского, можно назвать **советско-марксистской традицией**, которая берет свое начало в историко-философских трудах Плеханова.

Плеханов всесторонне исследовал творческое наследие редактора «Современника». Он сводит философию Чернышевского к фейербахианству, недооценивая его роль в развитии антропологического материализма Фейербаха. О том, что Плеханов считает Чернышевского фейербахианцем, но не признает за ним почти никакой

оригинальности, красноречиво говорит следующая цитата: «Здесь, как и везде, Чернышевский вполне верен Фейербаху» [Плеханов, 1958: 245]. Это сказано в контексте разговора о статье «Антропологический принцип в философии», которая представляет собой одну из наиболее значительных работ Чернышевского.

В контексте этической теории разумного эгоизма Плеханов высказывает мысль, согласно которой Чернышевский и просветители XVIII в. «не умели стать на *точку зрения развития*» [Плеханов, 1958: 257]. По Плеханову, этот недостаток выражается в том, что Чернышевский искал основание нравственности в рассудке, что приводит к дальнейшим противоречиям разумного эгоизма. В итоге Плеханов приходит к отождествлению разумного эгоизма и альтруизма [Плеханов, 1958: 261] и даже допускает сравнение между теорией разумного эгоизма и категорическим императивом Канта [Плеханов, 1958: 259]. Такой взгляд представляется нам упрощением.

Работы Плеханова имели авторитет для советских ученых, но в то же время были критически отрефлексированы в советской историографии. Примечательно, что советские ученые не были единодушны в оценке Чернышевского, хотя в их работах наблюдается общая тенденция.

Примечательно, что как Плеханов, так и советские исследователи (кроме Г. Г. Шпета) в качестве методологической основы исходят из марксистского понимания историко-философского процесса. В соответствии с этим различные исследователи всегда сходятся в том, что материалистическая философия Чернышевского логически предшествует марксизму, а исторически подготавливает российских интеллектуалов к усвоению марксизма как более развитой формы материализма.

Следует подробнее остановиться на работах некоторых советских ученых. М. М. Розенталь в работе «Философские взгляды Н. Г. Чернышевского» (1948) утверждает, что оценка, данная Плехановым, неточна: «Несомненно, ряд черт антропологического материализма, как увидим, роднит Чернышевского с Фейербахом. Но было бы глубочайшей ошибкой отождествлять их философские взгляды, как это делает, например, Плеханов» [Розенталь, 1948: 37]. Этот мотив в дальнейшем будет иметь место и в более поздних исследованиях других авторов.

Розенталь отмечает, что воззрения Чернышевского на философию и политику складываются рано. Еще в университетские годы бывший семинарист и религиозно настроенный юноша знакомится с «Сущностью христианства» Фейербаха, статьями Белинского и Герцена и примерно за три-четыре года становится убежденным материалистом. Такому быстрому формированию мировоззрения послужили, как отмечает Розенталь, именно Белинский и Герцен, которые были вынуждены пройти длительный период теоретических поисков.

А то обстоятельство, что Чернышевский считал себя лишь последователем Фейербаха, Розенталь объясняет скромностью редактора «Современника»: «...он пошел

дальше Фейербаха и... сумел преодолеть многие недостатки и слабости его философии» [Розенталь, 1948: 31]. Чернышевский был его последователем, но отнюдь не эпигоном. Розенталь подчеркивает, что Чернышевский придерживается принципиальной позиции, согласно которой философию можно разделить на «партии»: материализм и идеализм. Философские основания этих партий мыслятся Чернышевским как непримиримые, причем именно материализм понимается им в качестве научной философии – в противоположность идеализму.

По Розенталю, одна из основных заслуг Чернышевского, отличающая его от Фейербаха, заключается в понимании им важности диалектического метода. Если Фейербах отрицал диалектику, то Чернышевский не только принял ее в качестве философского метода, но и применял ее в анализе социальных и политических явлений.

Но Чернышевский, по Розенталю, допустил некоторые ошибки в применении диалектических законов. Так, Розенталь (а вслед за ним каждый или почти каждый советский исследователь) обращает внимание на проблему качества и количества у Чернышевского. Говоря о различии и сходстве между органической и неорганической природой или между человеком и каким-либо менее развитым организмом, Чернышевский делает акцент на значении именно количественной, а не качественной характеристики. Розенталь пишет: «Чернышевский вместе с тем допускает крупную ошибку, доводя это единство до стирания качественной границы между неорганической и органической природой» [Розенталь, 1948: 47]. И далее заключает: «...это принцип не диалектического, а антропологического материализма» [Розенталь, 1948: 47]. Получается, что быть диалектиком и материалистом еще не значит быть диалектическим материалистом.

Розенталь пишет: «Антропологический материализм видит в человеке, по выражению Чернышевского, то же, что медицина, физиология, химия» [Розенталь, 1948: 48]. Для Розенталя принципиально, что Чернышевский, говоря о человеческой природе, ограничивается естественными науками. Эта заикленность на естествознании, а также недооценка качественных различий, по Розенталю, мешают Чернышевскому «понять действительную сущность жизни людей, человеческого познания, отличие человеческого познания от “познания” животных и т.д.» [Розенталь, 1948: 48]. В другом месте Розенталь пишет, что «Чернышевский вполне стоит на диалектической точке зрения, когда он как последовательный материалист доходит до человека через обозрение всей области природы – неорганической и органической. Но он перестает быть диалектиком, когда не замечает качественных граней, отделяющих сознание общественного человека от сознания животных» [Розенталь, 1948: 68]. Иными словами, дальнейшей ступенью в развитии философии для Чернышевского, по Розенталю, было бы обнаружение качественной границы между единичностью и множеством, индивидом вообще и общественным человеком.

Евграфов в третьем томе работы «История философии в СССР» (1968) указывает на свидетельство о влиянии Белинского и Герцена на образ мыслей Чернышевского, который в студенческом дневнике по поводу «Отечественных записок» времен Белинского и Герцена написал: «“Из этого источника я воспитывался”» [Евграфов (ред.), 1968: 31]. Также Евграфов отмечает, что большую роль в становлении взглядов Чернышевского сыграло его общение с петрашевцами и членами кружка И. Введенского. Благодаря им Чернышевский познакомился с работами Фурье, Прудона и др.

Евграфов указывает, что в период с мая 1849 г. по сентябрь 1850 г. Чернышевский под влиянием «Сущности христианства» от религиозности пришел к скептицизму и стал последователем Фейербаха. Об эволюции взглядов Чернышевского Евграфов пишет следующее: «В университет Чернышевский вошел глубоко религиозным юношей, со смутным и абстрактным идеалом просвещенной монархии, а вышел – социалистом-утопистом, атеистом и сознательным революционером-демократом» [Евграфов (ред.), 1968: 33].

По Евграфову, Чернышевский превзошел Белинского, Герцена и Фейербаха, так как не только был материалистом, но и отчетливо выделил наличие двух философских партий: материалистической и идеалистической.

Философию Чернышевского Евграфов делит на учение о человеке и учение о природе. Причем отмечает, что в понимании человека Чернышевский не ограничился естествознанием, а большое внимание уделил также общественной сущности человека (история, политэкономия). Тем не менее Евграфов, как и Розенталь, считает, что Чернышевский недопонял значение качественной границы в диалектике качества и количества, а потому не смог обнаружить человеческую природу в сфере общественных отношений.

Но в контексте понимания природы как таковой, по Евграфову, Чернышевский считал материю и ее качества неотделимыми друг от друга, так как качество имманентно материальному предмету, который «является разнообразием в единстве» [Евграфов (ред.), 1968: 49]. Понятие материи Чернышевский сводит к веществу, т.е., по Евграфову, трактует материю ограниченно в духе естественных наук.

Евграфов отмечает, что Чернышевский провел принципиальное различие между понятиями «развитие» и «процесс». Если развитие всегда понимается как позитивное изменение, то процесс включает в себя также и негативные изменения. Здесь же Евграфов обращает внимание на критику Чернышевского по поводу теории эволюции Дарвина. Чернышевский понимал ее упрощенно, а потому оспаривал положение о дарвиновской эволюции. По Дарвину, организмы адаптируются к среде, а Чернышевский понял это так, будто вредные влияния на организм способствуют совершенствованию его потомства.

Возвращаясь к теме диалектики, Евграфов пишет, что в трактовке Чернышевского

процессы могут протекать не последовательно, а с пропуском стадий. Чернышевский учел это при анализе крестьянской общины и перспектив социализма в России. Евграфов указывает на некоторое непостоянство Чернышевского в применении методологии. Если в контексте общества отмечается диалектическое понимание социальных вопросов, то в рамках философской антропологии и физиологии Чернышевский, по Евграфову, видит между органической и неорганической природой только количественное различие и не замечает качественную границу. Но Евграфов объясняет это тем, что Чернышевский полемизировал с идеалистами и потому делал акцент на материальном единстве мира, а не на категории качества. Но, по Евграфову, дело еще и в том, что Чернышевский не «изжил» механистическое понимание природы.

Евграфов утверждает, что Чернышевский в понимании познания превзошел Герцена, так как обращал внимание не столько на формы мышления, сколько на его содержание. Другими словами, Чернышевский, по Евграфову, обратил внимание на сущность мышления, на материалистическую природу познания, которое черпает сведения не из субъективных ощущений, а из объективных источников, т.е. из материальной действительности. В то же время Чернышевский рассматривал познание как исторический процесс и потому считал, что человеческое знание имеет относительный характер. Защищая материализм, он в то же время критиковал догматизм с его поисками абсолюта. Также Чернышевский подвергал критике скептицизм и агностицизм.

Евграфов пишет, что Чернышевский использовал «гипотетический метод», который помогает вскрывать недостатки различных общественных явлений, но иногда не позволяет исследовать их с достаточной глубиной, так как допускает «разрыв логического и исторического» [Евграфов (ред.), 1968: 65]. Как пишет Евграфов, в понимании общественных процессов, например в вопросе о возникновении общества, Чернышевский часто становится на позицию просветителя: главное средство общественного прогресса – развитие интеллекта и науки. Получается, что антропологический принцип Чернышевского приводит к поиску общественных противоречий не в самом обществе, а в природе индивида, т.е. вне общества. Тем не менее Чернышевский иногда изменял своему антропологическому методу в пользу скорее материалистического понимания истории, так как объяснял качества «людей их историческим бытием» [Евграфов (ред.), 1968: 71].

Евграфов отмечает, что на этику Чернышевского повлияли философские идеи французских материалистов XVIII в. и Фейербаха, а также социология Белинского и Герцена. Нравственность личности, по Чернышевскому, заключается в эгоизме, который в развитом и сознательном виде «разумного эгоизма» сближается с альтруизмом. Но Чернышевский также соотносил нравственность с общественной деятельностью: в его трактовке этика приобретает классовый характер.

Об эстетике Евграфов пишет, что положение Чернышевского о неизмеримом

превосходстве прекрасного в природе над искусством входит в противоречие с философией и социологией Чернышевского.

В работе «Русская философия XI–XIX веков» (1970) А. А. Галактионов и П. Ф. Никандров дают Чернышевскому высокую оценку как мыслителю и революционеру. Содержательно их исследование близко к работе Евграфова. Отметим только, что Галактионов и Никандров представили историю русской философии как целостный процесс, в который включается философия Чернышевского как один из значительных эпизодов.

Н. Ф. Уткина в работе «Позитивизм, антропологический материализм и наука в России (вторая половина XIX века)» (1975) рассматривает философию Чернышевского в контексте позитивизма и современного ему естествознания. Исследователь утверждает, что Чернышевский по философским воззрениям был ближе всего к французскому просвещению XVIII в. Соответственно, он стоял в оппозиции к позитивистской философии. Пересечение между Чернышевским и французскими просветителями наиболее ярко проявляется в понимании неограниченности человеческого познания. Но при этом Уткина отмечает, что в сравнении с французскими просветителями диалектика Чернышевского придает его воззрениям своеобразие.

Уткина обращает внимание на серьезное различие между методологией Чернышевского и позитивистов. О Дж. С. Милле Чернышевский рассуждает в русле принципа партийности, так как «...теория оценивается по критериям, учитывающим социальную позицию теоретика» [Уткина, 1975: 68].

Также исследователь проводит границу между теорией разумного эгоизма Чернышевского, с одной стороны, и утилитаризмом и индивидуализмом позитивистов, с другой, объясняя это тем, что социальная теория Чернышевского и его единомышленников несовместима с этикой Милля и Бентама в исходном виде. Уткина пишет: «Утилитаризм Бентама и Милля сильно изменился в работах революционных демократов, войдя в соприкосновение с социально-экономической концепцией утопического социализма» [Уткина, 1975: 70]. Другими словами, приравнивание этики Чернышевского к этике утилитаризма является следствием непонимания существенных различий между ними.

С. С. Волк и В. С. Никоненко исследовали философию Чернышевского в работах «Материализм Н. Г. Чернышевского» (1979) и «Г. В. Плеханов и Н. Г. Чернышевский» (1980). Также В. С. Никоненко написал работы «Материализм Чернышевского, Добролюбова, Писарева» (1983) и «Николай Александрович Добролюбов» (1985).

Стоит сразу отметить, что воззрения Добролюбова тесно связаны с образом мыслей Чернышевского, а потому изучение взглядов Чернышевского в отрыве от взглядов Добролюбова было бы неполным. Эту мысль особенно подчеркивает Никоненко в своей монографии о Добролюбове.

В статье «Г. В. Плеханов и Н. Г. Чернышевский» (1980) исследователи затрагивают проблему соотношения взглядов Плеханова и Чернышевского в связи с историко-философскими работами Плеханова о Чернышевском, которые были обусловлены политико-пропагандистскими целями. Плеханов стремился доказать, что Чернышевский не столько предшественник народников, сколько предшественник марксистов в России. Тем не менее Волк и Никоненко отмечают, что В. И. Ленин и Ю. М. Стеклов оценивают материализм и политическую теорию Чернышевского выше, чем Плеханов. В частности, Плеханов сводит взгляды Чернышевского к просветительству, в то время как Ленин усматривает у Чернышевского революционность. Волк и Никоненко связывают это с политическими разногласиями Плеханова и Ленина как меньшевика и большевика соответственно.

В работе «Материализм Чернышевского, Добролюбова, Писарева» (1983) Никоненко предпринял попытку проследить связь между взглядами Чернышевского и Добролюбова с взглядами Писарева, но обратил внимание именно на то, что Никоненко пишет о философии самого Чернышевского: «Чернышевский соотносит фейербаховскую философию с действительностью, воспринимает ее направленность на земные проблемы. В этом проявилось наиболее существенное влияние Фейербаха на Чернышевского» [Никоненко, 1983: 11]. Другими словами, Никоненко пишет о влиянии Фейербаха на Чернышевского в положительном ключе – в отличие от Евграфова, Галактионова и Никандрова, которые видели в фейербахианстве Чернышевского теоретическую неполноценность.

Продолжая эту мысль, Никоненко пишет, что Чернышевский «стремился заменить культ абстрактного человека наукой о деятельных людях и их историческом развитии...» [Никоненко, 1983: 13]. Здесь подчеркивается созидательная роль философских и научных исканий Чернышевского, который отталкивался от антропологизма Фейербаха, но не ограничивался им.

Никоненко обращает внимание на статью Чернышевского «Антропологический принцип в философии», которая «выполняет роль своеобразного “методологического ключа” ко всем предшествующим работам Чернышевского, она замыкает их, превращая в единое целое. Кроме того, она служит дальнейшей разработке как материалистического мировоззрения, так и проблем естественных и общественных наук» [Никоненко, 1983: 27]. Однако нельзя сказать вслед за многими советскими учеными, что антропологический принцип Чернышевского ограничивал его в изучении философии, общества и пр. Разумеется, согласно марксистской методологии, любая философская система тем или иным образом оказывается следствием общественных отношений. Понимая это, Никоненко делает акцент не на сравнении Чернышевского с Марксом, как многие другие исследователи, а обращает внимание на то прогрессивное, что появилось впервые именно в работах Чернышевского. Так, Никоненко пишет: «Чернышевский и

Добролюбов не были рядовыми учениками Фейербаха. Рассматривая конкретные вопросы общественной жизни и познания, они значительно продвинули вперед антропологический материализм. Философские взгляды, изложенные в статье «Антропологический принцип в философии», значительно отличались от воззрений немецкого философа» [Никоненко, 1983: 29].

Можно сказать, что на сегодняшний день работы Никоненко о Чернышевском остаются непревзойденными. Суммируя лучшие теоретические достижения своих предшественников, Никоненко не ограничивался повторением уже сказанного или же рассмотрением исключительно частных вопросов, а стремился к углублению теоретических обобщений [Черных, 2022].

Наряду с советско-марксистской традицией изучения философии Чернышевского существует еще и **религиозная традиция**, представители которой опираются в первую очередь на религиозную картину мира. Одни представители этого направления обесценивают философию Чернышевского: рассматривают ее как преходящий эпизод в истории русской философии, объясняя это тем, что Чернышевский материалист. Другие – склоняются к вольным интерпретациям его философии, в результате чего в его тексты вкладывается чуждый Чернышевскому религиозный смысл. Исходя из этого, религиозную традицию следует признать тенденциозной.

Обратим внимание на труды тех исследователей, которые представляются наиболее популярными на сегодняшний день. В. В. Зеньковский и Н. О. Лосский не изучали специально философию Чернышевского, но их работы по истории русской философии, в которую включается и Чернышевский, достаточно репрезентативны, так как отражают общую тенденцию всей религиозной традиции. Э. Л. Радлов, В. Ф. Эрн и др. представители этой традиции содержательно почти не отличаются друг от друга, поэтому в контексте истории изучения философии Чернышевского не имеет смысла упоминать их всех. К современным представителям религиозной традиции изучения русской философии следует отнести В. К. Кантора, написавшего книгу о Чернышевском. Важно вспомнить и о Г. Г. Шпете.

В работе «История русской философии» (1948–1950) В. В. Зеньковский пишет о «религиозности» русских философов, в том числе Чернышевского. Рассуждая о философии второй половины XIX в., Зеньковский пишет: «Основным водоразделом остается все та же *религиозная* тема, которая сохраняет и ныне свое центральное значение» [Зеньковский, 2001: 311]. Идею социализма Зеньковский рассматривает как эквивалент религиозного мировоззрения. По Зеньковскому, «религиозные запросы» могут быть и без религии как таковой, в частности, без христианства или института церкви. А секуляризм в русской философии связывается им или с богоборчеством, или с богоискательством. Даже атеистическое мировоззрение нигилистов, по Зеньковскому, переходит в своеобразное «фанатическое сектантство».

Зеньковский дает Чернышевскому различные, иногда прямо противоречивые характеристики. Так, когда Чернышевский «защищает материализм», он встает на позиции вульгарного материализма. В то же время Чернышевский оказывается позитивистом: «...его позитивизм – беря его в существо – стоит вне сомнения» [Зеньковский, 2001: 317].

Даже при сознательном развитии материалистических взглядов, считает Зеньковский, Чернышевский не смог избавиться от «предмета религиозного поклонения». Любопытно, что Зеньковский видит эту «религиозность» в любых идеалах, мечтах и целях – во всем, что не повседневно и не имеет наглядного материального выражения. По Зеньковскому, «религиозность» Чернышевского со времен обучения в семинарии не исчезла, а только сменила «объект свой».

Показательно, как Зеньковский, разделяя точку зрения Шпета, оценивает статью «Антропологический принцип в философии»: «Шпет справедливо называет эту статью “хаотической” (“в этой хаотической статье – презрительно говорит Шпет – можно найти все, что угодно, кроме философии”» [Зеньковский, 2001: 318]. Действительно, при поверхностном чтении в этой статье трудно обнаружить философию: неискушенному читателю может показаться, что текст Чернышевского посвящен естествознанию. К большому сожалению, Шпету и Зеньковскому тоже так показалось. Не случайно Зеньковский из прочтения «Антропологического принципа» делает вывод, что Чернышевский в этой работе стоит на позиции «материалистического биологизма» [Зеньковский, 2001: 320].

Так же буквально Зеньковский воспринял и статью В. С. Соловьева «Первый шаг к положительной эстетике», в которой автор приписывает Чернышевскому скромную заслугу, которая на деле сводится лишь к тому, что Чернышевский сказал наиболее общие положения, т.е. банальность.

Чернышевский в предисловии к третьему изданию диссертации написал, что его эстетика вдохновлена Фейербахом. И Зеньковский пишет, что так как у Фейербаха «нет почти ничего, относящегося к вопросам эстетики», то «Чернышевский недостаточно ясно сознавал принципиальную ценность его эстетических воззрений» [Зеньковский, 2001: 323]. Читая философский текст буквально, Зеньковский, вероятно, не заметил, что Чернышевский был последователем Фейербаха в первую очередь в области онтологии и теории познания, на фундаменте которых возвел свою эстетику. Об этом и шла речь в предисловии к диссертации.

По какой-то причине не проводя серьезных различий между материализмом и позитивизмом, Зеньковский пишет, что Чернышевский «стал основоположником русского позитивизма и материализма, послужив им, как мог, пожертвовав им своим философским дарованием, но внутренняя дисгармония в творчестве Чернышевского достаточно ярко говорит, что ему самому было тесно и неудобно в узких рамках

позитивизма и материализма» [Зеньковский, 2001: 327]. Другими словами, Чернышевский – с точки зрения Зеньковского – имел потенциал стать выдающимся философом-идеалистом, но попав под влияние *неидеалистов*, сам загнал себя в рамки, тем самым помешав себе раскрыться на философском поприще.

В работе «История русской философии» (1951) Н. О. Лосский говорит о Чернышевском кратко. Лосский обращает внимание на противоречие между «эгоизмом» и борьбой за высокие ценности – объясняет он это скромностью Чернышевского, «которая не позволяла... прибегать к таким высокопарным словам, как “совесть”, “честь”, “идеал” и т.д.» [Лосский, 2018: 87]. Следует отметить, что Лосский более сдержан в своих выводах, чем Зеньковский. Например, Лосский не высказывает идею о скрытной «религиозности» Чернышевского. Однако, кажется, намекает на это, говоря о склонности русских философов вообще и Чернышевского в частности к этической проблематике.

В работе В. К. Кантора «“Срубленное древо жизни”. Судьба Николая Чернышевского» (2016) Чернышевский представлен латентным религиозным мыслителем, который под видом позитивизма пытался развивать и актуализировать христианское учение. Кантор пишет биографическую работу с претензией на философское значение, так как затруднительно выстроить аргументацию в формате историко-философского текста. Религиозный образ Чернышевского складывается под пером Кантора благодаря риторическим приемам, подбору «удобных» фактов, искажению цитат и созданию контекста, в котором точка зрения автора смотрится органично. В итоге получается мифологизированный Чернышевский, который мало похож на исторического Чернышевского. Примечательно, что Кантор претендует на развенчание «советского» мифа о Чернышевском, но вместо этого лишь замещает один «миф» другим [См.: Черных, 2022; Черных, 2022].

Кантор пытается подкрепить свою позицию ссылками на авторитет Шпета и его работу «Источники диссертации Чернышевского» (1929). Шпет предложил альтернативную точку зрения, согласно которой эстетика Чернышевского не связана с материализмом Фейербаха. Тот факт, что Чернышевский в предисловии к третьему изданию своей диссертации («Эстетические отношения искусства к действительности») прямо пишет о связи своей эстетической теории с взглядами Фейербаха, Шпет объясняет «старческой памятью», которая подвела Чернышевского. Более того, согласно Шпету, Чернышевский не понял Фейербаха, а потому не мог построить эстетическое учение на основе его философии.

Итак, советская (марксистская) традиция изучения философии Чернышевского имеет перспективы развития. Работы Плеханова, Евграфова, Никоненко и др. представляют ценность для исследователей русской философии и сегодня. В религиозной же традиции авторы склонны либо обесценивать те или иные философские системы, либо

искажать их, придавая материалистическим и позитивистским взглядам религиозное значение.

В качестве одного из современных перспективных направлений изучения русской философии – включая как русский материализм, так и материализм Чернышевского – можно назвать возрастную принцип анализа истории [Маслобоева, 2015]. Согласно этому принципу, история философии развивается так же, как поколения людей сменяют друг друга. При помощи этой методологии можно раскрыть «*внутреннюю логику эволюции предметного поля философии*» [Маслобоева, 2015: 172], т.е. определить доминирующие идею и принцип каждой эпохи в их закономерном и внутренне присущем развитии. Определение места и роли Чернышевского в истории философии, исходя из методологии возрастного принципа, может оказаться перспективным как в изучении его философии, так и в изучении философии других материалистов.

Список источников

Волк С. С., Никоненко В. С. Г. В. Плеханов и Н. Г. Чернышевский // Н. Г. Чернышевский и современность. М.: Наука, 1980. С. 242–247.

Волк С. С., Никоненко В. С. Материализм Н. Г. Чернышевского. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1979. 152 с.

Галактионов А. А., Никандров П. Ф. Русская философия XI–XIX веков. Л.: Наука, 1970. 652 с.

Зеньковский В. В. История русской философии. М.: Академический Проект, Раритет, 2001. 880 с.

Ильенков Э. В. Диалектическая логика // Ильенков Э. В. Собрание сочинений. Т. 4. М.: Канон+, 2020. С. 222–449.

История философии в СССР. В 5 т. Т. 3. / под ред. Еврафова В. Е. М.: Наука, 1968. 672 с.

Кантор В. К. «Срубленное древо жизни». Судьба Николая Чернышевского. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 528 с.

Лосский Н. О. История русской философии. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. 608 с.

Маслобоева О. Д. Методологический потенциал возрастного принципа анализа истории // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2015. №1. С. 169–178.

Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы: сборник научных трудов. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2020. Вып. 22. 184 с.

Никоненко В. С. Материализм Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1983. 151 с.

Никоненко В. С. Николай Александрович Добролюбов. М.: Мысль, 1985. 191 с.

Никоненко В. С. Труды по русской философии и литературе. СПб.: Изд-во РХГА, 2014. 534 с.

Плеханов Г. В. Работы о Н. Г. Чернышевском // Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. В 5 т. Т. 4. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1958. С. 47–414.

Розенталь М. М. Философские взгляды Н. Г. Чернышевского. М.: Госполитиздат, 1948. 312 с.

Уткина Н. Ф. Позитивизм, антропологический материализм и наука в России. М.: Наука, 1975. 320 с.

Черных А. А. Виталий Сергеевич Никоненко. К 80-летию со дня рождения // Философский полилог: Журнал Международного центра изучения русской философии. 2022. №1. С. 148–162.

Черных А. А. Н. Г. Чернышевский и Л. Фейербах: антропологический материализм или религиозная философия? // Вече: Ежегодник русской философии и культуры – 2022. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество. С. 68–85.

Черных А. А. Философия Н. Г. Чернышевского в современных отечественных историко-философских исследованиях // Философский полилог: Журнал Международного центра изучения русской философии. 2022. № 2. С. 89–112.

Шпет Г. Г. Источники диссертации Чернышевского // Шпет Г. Г. Очерк развития русской философии. II. Материалы. Реконструкция Т. Г. Щедриной. М.: Российская политическая энциклопедия, 2009. С. 362–416.

References

Chernykh, A. A. (2022) *Filosofiya N. G. Chernyshevskogo v sovremennykh otechestvennykh istoriko-filosofskikh issledovaniyakh* [N.G. Chernyshevsky's Philosophy in Modern Russian Historical and Philosophical Studies]. *Filosofskiy polilog: Zhurnal Mezhdunarodnogo tsentra izucheniya russkoy filosofii*. [Philosophical polylogue: Journal

of the International Centre for the Study of Russian Philosophy]? 2: 89–112. (In Russ.)

Chernykh, A. A. (2022) *N. G. Chernyshevskiy i L. Feyyerbakh: antropologicheskiy materializm ili religioznaya filosofiya?* [N. G. Chernyshevsky and L. Feuerbach: Anthropological materialism or religious philosophy?].

Veche: Yezhegodnik russkoy filosofii i kul'tury [Veche: Yearbook of Russian Philosophy and Culture]. St Petersburg: Sankt-Peterburgskoye filosofskoye obshchestvo: 68–85. (In Russ.)

Chernykh, A. A. (2022) Vitaliy Sergeyevich Nikonenko. K 80-letiyu so dnya rozhdeniya [Vitaly Sergeevich Nikonenko. On the 80th anniversary of his birth]. *Filosofskiy polilog: Zhurnal Mezhdunarodnogo tsentra izucheniya russkoy filosofii* [Philosophical polylogue: Journal of the International Centre for the Study of Russian Philosophy]. №1: 148–162. (In Russ.)

Galaktionov, A. A., Nikandrov, P. F. (1970) *Russkaya filosofiya XI–XIX vekov* [Russian philosophy from the eleventh to the nineteenth centuries]. Leningrad: Nauka: 652. (In Russ.)

Il'yenkov, E. V. (2020) *Dialekticheskaya logika* [Dialectical logic]. Il'yenkov, E. V. *Sobraniye sochineniy* [Ilyenkov, E. V. Collected Works]. Vol. 4. Moscow: Kanon+: 222–449. (In Russ.)

Istoriya filosofii v SSSR [History of philosophy in the USSR]. (1968) In 5 vol., vol. 3. / ed. by Yevgrafova, V. E. Moscow: Nauka: 672. (In Russ.)

Kantor, V. K. (2016) «Srublennoye drevo zhizni». *Sud'ba Nikolaya Chernyshevskogo* ["The felled tree of life". The fate of Nikolai Chernyshevsky]. Moscow; St Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ: 528. (In Russ.)

Losskiy, N. O. (2018) *Istoriya russkoy filosofii* [History of Russian philosophy]. St Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus: 608. (In Russ.)

Masloboeva, O. D. (2015) *Metodologicheskyy potentsial vozrastnogo printsipa analiza istorii* [The age principle of historical analysis and its methodological potential]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya* [Vestnik (Herald) of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflictology]. №1: 169–178. (In Russ.)

N. G. Chernyshevsky. Stat'i, issledovaniya i materialy: sbornik nauchnykh trudov [N.G. Chernyshevsky. Articles, Studies and Materials: A Collection of Scientific Works]. (2020) Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta. №22: 184. (In Russ.)

Nikonenko, V. S. (1983) *Materializm N. G. Chernyshevskogo, N. A. Dobrolyubova, D. I. Pisareva* [The

materialism of N.G. Chernyshevsky, N.A. Dobrolyubov, D.I. Pisarev]. Leningrad: Izd-vo Leningradskogo universiteta: 151. (In Russ.)

Nikonenko, V. S. (1985) *Nikolay Aleksandrovich Dobrolyubov* [Nikolai Alexandrovich Dobrolyubov]. Moscow: Mysl': 191. (In Russ.)

Nikonenko, V. S. (2014) *Trudy po russkoy filosofii i literature* [Works on Russian philosophy and literature]. St Petersburg: Izd-vo RKHGA: 534. (In Russ.)

Plekhanov, G. V. (1958) *Raboty o N.G. Chernyshevskom* [Works on N. G. Chernyshevsky]. Plekhanov G. V. *Izbrannyye filosofskiyе proizvedeniya*. [Plekhanov, G. V. Selected Philosophical Works]. In 5 vol., vol. 4. Moscow: Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoy literatury: 47–414. (In Russ.)

Rozental', M. M. (1948) *Filosofskiyе vzglyady N. G. Chernyshevskogo* [The philosophical views of N. G. Chernyshevsky]. Moscow: Gospolitizdat: 312. (In Russ.)

Shpet, G. G. (2009) *Istochniki dissertatsii Chernyshevskogo* [Sources of Chernyshevsky's thesis]. Shpet G. G. *Ocherk razvitiya russkoy filosofii* [Shpet, G. G. An Essay on the Development of Russian Philosophy]. II. Materials. Reconstruction by T. G. Shchedrinoy. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya: 362–416. (In Russ.)

Utkina, N. F. (1975) *Pozitivizm, antropologicheskyy materializm i nauka v Rossii* [Positivism, anthropological materialism and science in Russia]. Moscow: Nauka: 320. (In Russ.)

Volk, S. S., Nikonenko V. S. (1979) *Materializm N.G. Chernyshevskogo* [The materialism of N.G. Chernyshevsky]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta: 152. (In Russ.)

Volk, S. S., Nikonenko, V. S. (1980) *G. V. Plekhanov i N. G. Chernyshevskiy* [G.V. Plekhanov and N. G. Chernyshevsky]. N.G. Chernyshevskiy i sovremennost' [N. G. Chernyshevsky and modernity]. Moscow: Nauka: 242–247. (In Russ.)

Zen'kovskiy, V. V. (2001) *Istoriya russkoy filosofii* [History of Russian philosophy]. Moscow: Akademicheskyy Proyekt, Raritet: 880. (In Russ.)

© Черных А.А., 2023

Черных Андрей Александрович – аспирант Института философии Санкт-Петербургского государственного университета. Контактные данные: 197348, Россия, Санкт-Петербург, Богатырский проспект 7/3 (Russia, St. Petersburg, Bogatytsky prospect 7/3). E-mail: st086103@student.spbu.ru, deusdrus@yandex.ru.

Статья поступила в редакцию: 27.03.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Электронный научный журнал «Язык. Коммуникация. Общество» Санкт-Петербургского государственного экономического университета приглашает к сотрудничеству авторов научных работ – преподавателей вузов, исследователей, молодых ученых в области лингвистики, медиакommunikаций и журналистики, философии.

Присланные авторами статьи проходят обязательное двойное слепое рецензирование. Материалы аспирантов принимаются при наличии рекомендации научного руководителя.

Для публикации материалов в ЭНЖ «Язык. Коммуникация. Общество» авторам необходимо направить на электронный адрес журнала оформленные по требованиям тексты научных статей.

Правила оформления и образец статьи размещены на официальном сайте СПбГЭУ в разделе Электронный научный журнал «Язык. Коммуникация. Общество». Прямая ссылка на раздел: <https://unecon.ru/nauka/izdaniya/>

Редакция оставляет за собой право не рассматривать рукописи, оформленные не в соответствии с указанными требованиями.

Журнал выходит 4 раза в год. Сроки приема статей: № 1 – до 01 января, № 2 – до 1 апреля, № 3 – до 1 июня, № 4 – до 1 ноября. Сроки приема статей могут быть сокращены при досрочном достижении предельного объема номера журнала!

Контактная информация:

Почтовый адрес: 191023, г. Санкт-Петербург,
Москательный пер., д. 4.

E-mail: ics_journal@unecon.ru

Научное издание

Электронный научный журнал
«ЯЗЫК. КОММУНИКАЦИЯ. ОБЩЕСТВО»

2023. Выпуск 2

Усл. печ. л. 7,3.

191023, Санкт-Петербург,
наб. канала Грибоедова, д. 30-32, лит. А.